

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован
в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Волков Ю. К., Корнев Г. П.</i> Эпистемологический статус современного обществознания: от идеала научной объективности к самореференциям культуры	5
<i>Дорожкин А. М., Шибаршина С. В.</i> Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация	11
<i>Фукалов А. В.</i> Феномен гениальности и постмодернизм	18

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Жерлицына Н. А.</i> Особенности восприятия Марокко в Советском Союзе в 1950–1990 гг.	22
<i>Симонов М. А.</i> Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг.	27

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Маслова А. Г.</i> Философские мотивы в поэзии Е. И. Кострова.....	36
<i>Клековкин Д. А.</i> Изображение революционеров в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» и рассказе А. С. Грина «Марат»	40
<i>Семененко Н. Н.</i> Когнитивный субстрат паремий в фокусе задач моделирования паремической семантики.....	46
<i>Переверзева Н. А.</i> О разных подходах к изучению контекста в лингвистике	52
<i>Сегал Н. А., Коротких Ю. С.</i> Метафорический образ Голгофы в массмедийных текстах	57
<i>Чебышев Ф. А.</i> Прилагательные с семантикой ожидания в языке современных СМИ и их связь с обозначаемыми объектами.....	60
<i>Шибанова А. Н.</i> Языковые средства создания женских образов в исторических романах Р. М. Зотова: образы царевны Софьи и Марии Федоровны.....	65
<i>Гнездилова Л. Б.</i> Механизмы функционирования тактики задержки ответа в рамках стратегии коммуникативного уклонения (на материале английского языка)	70
<i>Ситникова И. О., Загустина И. В.</i> Влияние феминистской критики языка на немецкоязычный академический интернет-дискурс	74
<i>Попова Л. Г., Кулакова Ю. Н.</i> Вербализация бережливости в немецком и английском языках (сопоставительный аспект).....	80
<i>Меметова А. Ш.</i> Номенклатура эмоций в крымскотатарском и немецком языках.....	84

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Тимощук А. С.</i> Общество без будущего (критика техноутопий).....	88
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	92
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	94

CONTENTS

- Volkov Y. K., Kornev G. P.* Epistemological status of modern social knowledge: from the ideal of scientific objectivity to the self-referencing of culture
- Dorozhkin A. M., Shibarshina S. V.* The hypothetico-deductive method of scientific inquiry: field of use and basic interpretation
- Fukalov A. V.* The phenomenon of genius and postmodernism
- Zherlitsina N. A.* Features of perception of Morocco in the Soviet Union in 1950–1990
- Simonov M. A.* The draft of building a communist society in the USSR by the general economic plan 1951–1970
- Maslova A. G.* Philosophical motives in E. I. Kostrov's poetry
- Klekovkin D. A.* Depicting revolutionaries in F. Dostoyevsky's novel «The Possessed» and A. Grin's short story «Marat»
- Semenenko N. N.* Cognitive substratum of proverbs in focus of tasks of modeling of paremic semantics
- Pereverzeva N. A.* About different approaches to studying of the context in linguistics
- Segal N. A., Korotkih Y. S.* Metaphorical image of *Golgotha* in mass and media texts
- Chebyshev P. A.* Adjectives with the semantics of expectation in the language of mass media and their connection with related objects
- Shibanova A. N.* Linguistic means creating women characters in R. M. Zotov's historical novels: tsa-revna Sofya and Mariya Fyodorovna
- Gnezdilova L. B.* Mechanisms of functioning of delaying tactics in the strategy of communication evading (with examples in the English language)
- Sitnikova I. O., Zagustina I. V.* Impact of the feminist critique of language on the German academic internet discourse
- Popova L. G., Kulakova J. N.* Lexical-semantic explication of the concept “thrift” in english and german
- Memetova A. S.* Nomenclature of emotion in Crimean Tatar and German languages
- Timoschuk A. S.* Society without future (critique of technotopias)

Эпистемологический статус современного обществознания: от идеала научной объективности к самореференциям культуры

В статье анализируется оказавший существенное влияние на изменение эпистемологического статуса современного обществознания отказ от идеала научной объективности в пользу самореферентных оснований культуры, выходящих за границы научного познания. Показано, что в современных условиях всё большее распространение получает установка, демонстрирующая эпистемологическую самодостаточность ценностно-нормативного подхода. Делается вывод о том, что главным экстерналистским фактором, меняющим эпистемологический статус современного обществознания, является изменившаяся природа знания, которое находит основания для своей легитимации в нарративах культуры. Однако в условиях общества постмодерна культурные основания такой аксиологически нагруженной разновидности научного знания, как науки об обществе и человеке, утрачивают способность к ценностно-смысловой инвариантности, а потому допускают возможность имитации ценностных идеалов.

The article analyzes the refusal from the ideal of scientific objectivity which has significant effect on the change of the epistemological status of modern social knowledge in favor of the self-referencing foundations of culture which overstepped the bounds of scientific knowing. It is shown that in modern conditions the more widely spread attitude that demonstrates the epistemological self-sufficiency of the value-normative approach. It is concluded that the main externalist factor which changes the epistemological status of modern social knowledge is the changed nature of knowledge which finds the foundations for the legitimating in the narratives of culture. However, in the conditions of post-modern society's the cultural foundations of such an axiologically loaded type of scientific knowledge as the sciences about society and man are losing the ability to value-semantic invariance and therefore allow simulating of valuable ideals.

Ключевые слова: обществознание, эпистемологический статус, идеал научной объективности, ценностно-нормативный подход, экстернализм, самореферентность, культура постмодерна.

Keywords: social knowledge, epistemological status, ideal of the scientific objectivity, value-normative approach, externalism, self-reference, post-modern culture.

Обществознанием принято называть совокупность всех наук, предметом которых выступает система «человек – общество». В свою очередь, указанная предметная дихотомия общественных наук обуславливает их деление на две основные разновидности. Это социальные науки, проблемная область которых сфокусирована на различных аспектах форм и результатов человеческой активности, связанных с жизнью общества, а также на исследовании самого общества в целом или его отдельных частей, и гуманитарные науки, ориентированные на изучение особенностей и форм человеческого бытия.

Классическое двухсоставное определение обществознания как наук об обществе (социология) и наук о человеческом духе, предложенное Н. И. Кареевым и вошедшее в энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, до настоящего времени сохраняет свое эпистемологическое значение [1]. В советской философии деление общественных наук на социальные и гуманитарные исследования, чаще всего, проводилось по критерию, вытекающему из формулировок основного вопроса философии, и связывалось с различиями двух основных типов знания: объективного и субъективного характера. В этом смысле социальные науки, как наиболее близкие к естественнонаучному типу знания, должны были сосредоточить свое внимание на исследовании объективной детерминации форм общественной жизни. В то время как гуманитарным исследованиям следовало ориентироваться на изучение субъективного мира человека [2]. В современной российской философии вопросы специфики и структуры социально-гуманитарного знания в

условиях отказа от канонов марксистской парадигмы, а также в связи с введением в программу подготовки аспирантов учебной дисциплины «История и философия науки» приобрели особую актуальность и являются предметом регулярного обсуждения на страницах научных и учебных изданий [3]. Нас же в этом контексте, прежде всего, интересует ответ на вопрос: какие внутренние и внешние причины повлияли на всё более заметное движение современного обществознания в сторону от идеала научной объективности при одновременном росте претензий на статус строгой науки?

Приближение к идеалу объективной истины, свободному от ненаучных норм, ценностей и оценок, последовательно и аргументированно отстаивали многие известные представители позитивистской и рационалистической линии в методологии социального познания [4]. Не менее убедительно в споре о статусе социальных наук выглядит позиция критиков объективистского требования научной свободы от ценностей на основании всего лишь одного, но вполне достаточного аргумента Т. Адорно: «Научная объективность и свобода от ценностей сами суть ценности» [5]. Возникающий в этой связи ответ на вопрос о роли идеологических ценностей в создании теории межличностных отношений можно найти в трудах другого представителя франкфуртской школы – Г. Маркузе [6]. Не углубляясь далее в эту специальную тему, отметим лишь, что сциентизм и антисциентизм, действительно, можно вывести, с одной стороны, из либеральной философской традиции И. Канта, а с другой – из идеологии государственного консерватизма Г. Гегеля и классовой критики буржуазного общества К. Маркса [7]. Не случайно последовательно отстаивающий принципы философского консерватизма современный российский философ В. А. Кутырёв считает началом отказа от онтологии телесного мира именно критическую гносеологию И. Канта, которая, по его словам, становится «знаменем прогресса в борьбе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX века» [8]. На том же кантианском противопоставлении рассудочной конечности и разумной бесконечности строит свою концепцию природы ценностного мира В. В. Ильин [9].

Вместе с тем можно отметить, что, несмотря на существующий методологический раскол в понимании обществоведческих критериев истинного знания, не прекращаются попытки использования методов «точных наук» при изучении субъективных проявлений человеческой активности. Так, например, хорошо известен проект «моделирования души» В. Лефевра, который выглядит как состоящая из «картинок-трансформеров» репрезентация булевой функции, комбинирующая структурные и функциональные свойства модели личности [10]. С точки зрения рефлекторной модели ментальных действий субъекта эти два образа-планшета представляют собой: а) рефлексию низшего ранга, которая сводится к тому, как данный субъект видит мир; б) рефлексию высшего ранга, моделирующую представления субъекта о себе самом, а также о собственных мыслях [11]. Однако, как выясняется далее, моделирование человеческого поведения, опирающегося на идеал строгой научности, становится возможным лишь при наличии мета-теории, выходящей за рамки конкретной науки и предназначенной для интерпретации учения о свободе воли [12].

Таким образом, отсутствие постоянной границы между научными, метанаучными и философскими интерпретациями субъектно-центрированных форм человеческой активности в очередной раз подтверждает противоречивый и полностью не объективируемый характер социально-гуманитарных исследований. Однако отмеченное обстоятельство не снижает остроты продолжающихся дискуссий о критериях истины в ситуации, когда речь заходит о дихотомии номотетического и идеографического подходов в изучении общества [13] либо о соотношении научно-теоретического и философского осмысления такой событийной формы существования социума, как историческая действительность [14]. В то же время принципиальная незавершенность споров на тему «двух культур», которые, как правило, носят узкопрофессиональный характер, заставляет обратиться к выяснению общих условий, препятствующих нахождению консенсуса между представителями противоположных точек зрения на проблему природы социально-гуманитарного знания.

Прежде чем попытаться ответить на этот ключевой с точки зрения институционального понимания статуса науки вообще и общественных наук в частности вопрос, попробуем ограничить его предметное содержание. Речь, в нашем случае, пойдёт о возможности рассмотрения только одной группы причин экстерналистского характера, поскольку статус науки в условиях современного глобально интегрированного и управляемого общества зависит не только от собственных оснований, но и социокультурной ситуации в целом [15]. Следовательно, разбирая основные причины изменений эпистемологического статуса обществознания с точки зрения его соответствия принципу научной объективности, мы принимаем общенаучную версию «ослабленного экстернализма», в которой сохраняющееся самовлияние науки становится производным

от мотивации внешними стимулами. Похожие идеи, посвящённые описанию новых когнитивных явлений общества и культуры постмодерна, экстраполируемые на область научного и социально-гуманитарного знания, можно обнаружить в трудах Ф. Лиотара, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и П. Фейерабенда.

Первая группа факторов экстерналистского типа, закрепивших ценностно-нормативные ориентации в научном познании, связана с изменившимися условиями экономического, технологического и культурно-лингвистического характера, которые, в свою очередь, вытекают из изменившейся природы знания. Суть подобных трансформаций заключена в изменении критериев оценки знания. В первую очередь, это замена спекулятивного критерия оценки объективности и истинности знания на позитивные и прагматические критерии оценки его результативности и полезности. В свою очередь, замена оснований оценки знания привела к возвышению его ценности среди других форм общественного богатства, увеличивая товарный спрос. Тем самым знание повсеместно превращается в товар, что неизбежно порождает возникновение между поставщиками и пользователями знания системы экономических товарно-денежных отношений. Как отмечает Ф. Лиотар, обнаруживший эту новую когнитивную тенденцию, знание теперь производится для того, чтобы быть проданным и обмененным [16].

Наряду с ростом спроса на знание качественные изменения произошли в способах его производства и передачи, в результате чего возникает феномен, который можно назвать «демократизацией знания». «Демократизация знания» – это политическая метафора, которая обозначает явление, происходящее за счёт резкого увеличения объема знаний и его равнодоступности, в том числе благодаря изменению содержания и структуры текстов. Суть последних трансформаций состоит в замене идейно и тематически целостных метанарративов эпохи индустриального общества, ориентированных на идеалы универсальной теории, на фрагментарные нарративы культуры постмодерна. Как считает Ф. Лиотар, закат традиционных и модернистских легитимирующих рассказов об эмансипации человечества был связан с отказом от веры в достижение универсального консенсуса, который спровоцировали кризис метафизической философии и зависящей от неё университетской институции [17].

Применительно к институту науки «демократизация знания» проявляется в том, что растёт число публикаций и происходит насыщение каналов информации в научных учреждениях. Своеобразным противодействием этой общей тенденции являются попытки наиболее статусных учёных, которых Ф. Лиотар называет «аристократами» науки, установить прочную сеть межличностных контактов, объединяющих максимум сотню членов. Однако знание новой эпохи, говоря словами автора «Состояния постмодерна», «звонит отходную по эре Профессора», который «уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств в деле передачи установленного знания или чем междисциплинарная группа в деле разработки новых технологических приемов или новых игр» [18].

Наконец, к числу культурно-лингвистических факторов, повлиявших на новый статус знания, Ф. Лиотар относит изменившуюся роль языка в передовых науках и технологиях Европы конца 50-х гг. XX в. Вместе с технической гегемонией информации изменилась старая логика получения знания, зависящая ранее от успехов в формировании разума и личности. При этом старый вопрос о критериях истинности нового знания решает теперь не философия, а имманентная самой себе наука, которая сама определяет нормы и критерии собственной истинности. Однако, как замечает Ф. Лиотар, подобная кажущаяся автономность науки неизбежно придает ей относительный и легитимно неустойчивый характер. Отсюда интерес науки к теориям, которые соответствуют общему состоянию нестабильности общества. К их числу относятся теории фракталов, неравновесных систем, игр, катастроф и т. п. [19]

Вторая группа факторов, повлиявших на статус наук об обществе и человеке, относится к изменениям, произошедшим в содержании ценностно-нормативной компоненты, и поэтому локализуется в области морального и правового сознания. Итогом указанных трансформаций стала замена безличной правовой рационализации социальных норм, делившей граждан на законопослушных и делинквентных, на плохо формализуемое, персонифицированное деление по морально-нравственным основаниям. Новая содержательная разновидность ценностно-нормативной ориентации закрепилась не только в области правовой оценки поведенческих паттернов, но также обнаруживается в экспертизе результатов художественного и научного творчества. В науке частным примером морализации является размывание формальных, логически проверяемых критериев при экспертизе научных исследований. Однако тенденция, направленная на гуманизацию правовых отношений, как считает М. Фуко, на самом деле, вовсе не является признаком гуманности власти, которая лишь пытается заменить насилие управлением при помощи манипулятивного знания о человеке и человеческих популяциях [20].

Наконец, третья группа причин, изменивших облик современного обществознания, связана с феноменом симулякра, ставшего одним из наиболее характерных признаков культуры общества постмодерна. При помощи понятия «симулякр» принято обозначать знаковые референты такого класса явлений, которые можно определить как состояние «отсутствующего присутствия» и «безбытийного бытия». Вместе с тем в симулякрах не просто смешивается различие воображаемого и реального, но одновременно порождается новая сверхизбыточная гиперреальность. Важнейшей характеристикой гиперреальности, порождённой снятием оппозиции «присутствие/отсутствие», является её гипертрофия (гиперфункциональность, гиперказуальность). В свою очередь, такая гиперполнота отсутствующих объектов позволяет им ускользать от власти знаково-символических кодов, выполняющих функцию ценностных ориентиров бытия, а сами симулякры утрачивают определённую своих оценок и становятся лишь их виртуальным обозначением. Отсюда вытекает принцип свободы от всех прежних оппозиционных ценностно-смысловых значений: эстетических, политических, экономических, социальных, культурных. Как отмечает в сборнике эссе о современности «Прозрачность Зла» Ж. Бодрийяр, «ничто не имеет определённого положения в системе абсцисс и ординат» и «добро не располагается более по ту сторону зла» [21].

Возникшая ситуация самореферентности оснований культуры, которые утрачивают свою ценностно-нормативную определённость при одновременном росте значения и цены знания вообще и потенциально манипулятивного знания о человеке и обществе в частности, полностью вписываются в ситуацию равнозначности всех форм познания. «...Наука, по словам П. Фейерабенда, обладает не большим авторитетом, чем любая другая форма жизни. Её цели... не должны ограничивать жизнь, мышление, образование членов свободного общества, в котором каждый человек должен иметь возможность формировать свое собственное мышление... в соответствии с теми социальными убеждениями, которые он считает для себя наиболее приемлемыми» [22].

Несмотря на кажущийся радикализм позиции П. Фейерабенда в отношении притязаний науки на истину, можно констатировать, что современная политическая эпистемология также фиксирует линию на максимализацию публичности науки, которая всё больше конкурирует с массовой культурой. При этом учёные продолжают настаивать на своём особом эпистемологическом и экспертном статусе, что, действительно, подтверждается значением прикладных научных исследований в области создания новых технологий, но не повышает престиж научной деятельности в целом. Ещё одним противоречием, присущим тем институтам современной науки, которые финансируются из бюджета, является несогласие учёных работать в «сфере социальных услуг» под контролем чиновников. Кроме того, современная наука требует развитой материально-технической базы и коллективных усилий, а премии за выдающиеся научные открытия по-прежнему получают одиночки [23].

Подведем итог. Амбивалентность современной науки, продолжающей свою институализацию в условиях социального и культурного транзита, не даёт однозначного ответа на вопрос о том, какие из её перечисленных характеристик могут превратиться в устойчивую тенденцию. Тем не менее отмеченное нами движение наук об обществе и человеке в сторону от идеала научной объективности к самореференциям культуры пока продолжается. Где произойдет остановка интересубъективных по своей структурной специфике социально-гуманитарных теорий: на позиции обсуждения инореференций внешнего мира или в точке самореферентного коммуникативного обсуждения [24]? – вопрос, далеко выходящий за рамки предмета и стилистики настоящей статьи.

Примечания

1. Кареев Н. Социальные науки (Общественные науки). URL: [http:// ru.wikisource.org/wiki ... словарь_Брокгауза_и_Ефрона](http://ru.wikisource.org/wiki/...словарь_Брокгауза_и_Ефрона) (дата обращения: 14.01.17.)

2. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания. М. : Политиздат, 1988. С. 15–16.

3. Библиографический список монографий, научных статей, учебников и учебных пособий российских учёных по различным аспектам проблемы специфики и структуры социально-гуманитарного знания насчитывает сотни публикаций. Тем не менее общее представление о направлениях отечественных исследований в этой области философии науки, а также о степени их разработанности можно получить, ознакомившись с тематикой и основным содержанием защищённых диссертационных исследований по специальности «Философия науки и техники». См.: Темы диссертаций и авторефератов по специальности «Философские науки», ВАК РФ 09.00.00. URL: <http://www.dissercat.com/catalog/filosofskie-nauki#ixzz4ZFUb6Vvg> (дата обращения: 09.01.17)

4. См., напр.: Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 547–601; Сорokin П. А. Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть? // Этическая мысль : научно-публицист.

- чтения / редкол.: А. А. Гусейнов и др. М. : Политиздат, 1990. С. 327–348; *Поннер К.* Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 65–75.
5. *Адорно Т. В.* К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 83.
 6. См.: *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация : пер. с англ. М. : ООО «Изд-во АСЕ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 256–297.
 7. *Руткевич А. М.* Спор о позитивизме в немецкой философии // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 61.
 8. *Кутырев В. А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015. С. 20.
 9. *Ильин В. В.* О природе ценностного мира (Wertwelt) // Гуманитарий. 2016. № 3(35). С. 72.
 10. *Левевер В. А.* От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 29.
 11. *Шредер Ю. А.* Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 32.
 12. Там же. С. 35.
 13. См.: *Момджян К. Х.* Номотетическое познание в общественных и гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 16–22; *Кржевов В. С.* К вопросу о специфике методов общественнознания // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 23–28; *Никифоров А. Л.* О специфике гуманитарного познания // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 29–32; *Антоновский А. Ю.* Возможен ли аномальный социомонизм? // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 33–39; *Аргамакова А. А.* Терминология неокантианцев давно устарела // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 40–44; *Момджян К. Х.* Ответ на дискуссию // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 45–53.
 14. Чаще всего дискуссии подобного рода разворачиваются между профессиональными историками и философами истории. См.: *Межуев В. М.* История в зеркале философии // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. № 1. С. 25–36; *Семёнов Ю. И.* История как реальный процесс, историческая наука (историология) и философия истории (историософия) // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. № 1. С. 50–55; *Межуев В. М.* Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. № 1. С. 62–66.
 15. В концепции социокультурной соразмерности оснований науки, разработанной В. С. Стёпиным, особо выделяются изменения, происходящие на уровне философских интерпретаций научного знания. В социально-гуманитарных науках, например, такие изменения связываются с онтологизацией теоретических конструктов. Вместе с тем, как считает С. А. Лебедев, в силу промежуточной и гибридной природы философских оснований науки их место в структуре науки до конца не определено. См.: *Стёпин В. С.* Основания науки и их социокультурная соразмерность // Наука в культуре. М. : Наука, 1998. С. 65–81; *Стёпин В. С.* Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 41; *Философия: проблемный курс : учеб. / под общ. ред. С. А. Лебедева.* М. : ИППК МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 181.
 16. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна : пер. с фр. СПб. : Алетейя, 1998. С. 19.
 17. Там же. С. 10.
 18. Там же. С. 129.
 19. Там же. С. 138–143.
 20. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху : пер. с фр. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 17–18.
 21. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность Зла. М. : Добросвет, 2000. С. 11.
 22. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания : пер. с англ. М. : АСТ, 2007. С. 300.
 23. *Касавин И. Т.* Как возможна политическая философия науки? // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 8.
 24. *Антоновский А. Ю.* Коммуникативная интерпретация науки в контексте классических эпистемологических проблем // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 46. № 2. С. 172.

Notes

1. *Kareev N. Sotsialnyie nauki (Obschestvennyie nauki)* [Social sciences (Social sciences)] Available at ru.wikisource.org/wiki...словарь_Брокгауза_и_Ефрона (date of access: 14.01.17.)
2. *Korshunov A. M., Mantatov V. V. Dialektika sotsialnogo poznaniya* [Dialectics of social knowledge] M. Politizdat. 1988. Pp. 15–16.
3. Bibliographic list of monographs, scientific articles, textbooks and manuals of russian scientists on various aspects of the nature and structure of socio-humanitarian knowledge has hundreds of publications. However, a general idea of the directions of the domestic research in the field of philosophy of science and the degree of their readiness to get acquainted with the theme and the main content is protected dissertation on the specialty «Philosophy of science and technology». See: *Temyi dissertatsiy i avtoreferatov po spetsialnosti «Filosofskie nauki», VAK RF 09.00.00.* [Themes of dissertations and abstracts in the specialty "Philosophy of science", Higher Attestation Commission of the Russian Federation 09.00.00] // Available at: <http://www.dissercat.com/catalog/filosofskie-nauki#ixzz4ZFUb6Vvg> (date of access: 09.01.17.)
4. See, eg.: *Veber M. Izbrannyye proizvedeniya: Per. s nem.* [Selected works. Transl. from German] M. Progress. 1990. Pp. 547–601; *Sorokin P. A. Normativnaya li nauka etika i mozhet li ona eyu byit?* [Is the science ethics regulatory and whether it can be this?] // *Eticheskaya myisl: Nauchno-publitsist. chteniya* – Ethical thought scientific and

journalistic readings / Ed. board: A. A. Guseynov and others. M. Politizdat. 1990. Pp. 327–348; *Popper K. Logika sotsialnykh nauk* [Logics of social sciences] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1992, № 10, pp. 65–75.

5. *Adorno T. V. K logike sotsialnykh nauk* [To the logics of social sciences] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1992, № 10, p. 83.

6. See: *Markuze G. Eros i tsivilizatsiya: per. s angl.* [Eros and civilization] M. ASE Publ. LTD; Scientific and Production enterprise «Ermak». 2003. Pp. 256–297.

7. *Rutkevich A. M. Spor o pozitivizme v nemetskoj filosofii* [Argue about positivism in German philosophy] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1992, № 10, p. 61.

8. *Kutyryov V. A. Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [Last kissing. A man as a tradition] SPb. Aleteyya. 2015. P. 20.

9. *Ilyin V. V. O prirode tsennostnogo mira (Wertwelt)* [On the nature of a value world (Wertwelt)] // *Gumanitariy – The Humanitarian*. 2016, № 3(35), p. 72.

10. *Lefevr V. A. Ot psichofiziki k modelirovaniyu dushi* [From psychophysics to the soul modeling] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1990, № 7, p. 29.

11. *Shreder Yu. A. Chelovecheskaya refleksiya i dve sistemy eticheskogo soznaniya* [Human reflection, and two systems of ethical consciousness] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1990, № 7, p. 32.

12. *Ibid.* P. 35.

13. See: *Momdzhyan K. H. Nomoteticheskoe poznanie v obschestvennykh i gumanitarnykh naukakh* [Nomothetical knowledge in social Sciences and Humanities] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, pp. 16–22; *Krzhevov V.S. K voprosu o spetsifike metodov obschestvoznaniya* [To the question of specifics of methods of social studies] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, pp. 23–28; *Nikiforov A.L. O spetsifike gumanitarnogo poznaniya* [On the specifics of humanitarian knowledge] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, pp. 29–32; *Antonovskiy A. Yu. Vozmozhno li anomalnyy sotsiomonizm?* [Is abnormal sociomonism possible?] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, pp. 33–39; *Argamakova A. A. Terminologiya neokantiantsev davno ustarela* [Terminology of neo-Kantianists is outdated] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, pp. 40–44; *Momdzhyan K. H. Otvet na diskussiyu* [Answer to the discussion] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, p. 45.

14. Most often discussions of this kind take place between the professional historians and philosophers of history. See: *Mezhuev V. M. Istoriya v zerkale filosofii* [History in the mirror of philosophy] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 47, № 1, pp. 25–36; *Semyonov Yu. I. Istoriya kak realnyy protsess, istoricheskaya nauka (istoriologiya) i filosofiya istorii (istoriosofiya)* [History as an actual process of historical science (historiology) and the philosophy of history (historiosophy)] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 47, № 1, pp. 50–55; *Mezhuev V. M. Otvet opponenam* [Answer to the opponents] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 47, № 1, pp. 62–66.

15. In conception of sociocultural proportionality of the sciences foundations developed by V. S. Stepin the changes occurring at the level of philosophical interpretation of scientific knowledge are highlighted. In the social-humanitarian sciences for example such changes are associated with the ontology of theoretical constructs. However, according to S. A. Lebedev strength of intermediate and hybrid nature of the philosophical foundations of science their place in the structure of science has not been fully determined. See: *Styopin V. S. Osnovaniya nauki i ih sotsiokulturnaya sorazmernost* [Bases of science and sociocultural proportionality] // *Nauka v kulture – Science in culture*. M. Nauka. 1998. P. 65–81; *Styopin V. S. Genezis sotsialno-gumanitarnykh nauk (filosofskiy i metodologicheskii aspekty)* [Genesis of social-humanitarian sciences (philosophical and methodological aspects)] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2004, № 3, p. 41; *Filosofiya: problemnyy kurs. Uchebnik* [Philosophy: problematic course: tutorial] / Under the general ed. Prof. Lebedeva S.A. M. IPPK MSU n.a. M.V. Lomonosov. 2002. P. 181.

16. *Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna: Per. s fr.* [The condition of postmodernity: transl. from Fr.] SPb. Aleteyya. 1998. P. 19.

17. *Ibid.* P. 10.

18. *Ibid.* P. 129.

19. *Ibid.* Pp. 138–143.

20. *Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu: Per. s fr.* [Story of madness in a classical epoch: transl. from Fr.] SPb. Universitetskaya kniga. 1997. Pp. 17–18.

21. *Bodriyyar Zh. Prosrachnost Zla* [The transparency of Evil]. M. Dobrosvet. 2000. P. 11.

22. *Feyerabend P. Protiv metoda. Ocherk anarhistkoy teorii poznaniya: per. s angl.* [Against the method. Essay of anarchist theory of knowledge: transl. from Eng.] M. AST. 2007. P. 300.

23. *Kasavin I. T. Kak vozmozhna politicheskaya filosofiya nauki?* [How is the political philosophy of science possible] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2015, vol. 45, № 3, p. 8.

24. *Antonovskiy A. Yu. Kommunikativnaya interpretatsiya nauki v kontekste klassicheskikh epistemologicheskikh problem* [Communicative interpretation of science in the context of classical epistemological problems] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2016, vol. 46, № 2, p. 172.

Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация

В данной статье предпринимается попытка представления базовой универсальной модели функционирования гипотетико-дедуктивного метода приращения научного знания. Указывается на парадоксальную ситуацию, сложившуюся в современной эпистемологии. С одной стороны, отмечается наличие большого количества работ об особенностях гипотетико-дедуктивного метода, в основном, в применении его к естественным наукам. В качестве примера немногочисленных попыток исследования роли указанного метода в социально-гуманитарных науках рассматривается концепция Д. Фоллесдаля о соотношении гипотетико-дедуктивного метода с герменевтическим. С другой стороны, нами указывается на отсутствие наглядного представления об устройстве гипотетико-дедуктивного метода, его элементарной модели. В ходе изучения действия данного метода анализируется проблема приращения наличного знания через количественное (с помощью ресурсов самой системы) и качественное (привнесение в наличное знание внешнего элемента – гипотезы) изменение. Указывается на эвристический потенциал аналогии из других областей науки при генерации новых гипотез (на примере лингвистики). Исследуется процесс включения гипотезы в наличное знание, а также основные варианты результатов данного процесса. В качестве наиболее желательного пути развития нового рассматривается возможность приращения наличного знания за счет построения новой структуры с включением новой гипотезы, что требует определенной коррекции как самой гипотезы, так и элементов наличного знания.

In this article, we attempt to give a basic generic model for functioning of the hypothetico-deductive method of the increment of scientific knowledge. A paradoxical situation in contemporary epistemology is described. On the one hand, there are a large number of works on the nature and characteristics of the hypothetico-deductive method, mainly as applied to Natural sciences. Among a few attempts to explore its role in Social sciences and Humanities one can find D. Follesdal's conception in which the hypothetico-deductive method is associated with the hermeneutic method. On the other hand, we point to the absence of a simple model of the hypothetico-deductive method, an illustrative representation of how it works. While studying its operation, we analyze the problem of the increment of existing knowledge through a quantitative (using the resources of the system itself) and qualitative (introducing an external element, a hypothesis, into the existing knowledge) change. Within the problem of generating new hypotheses, we consider a heuristic potential of an analogy from other scientific areas, on the example of linguistics. We examine the process of inclusion of a hypothesis into the existing knowledge and the major possible outcomes of it. As the most desirable way for development of new knowledge, we state a possibility of increment of existing knowledge through construction of a new structure with the new hypothesis included, which requires an adjustment of both the hypothesis and elements of the existing knowledge.

Ключевые слова: гипотетико-дедуктивный метод, гипотеза, наличное знание, новое знание, герменевтический круг, аналогия.

Keywords: hypothetico-deductive method; hypothesis; existing knowledge; new knowledge; hermeneutic circle; analogy.

Гипотетико-дедуктивный метод в настоящее время является одним из основных методов научного познания. Он пришел на смену индуктивно-эмпирическому, используемому в классическом естествознании начиная с XVII в. – с того времени, когда Ф. Бэкон предложил его как универсальный метод научного познания. Индуктивно-эмпирический метод сыграл значительную роль в становлении классического естествознания, однако к середине XIX в. стало очевидно, что реальное развитие научного знания не соответствует тем его формам, которые предписывает данный метод. Возникла необходимость более адекватного подхода, и он был разработан – в виде нового метода, получившего название гипотетико-дедуктивного. При этом следует отметить, что в науке также был широко распространен и аксиоматико-дедуктивный метод. Однако он использовался, по сути дела, лишь в математике, в то время как основной научной дисциплиной, представляющей науку в ряду прочих типов мировоззрения, было естествознание, причем, по преимуществу, – опытное естествознание [1].

Традиционно считается, что гипотетико-дедуктивный метод не характерен для социально-гуманитарных наук, для которых специфичными признаются критический, герменевтический методы и т. п. [2] На установление подобной традиции особенно повлияла, на наш взгляд, заданная

В. Дильтеем и В. Виндельбантом тенденция весьма четкого разграничения наук о природе и наук о духе, вряд ли допускавшая какую-либо интеграцию между гуманитарным и естественнонаучным знанием [3]. Тем не менее научные реалии заставляют усомниться в подобном категоричном недопущении. К примеру, гипотетико-дедуктивный метод вполне находит свое применение в лингвистике: в семантических исследованиях строится гипотеза, а затем проверяется с использованием специально-лингвистических методов [4]. Предпринимаются попытки сопоставления его с т. н. «герменевтическим кругом»: в частности, норвежский философ Д. Фоллесдалем утверждает, что герменевтический метод вполне соотносим с гипотетико-дедуктивным, применяемым к «выражающему смыслу материалу» (то есть выражающему чьи-либо убеждения, верования и ценности) – текстам, произведениям искусства, человеческим действиям. По его мнению, гипотетико-дедуктивный метод применяется во всех случаях, когда речь идет об интерпретации произведения, действий, мотивов и т. п. [5] В качестве примера Д. Фоллесдалем рассматривает литературоведческую интерпретацию, где тоже имеет место процесс выдвижения гипотезы, вывод из нее следствий и сопоставление этих следствий с «действительностью», то есть с рассматриваемым текстом, а также другими текстами автора, с его биографией, предшествующим знанием (теориями и концепциями, принятыми убеждениями и пр.) [6]. Лежащее в основе интерпретации предположение соотносится с гипотезой, которая развивается и обосновывается на литературоведческом материале. Концепция Д. Фоллесдаля развивается в настоящее время греческим философом Х. Манцавиносом, рассматривающим проблему интерпретации текста в контексте выдвижения и проверки гипотез на примере анализа работы Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [7].

Напомним основной принцип действия герменевтического круга. Согласно Ф. Шлейермахеру, текст рассматривается как часть, а культура, в которой он функционирует, – как целое. Соотношение между частью и целым приобретает особый характер. Понимать отдельную мысль и все произведение в целом можно исходя из всей совокупности «жизненных отношений» автора текста. При этом то, что мы понимаем, само образует некоторое единство или, другими словами, целостный «круг», состоящий из частей [8]. Отметим примечательное, на наш взгляд, сходство данного метода и процедуры герменевтического круга в отношении проблемы перехода от незнания к знанию (или пониманию). В обоих случаях отмечается «скачкообразный» характер возникновения той или иной гипотезы (интерпретации), а также особая роль интуиции [9]. Формальная логика не может полностью объяснить работы понимания в герменевтическом методе, как и причины возникновения гипотезы в гипотетико-дедуктивном методе. В обоих случаях имеет место некое наличное знание (предзнание), а также предпонимание, что включает, помимо предыдущего научного знания, личностное знание исследователя и его понимание исследуемой проблемы.

Однако независимо от того, к какой из областей современного знания мы пытаемся применить гипотетико-дедуктивный метод, на сегодняшний день в эпистемологии, по нашему мнению, сложилась довольно парадоксальная ситуация. О сути и особенностях гипотетико-дедуктивного метода написано немало работ [10], ведутся дискуссии о возможностях использования этого метода, – о его продуктивности, особенностях при применении к различным областям знания и т. д., однако не отмечается простого его описания, то есть наглядного представления о том, что он, собственно, представляет собой. Другими словами, не разработана упрощенная универсальная модель гипотетико-дедуктивного метода. Именно такую модель мы и попробуем представить в нашем исследовании. При этом хотелось бы сразу отметить, что, вследствие упрощенной формулировки и универсальности, она, разумеется, не может прямо и непосредственно использоваться для реализации приращения какого-либо конкретного знания. Она необходима именно как базовый образец, на основе которого могут возникать конкретные усложненные модели. Кроме того, упрощенная модель может быть представлена в курсе истории и философии науки для аспирантов вузов.

Вообще говоря, гипотетико-дедуктивный метод являет собой единство индукции и дедукции. Основное достоинство данного метода заключается в возможности расширения знания, однако, в отличие от аксиоматико-дедуктивного, он не нацелен на организацию имеющегося знания, и его целесообразно дополнять аксиоматико-дедуктивным методом, который как раз организует знание. Если же сравнивать гипотетико-дедуктивный метод с индуктивно-эмпирическим, то следует отметить то, что последний позволяет начинать построение научного (естественнонаучного) знания, так сказать, с нуля. В соответствии с правилами этого метода мы начинаем проводить эмпирические исследования, не обладая какими-либо знаниями о предмете наших изысканий и в ходе получения экспериментальных данных эти знания и получая. Теория здесь выступает как прямое обобщение опыта. На ранних этапах применения данного метода предполагалось наличие только двух форм научного знания: эмпирических фактов и теории. Что каса-

ется гипотезы, она появляется на более поздних стадиях, однако лишь в качестве неразвитой формы теории, а не самостоятельной формы научного знания. Статус последней она приобретает в рамках гипотетико-дедуктивного метода и затем в дальнейшем, при определенных условиях, превращается в теорию. При этом научная теория здесь также сохраняет некоторые свойства гипотетичности. Кроме этого важно заметить, что развертывание гипотетико-дедуктивной программы исследования возможно только при существовании определенного наличного знания; то есть, попросту говоря, исследование с использованием данного метода не начинается с нуля, как это возможно в индуктивно-эмпирической программе. Другими словами, если индуктивно-эмпирическая программа предполагает возникновение теоретического знания, то гипотетико-дедуктивная – его приращение [11].

Таким образом, изучая действие гипотетико-дедуктивного метода, мы должны предположить существование некоторого наличного знания, – как правило, теоретического, – которое систематизировано и представляет собой связную совокупность некоторых элементов, роль которых как раз и выполняют теории. Перед нами стоит задача прирастить это наличное знание, то есть расширить его за счет присоединения к наличной системе еще одного элемента. Сделать это можно, по крайней мере, двумя путями. Во-первых, построить новый элемент системы, используя ресурсы самой системы наличного знания (рис. 1): например, проводя декомпозицию уже известных и присутствующих в наличном знании элементов, в результате чего, в принципе, возможно получение некоего нового элемента. Однако, получив приращение знания, мы все же не добились его качественного изменения. Этот новый элемент является гипотетическим, и новое приращенное знание подлежит эмпирической проверке, но, в целом, имеющаяся система знания не преобразится качественно в ходе подобного расширения.

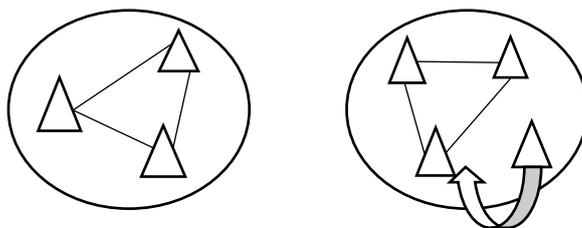

Рис. 1. Старое наличное знание (слева) и новое приращенное знание (справа)

Более интересными представляются ситуации, когда в ходе приращения мы получаем и качественное изменение наличного знания. Этого можно добиться, если мы привнесем в наличное знание некий внешний элемент (рис. 2).

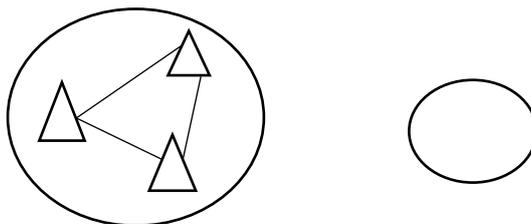

Рис. 2. Старое наличное знание (слева) и новая гипотеза (справа)

Этим новым элементом является гипотеза. О причинах и способах его возникновения работчики гипотетико-дедуктивного метода имеют различные мнения. Ганс Рейхенбах, например, полагает, что ответить на этот вопрос в рамках философии науки не представляется возможным. Ответ на него, скорее всего, можно получить у психологов [12]. Карл Поппер менее категоричен в данном отношении. По его мнению, за возникновение новой гипотезы частично ответственна философия. Им же отмечается существенная роль догадки, интуиции, воображения, «иррационального элемента» [13].

Следует заметить, что в процессе научного познания большое значение также могут иметь многообразные контексты (явные, частично явные или неявные) – философские, общенаучные, этические, эстетические, культурные и др. В частности, американский палеонтолог, биолог и историк науки Стивен Дж. Гулд, считая науку социальным явлением, развитие научного знания видит в виде изменения культурных контекстов, оказывающих сильное влияние на научную деятельность того или иного периода. Более того, он полагает, что даже воображение во многом имеет культурный характер [14]. На наш взгляд, подобная точка зрения справедлива частично: действительно, представ-

ление о науке как об абсолютно объективной деятельности весьма спорно, так как на развитие научного знания оказывают влияние многие факторы, однако вряд ли было бы верно абсолютизировать роль социокультурного либо любого иного внешнего контекста.

При исследовании проблемы выдвижения нового знания примечательной видится роль аналогии как весьма эффективного метода генерации новых гипотез. Отметим особый эвристический потенциал гипотез, построенных на данных отдаленных друг от друга областей, либо сформулированных на основе аналогичных принципов, концепций, подходов, разработанных в других науках. При этом аналогия может сближать, казалось бы, совершенно разнородные явления и объекты. Например, в 1950-х гг. в лингвистике разрабатывается глоттохронологический метод, предложенный лингвистом Моррисом Сводешом для предположительного определения времени разделения родственных языков. Данный метод основан на аналогии с радиоуглеродным методом измерения возраста органических веществ, – здесь же материалом служит лексика [15]. Другой пример – формулирование Эдвардом Сепиром и Бенджамином Уорфом в 30–40-х гг. XX в. принципа лингвистической относительности по прямой и намеренной аналогии с принципом физической относительности А. Эйнштейна. Однако в данном случае дело обстоит несколько сложнее, поскольку среди источников принципа лингвистической относительности наличествует богатая философская традиция. При этом в качестве обоснования связи между языком и познанием Уорфом также используются концепции об устройстве человеческого мышления и терминология древнеиндийской философии [16].

Другой интересный пример – натуралистическая концепция языка немецкого лингвиста XIX в. Августа Шлейхера. Уподобляя язык живому организму сродни растению или животному, он утверждал, что языки образуются по определенным законам и претерпевают естественные изменения, независимые от воли человека [17]. Идеи Шлейхера подверглись острой критике в перенесении дарвинизма в гуманитарную область, в вульгарном упрощении духовного измерения языков. Однако, что примечательно, свою биологическую концепцию языка он начал развивать раньше, чем прочел книгу Ч. Дарвина о происхождении видов: скорее, здесь он нашел дополнительное подтверждение своих идей [18]. Таким образом, с одной стороны, очевидна аналогия с природным миром (Шлейхер, помимо прочего, был увлеченным ботаником). С другой стороны, существенное влияние на его представления оказывает философский контекст той эпохи, в частности доктрина монизма, согласно которой материя и дух не разделены, а представляют собой нечто, что является и тем, и другим одновременно [19]. В целом для Германии конца XVIII в. был характерен особый интерес к естественному началу в человеке, но не в духе биологического редуционизма, а в рамках веры в единство физического и духовного миров.

Рассмотренные примеры могут быть, на наш взгляд, весьма интересны и в плане исследования проблемы эвристической роли философии в формировании гипотез – как в естествознании, так и социально-гуманитарных науках. Влияние философии может иметь неявный характер. Так, примечательной представляется обнаруживаемая аналогия между идеями норвежского философа С. Кьеркегора о существовании скачков в духовной эволюции индивида и представлениями о скачкообразном изменении энергетических состояний атома в первоначальной теории атома датского физика Н. Бора [20]. Однако вопрос о возникновении новой гипотезы, не принадлежащей к наличному знанию, довольно сложен и обширен; обсуждение его значительно увело бы нас от предмета нашего непосредственного предмета рассмотрения, поэтому мы ограничимся здесь только сделанными замечаниями.

Итак, мы имеем наличное старое знание, представляющее собой систему теорий и внешнее по отношению к этой системе знание в форме гипотезы. Теперь необходимо произвести включение этого внешнего знания в наличное, обеспечив тем самым приращение последнего (рис. 3). Отметим, что процесс этот очень сложный, не всегда удачно проходящий и, если можно так выразиться, болезненный для наличного знания. Допуская бытовую аналогию, можно сказать о том, что мы сажаем занозу в тело наличного знания. Выражаясь физическими терминами, можно говорить о процессе инъекции инородного тела в исходное; с точки зрения медицины это – инъекция.

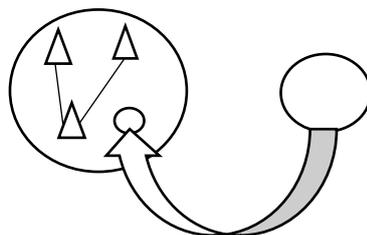

Рис. 3. Включение внешнего элемента (гипотезы) в наличное знание

В ходе такого внедрения новой гипотезы в наличное знание мы, безусловно, получили его приращение, однако это новое приращенное знание имеет гипотетический характер. Новый элемент пока остается инородным по отношению к старому, хорошо структурированному знанию, с соответствующими друг другу элементами. Следующим шагом должна стать попытка установления возможных отношений элементов (то есть теорий) старого наличного знания с новым элементом, что осуществляется следующим образом. Из нового расширенного, но не согласованного внутренне знания выводится ряд следствий, из которых дедуцируется еще один ряд, затем еще один и так далее – до того момента, когда в результате этой процедуры дедукции мы получаем ряд эмпирически проверяемых следствий (рис. 4).

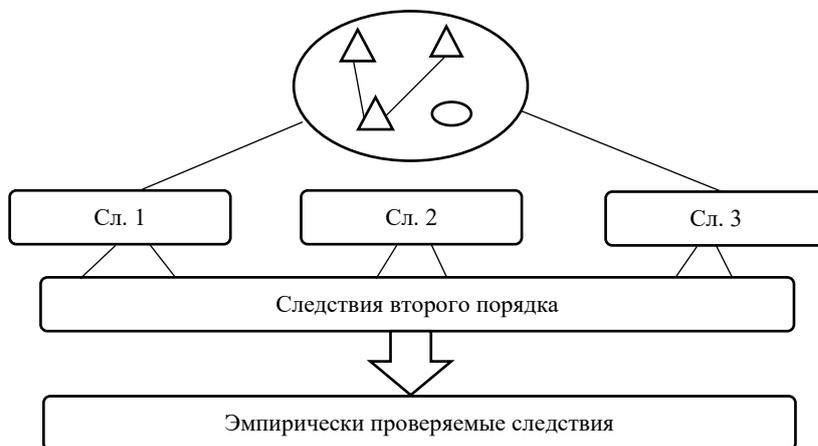

Рис. 4. Выведение следствий из нового приращенного знания

Теперь необходимо рассмотреть характер результатов эмпирии, и здесь опять же возможны несколько вариантов:

1. Эмпирически проверяемые следствия полностью подтверждаются фактами, что указывает на полную согласованность нового гипотетического элемента со структурой старого наличного знания. Это, в свою очередь, означает, что предполагаемый нами как принципиально новый элемент (гипотеза) оказался не столь уж новым, что роднит результат данного приращенного знания с результатом, который мы получили бы в ситуации перекомпозиции элементов наличного знания (см. рис. 1). Таким образом, наше предположение о том, что предложенная нами внешняя по отношению к наличному знанию гипотеза является новой и приведет к качественному росту наличного знания, по сути дела, ошибочно. Произошел лишь количественный его рост, и мы просто повторили ситуацию, отмеченную на рис. 1.

2. Эмпирически проверяемые следствия показывают невозможность согласования, то есть формирования структуры системы приращенного знания с новым, внедренным нами элементом. В этом случае перед нами две возможности дальнейших действий. Во-первых, мы можем отказаться от дальнейших попыток с помощью новой предложенной гипотезы прирастить наличное знание. При этом придется признать, что предложенная нами гипотеза совершенно не пригодна для развития наличного знания, и просто отбросить ее. Необходимо будет сформулировать новую гипотезу, содержание которой должно существенно отличаться от содержания предшествующей. Подобный сценарий является наиболее распространенным. Однако возможен и другой вариант, в котором мы не отбрасываем гипотезу, но сохраняем ее и отказываемся в ее пользу от существующего наличного знания. Теперь мы полагаем ее уже не гипотезой, а скорее истинным основанием, на базе которого мы и формируем принципиально новое знание, – всю его систему. Такой вариант развития событий встречается крайне редко, и найти примеры подобного трудно, однако в теории – например, в парадигмальной концепции развития науки Т. Куна – данный сценарий не просто возможен, но и находит свои реалии [21].

3. Система эмпирически проверяемых следствий показывает возможность приращения наличного знания за счет построения новой структуры с включением новой гипотезы. Однако при этом требуется определенная коррекция как этой гипотезы, так и элементов наличного знания.

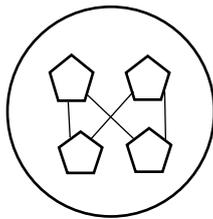

Рис. 5. Новая структура знания с включенной новой гипотезой

Третий сценарий представляется нам наиболее желательным вариантом развития нового знания. На рис. 5 предпринята попытка отобразить изменения как нового знания, так и элементов старого наличного знания таким образом, чтобы они соответствовали друг другу, будучи в измененном виде. Кружок, обозначающий гипотезу, деформировался в фигуру, напоминающую треугольник, но при этом остались и прежние черты окружности. То же самое можно сказать и о треугольниках, представляющих элементы наличного знания: претерпев изменения, приближающие их очертания к окружности, они при этом сохранили и черты старой формы (рис. 5). По нашему мнению, эти графические деформации довольно наглядно описывают суть изменений приращенного нового знания.

Таким образом, на наш взгляд, может быть представлена на сегодняшний день базовая упрощенная модель функционирования гипотетико-дедуктивного метода приращения научного знания.

Примечания

1. Дорожкин А. М. Основные особенности гипотетико-дедуктивного метода научного исследования // *Философия и методология науки : материалы Третьей Всерос. науч. конф. (Ульяновск, 15–17 июня 2011 г.)* / под ред. Н. Г. Баранец, А. Б. Верёвкина. Ульяновск : Издатель Качалин Александр Васильевич, 2011. С. 256.
2. Føllesdal D. Hermeneutics and the hypothetico-deductive method // *Readings in the philosophy of social science* / ed. by Martin M., McIntyre L. C. MIT Press, 1994. P. 233.
3. Дорожкин А. М. О проблемах, возникающих при попытках интеграции гуманитарных и естественнонаучных подходов к изучению когнитивных процессов // *Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2013 : труды III Всерос. конф.* Н. Новгород : ИПФ РАН, 2013. С. 81.
4. Шибаршина С. В. Специфика выдвижения и развития гипотез в социально-гуманитарных науках : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2014. С. 130.
5. Føllesdal D. Op. cit. P. 233–234.
6. Там же. P. 236.
7. Mantzavinos C. J. Text Interpretation as a Scientific Activity // *Journal for General Philosophy of Science*. 2014. 45. P. 45–58.
8. Шлейермахер Ф. Герменевтика : пер. с нем. СПб. : Европейский дом, 2004. С. 65.
9. Шибаршина С. В. Указ. соч. С. 85.
10. См., напр.: Меркулов И. П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. Проблемы и перспективы методологического анализа. М. : Наука, 1980. 189 с.; Моисеев В. И. Философия и методология науки : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во ВГМА, 2003. 236 с.; Светлов В. А. История научного метода : учеб. пособие. М. : Академический проект; Деловая книга, 2008. 700 с.
11. Дорожкин А. М. Основные особенности гипотетико-дедуктивного метода научного исследования. С. 256–257.
12. Reichenbach H. Experience and Prediction. An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago : Chicago University Press, 1961. P. 5–6.
13. Поннер К. Логика научного исследования : пер. с англ. М., 2005. С. 28.
14. Gould S. J. The mismeasure of man. N. Y. : Palgrave MacMillan, 2008. P. 54.
15. Шибаршина С. В. «Внутренняя история» натуралистических гипотез А. Шлейхера и их значение для сравнительно-исторического языкознания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12(38) : в 3 ч. Ч. III. С. 213.
16. См., напр.: Whorf B. L. Language, Mind and Reality // *ETC, A Review of General Semantics*. 1952. № 9. P. 167–188.
17. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков // *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях* / сост. В. А. Звегинцев. 3-е изд. М. : Просвещение, 1964. Ч. I. С. 114.
18. Шибаршина С. В. Указ. соч. С. 211.
19. Richards R. J. The linguistic creation of man: Charles Darwin, August Schleicher, Ernst Haeckel, and the missing link in nineteenth-century evolutionary theory // *Experimenting in Tongues: Studies in Science and Language* / ed. by M. Doerres. Stanford, 2002. P. 30.

20. Мамчур Е. А. Нуждается ли эпистемология в психологии? // Социокультурный контекст науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Е. А. Мамчур. М. : ИФ РАН, 1998. С. 19.
21. Кун Т. Структура научных революций : пер. с англ. И. З. Налётова. М. : АСТ, 2009. 605 с.

Notes

1. Dorozhkin A. M. *Osnovnye osobennosti gipotetiko#deduktivnogo metoda nauchnogo issledovaniya* [Main features of the hypothetical deductive method of scientific studies] // *Filosofiya i metodologiya nauki : materialy Tret'ej Vseros. nauch. konf.* – Philosophy and methodology of science: proceedings of the Third all-Russia scientific conf. (Ulyanovsk, June 15-17, 2011) / ed. G. Baranets, A. B. Verevkin. Ulyanovsk: Publisher Kachalin Alexander Vasil'evich. 2011. P. 256.
2. Føllesdal D. *Hermeneutics and the hypothetico-deductive method* // *Readings in the philosophy of social science* / ed. by Martin M., McIntyre L. C. MIT Press. 1994. P. 233.
3. Dorozhkin A. M. *O problemah, vznikayushchih pri popytkah integracii gumanitarnyh i estestvennonauchnyh podhodov k izucheniyu kognitivnyh processov* [On the problems arising from the attempts of integration of humanitarian and natural-science approaches to the study of cognitive processes] // *Nelinejnaya dinamika v kognitivnyh issledovaniyah – 2013 : trudy III Vseros. Konf.* – Nonlinear dynamics in cognitive studies – 2013: proceedings of the III all-Russia conf. N. Novgorod: IAP RAS. 2013. P. 81.
4. SHibarshina S. V. *Specifika vydvizheniya i razvitiya gipotez v social'no-gumanitarnyh naukah : dis. ... kand. filosof. nauk* [Specifics of the extension and development of hypotheses in Humanities and social sciences: diss. cand. philosophy]. N. Novgorod. 2014. P. 130.
5. Føllesdal D. *Op. cit.* Pp. 233–234.
6. *Ibid.* P. 236.
7. Mantzavinos C. J. *Text Interpretation as a Scientific Activity* // *Journal for General Philosophy of Science*. 2014. 45. Pp. 45–58.
8. SHlejermaher F. *Germenevtika : per. s nem.* [Hermeneutics: transl. from Germ.] SPb.: European house. 2004. P. 65.
9. SHibarshina S. V. *Op. cit.* P. 85.
10. See, eg.: Merkulov I. P. *Merkulov I. P. Gipotetiko-deduktivnaya model' i razvitie nauchnogo znaniya. Problemy i perspektivy metodologicheskogo analiza* [Hypothetical and deductive model and the development of scientific knowledge. Problems and prospects of methodological analysis]. M. Nauka. 1980. 189 p.; Moiseev V. I. *Filosofiya i metodologiya nauki : ucheb. posobie* [Philosophy and methodology of science: textbook]. Voronezh. Publishing house of the Vitebsk State Medical University. 2003. 236 p.; Svetlov V. A. *Istoriya nauchnogo metoda: ucheb. posobie* [History of the scientific method: tutorial]. M. Academic project; Business book. 2008. 700 p.
11. Dorozhkin A. M. *Osnovnye osobennosti gipotetiko-deduktivnogo metoda nauchnogo issledovaniya* [Main features of the hypothetical and deductive method of scientific research]. Pp. 256-257.
12. Reichenbach H. *Experience and Prediction. An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge*. Chicago : Chicago University Press, 1961. P. 5–6.
13. Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya : per. s angl.* [Logic of scientific research: transl. from English]. M. 2005. P. 28.
14. Gould S. J. *The mismeasure of man*. N. Y. : Palgrave MacMillan, 2008. P. 54.
15. SHibarshina S. V. «Vnutrennyaya istoriya» *naturalisticheskikh gipotez A. SHlejhera i ih znachenie dlya sravnitel'no#istoricheskogo yazykoznanija* ["Inside story" of naturalistic hypotheses of A. Schleicher and their significance for the comparatively historical linguistics] // *SHibarshina S. V. «Vnutrennyaya istoriya» naturalisticheskikh gipotez A. SHlejhera i ih znachenie dlya sravnitel'no#istoricheskogo yazykoznanija* – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2013, No. 12(38): 3 pts. Pt. III. P. 213.
16. See, eg.: Whorf B. L. *Language, Mind and Reality* // *ETC, A Review of General Semantics*. 1952. № 9. Pp. 167–188.
17. SHlejer A. *Kompandij sravnitel'noj grammatiki indoevropskih yazykov* [Compendi of comparative grammar of the Indo-European languages] // *Istoriya yazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah* – History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts / comp. V. A. Zvegintsev. 3d ed. M. Prosveshchenie. 1964. Part I. P.114.
18. SHibarshina S. V. *Op. cit.* P. 211.
19. R. J. Richards *The linguistic creation of man: Charles Darwin, August Schleicher, Ernst Haeckel, and the missing link in nineteenth century evolutionary theory* // *Experimenting in Tongues: Studies in Science and Language* / ed. by M. Doerres. Stanford, 2002. P. 30.
20. Richards R. J. *The linguistic creation of man: Charles Darwin, August Schleicher, Ernst Haeckel, and the missing link in nineteenth-century evolutionary theory* // *Experimenting in Tongues: Studies in Science and Language* / ed. by M. Doerres. Stanford, 2002. P. 30.
21. Кун Т. *Структура научных революций : пер. с англ. И. З. Налётова* [Structure of scientific revolutions: transl. from English. I. Z. Nalyotova]. M. AST. 2009. 605 p.

Феномен гениальности и постмодернизм

Статья рассматривает особенности феномена гениальности в эпоху постмодерна. Актуальность исследования данного феномена определяется современными поисками новых форм культуры, жизненных практик, потребностью формирования творческой личности. Понимание гения и гениальности в культуре и философии постмодернизма противоречиво: с одной стороны, есть своеобразная «аннигиляция» гения, обусловленная нивелированием личности, индивидуальности в условиях массового общества; с другой стороны, качества гениальности с легкостью приписываются более или менее значимым произведениям литературы, искусства, политическим решениям и т. д. В статье развивается положение о том, что в ситуации постмодернизма гений и интерес к нему не исчезают, меняются трактовка содержания гениальности и направление интереса к ее пониманию. Онтологический подход к исследованию гениальности опирается на анализ современных трудов по психологии, нейропсихологии, эволюционной психологии, позволяющих объяснить не только предпосылки гениальности, но и особенности отношения социума к гениальным людям. Основными направлениями разработки проблемы гениальности в контексте постмодернизма являются изучение изменения роли гениальной личности, изучение новых характеристик гениальности, выяснение причин негативного отношения к выдающимся личностям («церебральный сортинг»), исследование влияния IT-технологий на формирование качества гениальности.

The paper examines the characteristics of the phenomenon of genius in the postmodern era. The relevance of the study of this phenomenon is determined by the date the search for new forms of culture, life practices, demand the formation of a creative personality. Understanding the genius and brilliance in the culture and philosophy of postmodernism is contradictory: on the one hand, there is a kind of "annihilation" of genius, due to leveling of the individual, the individual in a mass society; On the other hand, the quality of genius easily attributed to more or less significant works of literature, art, political decisions, etc. The article develops the position that the situation in the postmodern genius, and interest in it do not disappear, change the interpretation of the content of the genius and the direction of interest to its understanding. The ontological approach to the study of genius based on the analysis of contemporary works in psychology, neuropsychology, evolutionary psychology, allowing to explain not only the preconditions of genius, but also especially to the society relations are brilliant people. The main directions of development of the problem of genius in the context of postmodernism is the study of the changing role of genial personality, learning new features of genius, the elucidation of the causes of the negative attitude to the outstanding personalities ("cerebral sorting"), study of the influence of IT technologies on the formation of the quality of genius.

Ключевые слова: гений, гениальность, онтология, постмодернизм.

Keywords: genius, genius, ontology, postmodernism.

Вопрос о роли гения и понимании гениальности в эпоху постмодерна представляется актуальным и интересным. С одной стороны, в условиях массового общества личность, индивидуальность нивелируются, масса поглощает все, создавая эффект имплозии (Ж. Бодрийяр) [1]. С другой стороны, для культуры постмодерна характерно «объявление» человека гением при жизни; гениальность легко приписывается произведениям искусства, технологическим изобретениям, политическим решениям.

Постмодернизм, как мы знаем, идет на смену модерну и, в отличие от него, признает относительность любого знания, ценности в условиях разнообразия и неопределенности жизни. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар дает такое определение постмодернизма: «Постмодернизм – общий культурный знаменатель второй половины XX века, уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» – «постмодернистская чувствительность» [2].

Возникает вопрос, кого мы можем считать гением в эпоху постмодерна? Есть ли у него [гения] какие-то исключительные характеристики? Или определенные черты гения специфически воспроизводятся в любую эпоху? А может, понятия «гений», «гениальность» не адекватны постмодерну? В самом общем смысле слова, гений – это человек с определенными врожденными особенностями, который создает нечто принципиально новое, выдающееся. Но очевидно, что оценка значимости результатов деятельности гения и конкретного содержания его достижений будет меняться. Так, в эпоху постмодерна имеет значение перформанс, способность привлечь внимание, талант игры и манипуляции. Получается, что гений – это как бы не настоящий, а «ложный»

гений. Это, в первую очередь, мастер симуляции и создания симулякров, а не личность, обладающая выдающимися способностями и достижениями в той или иной сфере деятельности.

В роли гениев также выступают такие фигуры, как М. Цукерберг, основатель Facebook, С. Джобс, основатель Apple, Б. Гейтс, основатель Windows, и т. д. Они оказываются не способными выдвигать кардинально новые идеи и находить технологии реализации фундаментальных научных идей. То есть на первый план выходит локальное технологическое решение. Еще одной важной особенностью оказывается то, что реализация новых проектов приносит огромные богатства; тема денег, зарабатываемых неординарными и рекламными способами, становится едва ли не ключевым моментом.

«Классический» гений не имеет значения, потребность в нем отпадает, общество, кажется, может обойтись и без него, без поисков глубин мудрости, смысла и его [смысла] оснований. Но это, действительно, только кажется. Ценности Просвещения и даже традиционных обществ не исчезли, они сместились на периферию общества постмодерна. Это, во-первых. А во-вторых, не случайно растет внимание к вопросам творчества, формирования и развития творческой личности, объективным и субъективным условиям творчества.

Например, Г. С. Альтшуллер в своей работе «Как стать гением», написанной в 1984 г., развивает тезис о возможности гениальности каждого человека. Он пишет о том, что способности человека могут раскрываться или не быть раскрытыми, и это зависит от умения не делать типичных ошибок в творчестве. В частности, он изобрёл систему творческой деятельности ТРИЗ, благодаря ознакомлению с которой, по его словам, любой человек может овладеть навыками изобретательства и творчества [3]. ТРИЗ – теория решения изобретательских задач – является концепцией развития личности, достижения человеком состояния, близкого к гениальности, максимального раскрытия творческого потенциала конкретного человека.

Суть программы ТРИЗ очень сложная, её надо долго изучать, чтобы овладеть ею в совершенстве. Но в общем и целом можно сказать, что это система выявления стандартных ошибок в творчестве, система решения задач с помощью оценки условий среды и выведения результата на основании всех возможных факторов, которые или мешают творчески решать задачу, или могут помочь в этом решении.

Развитию гениальности много внимания уделяет психология. Известны работы по психологии гениальности Э. Фромма [4], Г. Саливана [5], К. Хорни [6] и других психологов.

Таким образом, интерес к гениальности не исчезает, а меняется направление и содержание данного интереса. И как нам представляется, гений и гениальность, по своей сути, для каждой исторической эпохи тождественны, их форма сохраняется; гений – это определенный уровень и тип развития человеческого интеллекта, имеющий врожденные предпосылки, которые могут быть развиты в разной степени. С. В. Савельев, в частности, отмечает, что гениальность связана с врожденной формой организации головного мозга, проявляется после пубертатного периода и у всех людей по-разному, в зависимости от наличия полей и подполей. Важность упомянутых полей и подполей в развитии творческих способностей была своеобразно доказана в ходе Первой и Второй мировых войн, когда нарушение какой-либо части головного мозга влекло искажение или полную атрофию тех или иных функций мышления человека.

С. В. Савельев пишет, что гениальность не связана с травмами полушарий головного мозга, что гениальность является врожденной формой развития личности. Он рассматривает последствия повреждения головного мозга, частей, которые ответственны за те или иные поведенческие формы жизни, как подтверждение идей Ф. И. Галля о том, что способности локализованы в мозге. Каждому полю соответствует способность либо какая-то форма поведения, более выраженная у одних людей и менее выраженная у других людей [7].

Назовем некоторые подходы к исследованию гениальности в эпоху постмодерна.

Один из подходов исходит из того, что в ситуации постмодерна гений и гениальность не ценятся, не понимаются. Гениальные люди не исчезли, как может показаться, они создают интересные работы, выдвигают новые идеи, но реального общественного признания не получают: традиционные институты коммуникации и распространения идей их не поддерживают. Ценятся пиар и реклама. Почему? Одно из возможных объяснений – определенные социальные группы заинтересованы в сохранении status-quo, в активности в форме «выпускания пара», а не ведущей к реальным переменам в обществе и решению его проблем. Представителями данного подхода являются С. Кургинян [8] и А. Дугин [9].

Другой подход рассматривает гениев как устаревшую, архаичную форму представления личности и индивидуальности; сейчас ценится легкое отношение к жизни, юмор, материальная обеспеченность, а образ ученого, подобного И. Ньютону, квалифицируется как нечто, отжившие свой век. Об этом пишет М. Каку в своей работе «Физика невозможного» и ряде интервью [10]. Он

говорит о том, что Ньютон был учёным, который демонстрировал исследователя аутистического типа, который никак не характерен для современного либерального и демократического мира.

Объективность Нобелевских премий также ставится под сомнение, потому что очень часто Нобелевская премия мира выдаётся из целей политической конъюнктуры (в XX в. даже Гитлер был номинирован на Нобелевскую премию); кроме того, история показывает, что реальные, революционные открытия делают люди, которых не награждают при жизни.

Третий подход обращает внимание на то, что гений может восприниматься как что-то нежелательное, более того, имеет место социальный отбор по негативному признаку. Люди с выдающимися способностями выявляются, но их развитие прерывается или используется в узкокорыстных целях. С. Савельев, который пишет об этом, отмечает, что гений уже примерно 200 тысяч лет подвергается социальному отбору, он не нужен, со времён кроманьонцев и неандертальцев идёт отбор по мозгу, «церебральный сортинг» [11]. Но С. Савельев пишет, что это отбор, осуществляемый не какими-то тайными обществами, которые нацелены на уничтожение умных особей, а спонтанный и самопроизвольный, как некое историческое движение [12].

Наконец, четвертый подход связывает гениальность со способностью овладения IT-технологиями, созданием компьютерных программ и работой с ними. Об этом пишет С. Савельев в работе «Церебральный сортинг», а также историк А. Фурсов в ряде работ и лекций [13]. Их мысль заключается в том, что у каждой эпохи есть свои приоритеты. В XIX в. ценились инженеры, а сейчас – IT-специалисты.

Важно рассмотреть проблему, касающуюся создания самой эпохи постмодерна и постмодернизма как направления в культуре, искусстве и философии. Очевидно, что гении создают интеллектуальный дискурс. И постмодернизм также был создан, как дискурс.

Принято считать, что постмодернизм появляется в дискуссии с модернизмом, как его альтернатива и антитеза. Классические модели эпохи модерна считаются неправильными, ложными, слишком идеальными для того, чтобы осуществиться в реальности.

Появление таких философов, как Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, и многих других характеризует общую тенденцию эпохи. С точки зрения М. Фуко, среди всех философов-постмодернистов наибольшего уважения заслуживает Ж. Делёз, потому что он в отличие от остальных единственный занимался только философией и мышлением [14].

У Ж. Делёза нам известны такие произведения, как «Капитализм и Шизофрения», «Лекции о Лейбнице», «Спиноза» и др. Ж. Делёз является выдающимся философом эпохи постмодерна, одним из самых цитируемых философов-постмодернистов, он создаёт новые формы мышления, новые философские понятия. Это: «шизоанализ», «ризома», «машина желаний» и др., которые имеют очень сложный смысл. Также Ж. Делёз критикует любые типы классических философских подходов к экзистенциальным проблемам, для него неправильным и ненужным является дискурс о смысле жизни, об истине или о счастье.

Особенность интеллекта Ж. Делёза имеет значение ещё и потому, что он анализирует философию классиков модерна, и способен на их языке понять их же желания и мотивации в философии.

Постмодернизм заслуживает внимания, как эпоха, в которую проявляется другой тип гениальности. Но в XX–XXI вв. остаётся ясным то, что гений в научном понимании, гений в классическом понимании модерна сохраняет свою актуальность.

Но назревает необходимость нового типа гения, нового образа эпохи. И по мнению некоторых философов, таких как М. Фуко, этот тип будет заключаться уже в телесности [15].

Интеллект, рационализм, релятивизм, энтропия – характеризовали предыдущие эпохи и были связаны с рациональным либо эмпирическим восприятием реальности. Телесность же может стать новой формой восприятия мира, но пока не ясно, что это будет конкретно.

Так, российский философ Ф. Гиренок, называющий себя постмодернистом, пишет, что постмодернизм перейдёт в форму восприятия мира через чувства, образы, искусство в целом [16]. Это, следовательно, будет не переход к чему-то принципиально новому, а развитие философии в искусстве.

Данная позиция интересна, но всё же не является чем-то совершенно оригинальным, потому что об искусстве и культуре в связи с философией очень много размышляли Р. Барт, Ж. Бодрийяр и Ж. Лакан.

Таким образом, можно сказать, что гений является главным действующим лицом и в эпохе постмодерна и от него зависит очень многое в плане оформления содержания знаний о мире, понимания мира, создания новых жизненных практик.

Примечания

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 251–264.
2. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. Н. А. Шматко / Инт. экспериментальной социологии. М. : «АЛЕТЕЙЯ» ; СПб., 1998. С. 63.
3. Альтшуллер Г. С. Как стать гением. Новосибирск : Наука, 1984 (1-е изд.), 1991 (2-е изд. С. 44).
4. Фромм Э. Иметь или быть = To Have or to Be? (1976) / пер. Э. М. Телятниковой. М. : Аст, Астрель, 2010. С. 320.
5. Салливан Г. Интерперсональная теория в психиатрии. М. : «Ювента», 1999. С. 70.
6. Хорни К. Невроз и рост личности. М. : Академический проект, 2008.
7. Савельев С. В. Церебральный сортинг. М. : Веди, 2016. 132 с.
8. Кургинян С. Е. Исав и Иаков. М. : МОФ ЭТЦ, 2009. С. 69.
9. Дугин А. Г. Воображение. Философия, социология, структуры. М. : Академический проект, 2015. С. 238.
10. Каку М. Физика невозможного. М. : Альпина нон-фикшн, 2009. С. 540.
11. Савельев С. В. Церебральный сортинг. М. : Веди, 2016. С. 123.
12. Там же. С. 48.
13. Фурсов А. И. Великая война: тайна рождения XX века // De Aenigmate = O Тайне : сб. науч. трудов. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2015. С. 245–296.
14. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 672.
15. Фуко М. Рождение клиники. М. : Академический проект (Психологические технологии), 2010. С. 256.
16. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М. : Академический проект, 2012. С. 240.

Notes

1. Bodrijyar ZH. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its myths and structures]. M. 2006. Pp. 251-264.
2. Liotar ZH-F. *Sostoyanie postmoderna : per. s fr. N. A. SHmatko* [Postmodern condition: transl from Fr. N. A. Shmatko] / In-t of experimental sociology. M. "ALETHEIA", Spb. 1998. P. 63.
3. Al'tshuller G S. *Kak stat' geniem* [How to become a genius]. Novosibirsk. Nauka. 1984 (1st ed.), 1991 (2 ed. P. 44).
4. Fromm EH. *Imet' ili byt'* [To have or to be] (1976) / translated by E. M. Teliatnikova. M. AST, Astrel. 2010. P. 320.
5. Sallivan G *Interpersonal'naya teoriya v psihiatrii* [Interpersonal theory in psychiatry]. M. Yuventa. 1999. P. 70.
6. Horni K. *Nevroz i rost lichnosti* [Neurosis and personal growth]. M. Academic project. 2008.
7. Savel'ev S. V. *Cerebral'nyj sorting* [Cerebral sorting]. M. Vedi. 2016. 132 p.
8. Kurginyan S. E. *Isav i Iakov* [Esau and Jacob]. M. Intern. Social Fund Experimental Creative Center. 2009. P. 69.
9. Dugin A. G *Voobrazhenie. Filosofiya, sociologiya, struktury* [Imagination. philosophy, sociology, structure]. M. Academic project. 2015. P. 238.
10. Kaku M. *Fizika nevozmozhnogo* [Physics of the impossible]. M. Alpina non-fiction. 2009. P. 540.
11. Savel'ev S. V. *Cerebral'nyj sorting* [Cerebral sorting]. M. Vedi. 2016. P. 123.
12. Ibid. P. 48.
13. Fursov A. I. *Velikaya vojna: tajna rozhdeniya XX veka* [The Great war: the secret of birth of the XX century] // *De Aenigmate = O Tajne : sb. nauch. trudov* – De Aenigmate = About the Mystery: scientific collection of works. M. Partnership of scientific publications KMK. 2015. Pp. 245-296.
14. Delyoz ZH. *Anti#EHdip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia] / transl from FR. and afterword D. Kralchkin; scientific ed. V. Kuznetsov. Yekaterinburg. Ufaktoriya. 2007. P. 672.
15. Fuko M. *Rozhdenie kliniki* [The birth of the clinic]. M. Academic project (Psychological technology). 2010. P. 256.
16. Girenok F. *Absurd i rech'. Antropologiya voobrazhaemogo* [Absurd and speech. Anthropology of the imaginary]. M. Academic project. 2012. P. 240.

Особенности восприятия Марокко в Советском Союзе в 1950–1990 гг.

Периодическая печать является ценным источником, позволяющим проследить эволюцию представлений об изучаемых странах. В данной статье, основанной на анализе публикаций по марокканской тематике за 1950–1990 гг., рассматривается формирование образа этой магрибинской страны в советском медиапространстве, выявляются особенности взаимного восприятия двух народов. В статье исследуются та роль, которую сыграло идеологическое противостояние Восток – Запад в истории российско-марокканских отношений, и его не всегда благотворное влияние на объективность публикуемого в советской прессе материала, наличие в нем идеологических штампов и стереотипов. Особое внимание уделяется средствам и приемам, использовавшимся журналистами для создания привлекательного образа страны и ее жителей. Автор приходит к выводу о позитивном вкладе советской журналистики в развитие советско-марокканских отношений.

Periodicals is a valuable source for tracing the evolution of ideas about the countries studied. This article is based on the analysis of publications on the subject of Morocco in 1960–1990 years. The article considers formation of the image of the country of the Maghreb in the Soviet media space. The article reveals the peculiarities of mutual perceptions of the two Nations. The article explores the role of the ideological confrontation between East – West in the history of Russian – Moroccan relations and the impact of conflict on objectivity of publications in the Soviet press, existence in materials of ideological stamps and stereotypes. Special attention is given to tools and techniques used by journalists to create an attractive image of the country and its inhabitants. The author comes to a conclusion about a positive contribution of the Soviet journalism to development of the Soviet-Moroccan relations.

Ключевые слова: Марокко, советско-марокканские отношения, СМИ, взаимное восприятие, имиджевые стереотипы, идеология.

Keywords: Morocco, the Soviet-Moroccan relations, media, mutual perception, image stereotypes, ideology.

Современные имагологические исследования признают периодическую печать важнейшим инструментом, оказывающим воздействие на общественное сознание, особенно когда речь идет о формировании образа других стран. Адекватный и объективный образ «Другого» имеет научно-познавательную, идейно-политическую, культурологическую и практическую значимость для межгосударственных отношений. Официальные издания советского периода, такие как газеты «Правда», «Известия», «Труд», и специализированные, освещавшие международную жизнь, прежде всего журналы «Новое время» и «Азия и Африка сегодня», являются ныне ценными источниками, позволяющим проследить генезис и эволюцию представлений в СССР о других странах. С некоторыми из них, теми, кто получил независимость только в 1950–1960-е гг., отношения до этого не поддерживались несколько десятилетий, и выстраивать их приходилось практически заново. В данном случае речь пойдет о Королевстве Марокко.

Интерес в Советском Союзе к Марокко возник в 1950-х гг., когда началась борьба марокканского народа за независимость, освобождение страны от французского колониального гнета. Поддержка Советским Союзом прав марокканцев в ООН, несомненно, оказала положительное влияние на исход этой битвы и заложила основы дружественных отношений между странами в период независимого развития королевства. Успешно развиваясь в экономической, торговой, культурной сферах, советско-марокканское сотрудничество все же лимитировалось идейными позициями советского и марокканского руководства, придерживавшихся различных социальных идеологий. В СССР считали, что Королевство Марокко принадлежало к так называемому западному лагерю, что накладывало отпечаток на тон и содержание публикаций, посвященных этой

стране. Советская печать была идеологизирована и нацелена на формирование позитивного образа тех стран Азии и Африки, которые развивались по единому пути со странами социалистического лагеря. «Прогрессивные» страны, выбравшие путь социалистической ориентации, по степени освещенности в советской печати и публицистике значительно превосходили «реакционные» страны, ориентировавшиеся на Запад. Характерной особенностью совокупности публикаций советской прессы и публицистики, посвященных Марокко, является присутствие идеологических штампов и стереотипов, не всегда справедливых и объяснявших крайне небольшим опытом взаимного общения русских и марокканцев, особенно в начальный период отношений в 1950–1960-х гг. Узость идеологических рамок и закрытость советского общества препятствовали установлению личных контактов. Авторы большинства статей и путевых записок советского периода посещали Марокко, как правило, первый и единственный раз, в ходе кратковременных командировок. Характер публикаций существенно меняется в 1970-х гг.: становясь все более профессиональной и наукообразной от десятилетия к десятилетию, советская международная журналистика акцентирует внимание на прагматичных темах взаимовыгодного советско-марокканского сотрудничества, перспективах политического диалога и культурных контактов, сводя использование идеологических клише до минимума.

Марокко в советских публикациях 1950-х гг. – страна восточной экзотики, резких природных и социальных контрастов, сплетения современности и Средневековья: «...роллс-ройсы и ослики, элегантные дамы, одетые по парижской моде, и спустившиеся с гор берберы в живописных национальных одеждах, мощные портовые краны и полуголые грузчики с громадными тюками на голове...» [1] Советские публицисты отдают должное основным городам королевства – «кричащему космополитизму Танжера и Касабланки, подчеркнуто туристской экзотике и пестроте Феса и Марракеша» [2]. Страна вилл и бидонвилей, роскошной природы, богатых ресурсов и вопиющей нищеты феллахов и ремесленников вызывала живейшее сочувствие советских людей, для которых на первом плане стоял вопрос социальной справедливости: «Богатая, но ограбленная и замученная чужеземными захватчиками страна» [3]. Виновницей бедственного положения называлась бывшая метрополия Франция, а еще шире – мировая империалистическая система: «Десятилетия поработители держали Марокко в состоянии отсталости» [4]. Советские журналисты отмечали такой перекосяк в развитии марокканского сельского хозяйства, как наращивание производства вина для экспорта в ущерб зерновым культурам, необходимым местному населению.

Основными вызовами для молодого независимого государства советские авторы называли земельную проблему, жилищный вопрос и безработицу. В первые годы после получения независимости Марокко представляло из себя отсталую аграрную страну, три четверти населения которого были заняты в сфере сельского хозяйства. Однако подавляющее количество плодородных земель принадлежало европейским колонистам и местным помещикам. Это порождало явление, которое называлось «земельный голод»: «...более 60 процентов марокканских крестьян безземельны, а те, кто сумел сохранить за собой участки... не имеют средств на покупку сельскохозяйственных машин, удобрений... Марокканские крестьяне на своих крохотных участках допотопной сохой ковыряют выжженную серо-бурую землю» [5]. Вопиющая бедность и беспросветность положения феллахов побуждала авторов советских журналов констатировать, что марокканская деревня сохраняет свой средневековый облик. Советские специалисты видели причину кризиса марокканского сельского хозяйства в приверженности властей «земледельческому капитализму»: «...правительственные проекты земельной реформы призваны лишь приостановить революционное движение деревенской бедноты» [6].

«Обвинительным актом колониализму» назвал автор статьи в журнале «Азия и Африка сегодня» наличие поселков-бидонвилей вокруг всех крупных городов Марокко. Описание таких бедняцких окраин содержится практически в каждом путевом очерке советских авторов 1950–1960-х гг. В примитивных лачугах, сооруженных практически из мусора, проживало в 1950-е гг. около 300 тыс. неимущих марокканцев. «Низкие дома почти без окон, большая скученность и антисанитарные условия» – таков типичный облик этих трущоб [7]. Еще одна тема, привлекавшая неравнодушное внимание отечественных журналистов, – состояние образования в недавно освободившемся королевстве. «За полвека своего господства французы не открыли в Марокко ни одного учебного заведения: они не строили школ для простого населения, обрекая его на невежество... Только в одном районе Касабланки из двадцати тысяч детей школьного возраста учится лишь пять. Остальная армия ребятишек просит милостыню... В настоящее время охвачено обучением менее 50 процентов детей школьного возраста» [8]. Хотя формально в стране было введено обязательное начальное образование, но из-за острой нехватки школьных помещений и учителей эта проблема оставалась неразрешимой еще долгие годы.

Поддержку и сочувствие в советской печати вызывали усилия марокканцев по искоренению остатков французского колониализма – эвакуация французских военных баз и авиационных школ, закрытие иностранных банков и фирм. Так, ликвидация международного статуса Танжера, который в период французского протектората был центром контрабанды, пиратства и преступности, получила положительную оценку в Москве. Как шаги в правильном направлении к экономической независимости расценивались меры марокканских властей по созданию национальной тяжелой промышленности, борьбе с неграмотностью, строительству школ и воспитанию национальных кадров.

Главной причиной тяжелого экономического положения и медленного прогресса страны советские авторы называют приверженность западному пути развития: «Причина в том, что независимое Марокко пошло по пути капитализма» [9]. «12 лет спустя после завоевания политической независимости страна продолжает оставаться в тисках иностранного капитала. В 1966 г. только французская собственность в Марокко оценивалась в... 4 млрд долларов. Ежегодно около 10% национального дохода страны уплывает в сейфы иностранных компаний... Если бы эти средства оставались в стране, Марокко могло бы удвоить сумму, выделяемую на развитие народного хозяйства» [10]. В статьях и путевых очерках 1970-х гг. подводятся первые итоги независимого развития королевства. Спустя пятнадцать лет после обретения независимости общий экономический итог «остается относительно скромным, будь то в производстве, уровне жизни, инвестициях и занятости» [11]. Провозглашенная властями Марокко в 1973 г. политика «марокканизации» экономики, предусматривавшая передачу 51% капитала иностранных компаний марокканскому бизнесу, вызвала в СССР двоякую реакцию: она приветствовалась как позитивная мера, но указывалось на ее недостаточность: «В перспективе – усиление собственного марокканского частного капитала, а следовательно – неизбежен дальнейший рост и без того острых социальных противоречий» [12].

«Острые социальные противоречия» являются постоянной темой марокканских статей, отечественные публицисты выделяют такие серьезные проблемы, как безработица, жилищный кризис, социальное неравенство. Остававшиеся неразрешенными десятилетиями и угрожавшие будущему страны эти процессы лишь усиливались в 1980-е гг. «Обилие безработных бросалось в глаза еще в 1980 году. За два года число их несколько не уменьшилось. Проблема маргиналов превратилась, пожалуй, в главную» [13]. «В Марокко демографический взрыв и ускоренная урбанизация происходят в условиях все еще отсталого хозяйства. Постоянно увеличивается так называемое избыточное население...» [14] Советские публицисты не преувеличивали: при численности населения в 20 млн человек число безработных в 1980-х гг. достигало 2 млн. Еще более миллиона марокканцев уехали в поисках заработка за границу, в основном во Францию.

Острые социальные конфликты неизбежно вели к росту напряженности в обществе, акциям протеста, как их называли в советской печати – «массовым выступлениям трудящихся». Основной формой «борьбы марокканского пролетариата за свои права» были забастовки. С 1957 по 1963 г. в них приняли участие около полумиллиона марокканских трудящихся [15]. «Капиталистический статус предприятия определяет его социальную атмосферу... Классовая борьба подразумевает социальное противоборство не только с иностранным (как в колониальные времена), но и национальным капиталом», – рассуждал автор статьи в журнале «Азия и Африка сегодня» [16]. Стихийный социальный взрыв в Касабланке в июне 1981 г., вызванный резким ростом цен на товары первой необходимости, освещался в отечественной прессе в русле тезиса: «...зависимость Марокко от мирового капиталистического рынка пагубна для ее экономики» [17].

Значительное место в статьях на марокканские темы занимал анализ политической ситуации в королевстве. Антитеза «король в Марокко обладает неограниченной властью, а права трудящихся урезаны» [18] характерна для публикаций только начального этапа взаимоотношений двух стран, уже в середине 1960-х возобладал уважительно-нейтральный тон при упоминании монархического строя этой арабской страны. Пусть не сразу, но в Москве оценили, что внешние связи Марокко король Хасан II стремился диверсифицировать, в его внешней политике явно просматривался решительный отказ от односторонней ориентации на кого бы то ни было. Вот как сами марокканцы оценивали внешнеполитический курс своих монархов: «Мухаммед V в вопросах международной политики и в отношении к странам социалистического лагеря был левее наших левых партий. Его величество Хасан II продолжает политику отца: неучастие в блоках и нейтралитет» [19]. Изменение тона советской прессы коснулось и такого чувствительного вопроса, как трактовка исторической роли монархии в борьбе за независимость Марокко, а именно личности султана Мухаммеда бен Юсуфа – короля Мухаммеда V. Если в статьях начала 1960-х гг., следуя классической марксистско-ленинской теории, утверждалось, что «в освобождении страны от иноземного ига основную роль сыграли не король и не феодальная знать, а крестьяне, батраки,

мелкие ремесленники и, прежде всего, рабочие» [20], то в последующих работах заслуги Мухаммеда V уже не замалчивались. Признавали советские журналисты и факт популярности монархов среди населения страны: например, многие авторы упоминают о еженедельной пятничной церемонии выезда короля на молитву, когда на рабатской площади Мешуар собирается огромная толпа марокканцев, чтобы криками и жестами радостно приветствовать своего монарха.

Наиболее влиятельная партия «Истикляль», сыгравшая важную роль в период борьбы Марокко за независимость, оценивалась в советской печати как правая «феодално-буржуазная партия, представляющая интересы привилегированных классов» [21]. Если в СССР и питали надежды на укрепление рабочего движения в королевстве, то связывали их с профсоюзами. Авторитетный Марокканский союз труда (МСТ), сильная, дисциплинированная и разветвленная организация, представлял реальную политическую силу. «Боевитый» МСТ не только возглавлял забастовочное движение, выступая с требованиями гарантировать работу и зарплату, но и активно участвовал в политической жизни, занимая левые позиции. Так, МСТ призывал к проведению «подлинной» аграрной реформы и национализации ключевых отраслей экономики. Именно этот профсоюз добился права официально отмечать международный пролетарский праздник – 1 мая и неоднократно приглашал делегации из СССР участвовать в праздничных демонстрациях. Однако надежды, высказывавшиеся в советской печати, на то, что «прогрессивные силы Марокко» будут добиваться изменения политического курса страны, были явно завышенными. Лишь с началом перестройки в СССР в 1985 г. гласность сняла с журналистов жесткие идеологические ограничения и позволила более свободно и трезво оценить потенциальных политических партнеров, признать очевидные факты: «Консервативен курс Рабата, прочны тут торговые и культурные позиции крупнейших капиталистических держав. Не только географически, но и политически Марокко близко к западному миру» [22].

Весьма объективно освещается в советской публицистике и положение ислама в Марокко. Все авторы согласны в том, что «Марокко – религиозная страна... Не в каждой деревне увидишь школу, но мечеть – обязательно» [23]. На рубеже 1950–1960-х гг., когда светская форма национализма в арабском мире торжествовала, даже в тех странах, где не проводились целенаправленные секуляристские реформы, например в Марокко, светскость входила в политико-правовую практику и в сферу быта. Тогда казалось, что вектор развития арабского мира направлен на углубление секуляризации и что постепенно религия отойдет на второй план политической жизни, что и отмечалось советскими журналистами на примере Марокко. «Нельзя сказать, что молодежь глубоко религиозна. Традиции и обряды ислама соблюдаются молодым поколением скорее из уважения к старшим, по необходимости... Марокканку, снявшую чадру, никто не осуждает, не порицает... Новые веяния, понятия, взгляды постепенно проникают сквозь вековую толщу устоев. Заглянув под своды мечети, редко увидишь молодые лица: молятся в основном старики» [24]. Однако уже в 1970–1980-х гг., когда стали очевидны трудности в осуществлении модернизации страны, возникло разочарование в данной модели развития, и на первый план стала выходить религиозная составляющая массового сознания. Корни исламского фундаментализма произрастают из оставшихся так и нерешенными социальных проблем страны – бедности, безработицы и вопиющего социального неравенства: «Лишь в исламе многие из неимущих видят единственный шанс реализовать тоску по несбывшимся надеждам» [25].

Советские журналисты единодушно отмечают дружелюбие и симпатию марокканцев по отношению к Советскому Союзу и нашим гражданам. В годы, последующие за получением независимости Марокко, эти выражения добрых чувств к представителям антиимпериалистического лагеря особо контрастировали с антипатией к гражданам западного, империалистического мира, который недавно был врагом: «Англичане? Французы? – раздаются недружелюбные голоса, но услышав два слова: “Русс, совет”, лица марокканцев мгновенно меняются. Дружелюбные улыбки, крепкие рукопожатия. Нам с удовольствием разрешают фотографировать, приглашают на чашку чаю» [26]. Если в начале советско-марокканских отношений народ Марокко имел об СССР весьма смутное представление, то благодаря налаживанию контактов, культурному взаимобмену Советский Союз стал весьма популярным. Первое в мире социалистическое государство вызывало небывалый интерес марокканцев своими научными, техническими и культурными достижениями, которые СССР охотно демонстрировал, участвуя в марокканских ежегодных Международных ярмарках в начале 1960-х гг., организуя книжные и фотовыставки, кинопоказы. В глазах граждан молодой независимой страны наша держава, первой запустившая человека в космос, была «самой могущественной, самой культурной и трудолюбивой» [27]. Главным положительным итогом советской политики 1960-х по отношению к развивающимся странам, среди которых было и Марокко, стало создание положительного имиджа, внушение партнерам доверия и уважения: «Мы, марокканцы, знаем, что ваша рабочая страна не злоупотребляет своей силой, а

использует ее для братской помощи». Народ Марокко был уверен в доброжелательности «большого Союза к маленькому Марокко» [28]. «Всюду мы встречали самое теплое и признательное отношение к нашей стране, ее опыту, роли в борьбе за мир во всем мире, ее помощи народам, борющимся за свободу, против агрессии» [29].

Отличительной особенностью советских публикаций по марокканской тематике становится доброжелательный тон и дружественное расположение к жителям этой страны. Очень симпатичен и образ марокканца на страницах журналов. «Марокканцы приветливы, доброжелательны, улыбаются при встрече», в их характере сочетаются воинственность и мечтательность, пламенная резкость и душевная тонкость. Отмечают советские журналисты и различия марокканских типов: если городские жители степенны, неторопливы и добродушны, то среди выходцев из племен, особенно горных, живучи традиции былой воинственности, замкнутости, суровости, что сказывается в общении некоторой резковатостью. Особое восхищение вызывает труд мастеров традиционных ремесел. «Трудолюбивый марокканский народ умеет хорошо строить, возделывать землю и делать красивые вещи... Это люди с тонким, хорошо развитым художественным вкусом. Оригинальностью, выдумкой, смелостью в подборе цветовой гаммы поражают марокканская стенная роспись, мозаика, ковры, гобелены» [30].

Таким образом, советские публикации по марокканской тематике за 1950–1990 гг. можно оценить как репрезентативный исторический источник, имеющий научно-познавательную и культурологическую ценность. Отечественные журналисты создали разносторонний, позитивный и благожелательный образ Марокко и его жителей. Эти материалы в основном объективно и адекватно отображали действительность, неся на себе отпечаток реалий общественно-политической обстановки в СССР/РФ. Публикации советской прессы внесли вклад в развитие советско-марокканских отношений, создали основу для укрепления дружественных связей двух стран уже на новом, постсоветском этапе.

Примечания

1. Алексеев П. От Касабланки до Танжера // Новое время. 1959. № 42. С. 26.
2. Чугров С. Ночь в Бени-Меллале // Азия и Африка сегодня. 1984. № 12. С. 24.
3. Кузнецова Е. Экскурсия по Марокко // Новое время. 1953. № 7. С. 29.
4. Катин В. К. Марокко сегодня // Азия и Африка сегодня. 1961. № 5. С. 29.
5. Катунцева Н. Путешествие по Марокко // Новое время. 1963. № 41. С. 30.
6. Михайленко И. У марокканских феллахов // Азия и Африка сегодня. 1966. № 7. С. 15.
7. Хольный Г. По городам Марокко // Азия и Африка сегодня. 1962. № 3. С. 38.
8. Маслов К. Марокко переживает весну // За рубежом. 1961. № 31. С. 16.
9. Шабаетов Б. 1 Мая в Касабланке // Азия и Африка сегодня. 1968. № 5. С. 22.
10. Там же. С. 19.
11. Ермаков Е., Потемкин Ю. Марокканские светотени // Правда. 1972. 25 апр.
12. Жуков Ю. Привет из Марокко // Огонек. 1974. № 24. С. 25.
13. Аргентов В. А. Старина и новь Магриба. М., 1985. С. 226.
14. Березниковский И. Многоцветье Рабата // Азия и Африка сегодня. 1983. № 3. С. 59.
15. Шабаетов Б. Указ. соч. С. 20.
16. Ланда Р. Марокканские встречи // Азия и Африка сегодня. 1981. № 2. С. 41.
17. Князев О. У стены Альмохадов // Известия. 1982. 14 мая.
18. Катин В. К. Указ. соч. С. 29.
19. Нагибин Ю. Марокканские новеллы // Новое время. 1961. № 27. С. 25.
20. Катин В. К. Указ. соч. С. 29.
21. Там же. С. 27.
22. Игнатов А. У Геркулесовых столпов // Сов. Россия. 1988. 4 дек.
23. Катин В. К. Марокко сегодня и завтра // Азия и Африка сегодня. 1969. № 3. С. 38.
24. Там же. С. 36.
25. Игнатов А. Указ. соч. С. 29.
26. Канаев Г. Впервые в Марокко // Сов. профсоюзы. 1959. № 13. С. 61.
27. Маслов К. Указ. соч. С. 17.
28. Напалков С. На разных меридианах. Л., 1973. С. 67.
29. Жуков Ю. Указ. соч. С. 25.
30. Катин В. К. Марокко сегодня и завтра. С. 34.

Notes

1. Alekseev P. *От kasablanki do tanzhera* [From Kasablanka to Tanzher] // *Novoie vremya* – New Time. 1959, № 42, p. 26.
2. Chugrov S. *Noch v Beni-mellale* [Night in Beni-Mellal] // *Aziya I Afrika segodnya* – Asia and Africa today. 1984, № 12, p. 24.

3. Kuznetsova E. *Ekskursiya po Marokko* [Tour of Morocco] // *Novoie vremya – New Time*. 1953, № 7, p. 29.
4. Katin V. K. *Marokko segodnya* [Morocco today] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today* 1961, № 5, p. 29.
5. Katuntseva N. *Puteshestviye po Marokko* [Journey through Morocco] *Novoie vremya – New Time*. 1963, № 41, p. 30.
6. Mikhaylenko I. *U marokkanskih fellakhov* [Visiting Moroccan fellahs] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1966, № 7, p. 15.
7. Kholniy G. *Po gorodam Marokko* [Across the cities of Morocco] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1962, № 3, p. 38.
8. Maslov K. *Marokko perezhivaet vesnu* [Morocco is experiencing spring] // *Za rubezhom – Abroad*. 1961, № 31, p. 16.
9. Shabaev B. *1 maya v Kasablanke* [1 May in Casablanca] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1968, № 5, p. 22.
10. Ibid. P. 19.
11. Ermakov E., Potemkin Yu. *Marokkanskie svetoteni* [Moroccan light and shade] // *Pravda – Truth*. 25.04.1972.
12. Zhukov Yu. *Privet iz Marokko* [Hi from Morocco] // *Ogonek – Spark*. 1974, № 24, p. 25.
13. Argentov V.A. *Starina i nov Magriba* [Old and new in Maghreb]. M. 1985. P. 226.
14. Bereznikovskiy I. *Mnogotsvetiye Rabata* [Variety of colors of Rabat] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1983, № 3, p. 59.
15. Shabaev B. Op. cit. P. 20.
16. Landa R. *Marokkanskie vstrechi* [Moroccan meetings] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1981, № 2, p. 41.
17. Knyazev O. *U steni Almokhadov* [At a wall of Almokhads] // *Izvestiya – News*. 14.05.1982.
18. Katin V.K. Op. cit. P. 29.
19. Nagibin Yu. *Marokkanskiye novelli* [Moroccan short stories] // *Novoie vremya – New Time*. 1961, № 27, p. 25.
20. Katin V.K. Op. cit. P. 29.
21. Ibid. P. 27.
22. Ignatov A. *U gerkulesovikh stolbov* [At Herculean pillars] // *Sovetskaya Rossiya – Soviet Russia*. M. 4.12.1988.
23. Katin V. K. *Marokko segodnya i zavtra* [Morocco today and tomorrow] // *Aziya I Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 1969, № 3, p. 38.
24. Ibid. P. 36.
25. Ignatov A. Op. cit. P. 29.
26. Kanaev G. *Vperviyе v Marokko* [For the first time in Morocco] // *Sovetskite profsoyusi – Soviet labor unions*. 1959, № 13, p. 61.
27. Maslov K. Op. cit. P. 17.
28. Napalkov S. *Na raznikh meredianakh* [On different meridians]. L. 1973. P. 67.
29. Zhukov Yu. Op. cit. P. 25.
- 2.2.1. Katin V. K. Op. cit. P. 34.

УДК 94(470)"1951/1970" + 338(470)"1951/1970"

М. А. Симонов

Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг.

В статье представлены результаты исследования проекта плана построения коммунизма в СССР, разработавшегося Госпланом после Великой Отечественной войны. Описывается история составления программного документа и анализируются его основные положения. Раскрываются фундаментальные задачи преобразования общества из социалистического в коммунистическое. Приводятся конкретные экономические показатели будущего общества и сравниваются с реальными возможностями советской экономики. Особое место занимает анализ проекта территориального развития СССР в период с 1951 по 1970 г.

Работу над планом курировал Н. А. Вознесенский до своего ареста в 1949 г., поэтому изучение данной темы помогает понять взгляды фигурантов «Ленинградского дела». Также в статье отмечается, что разработка плана коммунистического строительства в СССР шла непрерывно и в итоге была частично реализована во время правления Н. С. Хрущева.

The article presents the results of the research of the draft of building communism in the USSR, State Planning Committee (Gosplan) developed after World War II. The history of the drafting of the programme is described and its main provisions are given. The fundamental tasks of the transformation of society from socialist to Communist are revealed. Specific economic indicators of the future society are provided and are compared with the real possibilities of the Soviet economy. The special place occupies the analysis of the territorial development project of the USSR in the period from 1951 to 1970.

N. A. Voznesensky oversaw the work before he was arrested in 1949, so the study of this topic helps to understand the views of defendants in the "Leningrad affair". The Development plans were continuously. And eventually it was partially implemented during the reign of N. S. Khrushchev.

Ключевые слова: сталинизм, послевоенный СССР, Н. А. Вознесенский, Г. М. Сорокин, проект, коммунизм, Госплан СССР, отдел перспективных планов, «Ленинградское дело».

Keywords: Stalinism, the post-war USSR, N. A. Voznesensky, G. M. Sorokin, draft, communism, Gosplan of the USSR, division of long-term plans, "Leningrad affair".

Планы строительства коммунистического общества в СССР постоянно разрабатывались и обсуждались высшим руководством начиная как минимум с середины 1930-х гг. Самый известный проект принадлежит хрущевскому десятилетию, но до него разрабатывались и более ранние.

Как указывалось в резолюции XVIII съезда ВКП(б), «СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» [1]. Конкретизируя эту установку, Совнарком в начале 1941 г. поручил Госплану составить проект Генерального плана развития СССР на 15 лет. В нём должны были содержаться директивные показатели, позволяющие к концу этого срока «перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения – чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления» [2]. Увеличение срока планирования в противовес традиционным советским пятилеткам говорит о предпринимавшейся попытке решить глобальную хозяйственную задачу. Однако в выполнение намеченного проекта вмешалась Великая Отечественная война.

Поэтому к разработке проекта экономического плана построения коммунизма в СССР работники Госплана под руководством Н. А. Вознесенского вернулись только в 1948 г. В историографии этот вопрос не получил должного освещения. Первое упоминание о Генеральном хозяйственном плане было опубликовано в 1963 г. в биографии Н. А. Вознесенского, в которой послевоенному плану построения коммунизма посвящена лишь одна страница [3]. Через одиннадцать лет вышла несколько переработанная версия книги, в которой была смягчена критика И. В. Сталина, а указанной проблеме отводилась уже целая глава [4].

К рассмотрению данного вопроса историки вернулись уже в наше время. В. З. Роговин связал прогноз дальнейшего развития СССР, данный И. В. Сталиным в речи перед избирателями сталинского округа г. Москвы от 9 февраля 1946 г., с разработанным планом построения коммунизма в СССР и охарактеризовал его. Однако эта характеристика носит общий и недостаточно конкретный характер: «...неграмотно составленные расчёты [которые] механически экстраполировали на будущее относительно высокие темпы экономического роста СССР в определённые периоды и относительно низкие темпы роста экономики капиталистических стран – также в отдельные периоды» [5]. В статье О. В. Хлевнюка нет упоминаний о Генеральном хозяйственном плане, однако дается характеристика личности председателя Госплана СССР – «вполне традиционный председатель Госплана, склонный к компромиссам с ведомствами, готовый на существенное увеличение капитальных вложений. Стиль и методы работы Вознесенского не отличались от поведения его предшественников» [6]. Также дается очень важное заключение о том, что изменения в экономике, которые проводил Н. А. Вознесенский, исходили лично от И. В. Сталина. К проблеме послевоенного экономического развития обращался А. З. Ваксер [7]. В его работе также отсутствуют данные о Генеральном хозяйственном плане, но впервые в историографии рассматривается вопрос о проводимой Н. А. Вознесенским попытке структурной перестройки советской экономики. Провал этой попытки автор связывает с началом репрессий государства против ряда крупных руководителей – «ленинградского дела» и «дела Госплана».

Таким образом, в историографии проблема планирования строительства коммунизма в СССР в послевоенный период только упомянута. Мнения о Н. А. Вознесенском как о руководителе экономической части проекта выборочны и противоречивы. Сами документы о Генеральном хозяйственном плане были долгое время неизвестны исследователям из-за закрытости любой информации о нем вследствие репрессий в отношении Н. А. Вознесенского.

По нашему мнению, толчком к разработке новых программных документов после Великой Отечественной войны послужила речь И. В. Сталина от 9 февраля 1946 г., в которой указывалось, что для нового мощного подъема народного хозяйства потребуются «три новых пятилетки, если не больше» [8]. Через полтора года, 15 июля 1947 г., началась разработка новой программы ВКП(б), в которой были сформулированы «основные задания партии с точки зрения развития Советского общества к коммунизму в разрезе 20–30 лет» [9]. 6 августа 1947 г. на заседании Политбюро был рассмотрен вопрос «О Генеральном хозяйственном плане СССР», в связи с чем было принято соответствующее постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР [10]. В данном документе Госплану СССР поручалось к 15 января 1948 г. представить проект Генерального хозяйственного плана СССР, рассчитанного на «20 лет... [и] построение в СССР коммунистического общества» [9].

В соответствии с этим для разработки Генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг. Госплан СССР решениями от 22 августа и 12 сентября 1947 г. создал 105 специальных групп общей численностью около 350 специалистов. Координация и руководство работой групп была возложена на отдел перспективных планов, созданный приказом Госплана СССР № 1936 от 29 августа 1946 г. [11], во главе с его начальником Г. М. Сорокиным. В своей работе Г. М. Сорокин отчитывался непосредственно перед председателем Госплана СССР – Н. А. Вознесенским, который председательствовал на заседаниях комиссии Госплана по рассмотрению вопроса о Генеральном хозяйственном плане. В результате работы в течение 2,5 месяцев был подготовлен первый вариант доклада о Генеральном плане, который был представлен сводным отделом перспективных планов Госплану СССР 27 ноября 1947 г. [12] Таким образом, к концу 1947 г. был разработан первый вариант доклада Госплана Центральному Комитету ВКП(б) и Совету Министров СССР о предварительном проекте Генерального хозяйственного плана на 1946–1965 гг.

Обсуждение этого доклада продолжалось до мая 1948 г. в рабочих группах Госплана. В нем участвовали непосредственные разработчики, руководители групп, а также Г. М. Сорокин и Н. А. Вознесенский. Судя по перечню документов по проекту Генерального плана за период с февраля по май 1948 г. прошло четыре заседания, на которых проводилась доработка данного Плана и обсуждался широкий круг вопросов, связанных с ним [13].

По результатам данных обсуждений отдел перспективных планов должен был подготовить проект постановления о предварительном проекте Генерального хозяйственного плана СССР. Для этого доклад еще раз был обсужден комиссиями под руководством отдела перспективных планов и с изменениями доработан. В результате всех согласований к 20–21 сентября 1948 г. был подготовлен новый вариант документа – Проект постановления о предварительном Генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг. [20], в котором сроки реализации Плана были сдвинуты на 5 лет. Как указано в записке Г. М. Сорокина на имя Н. А. Вознесенского, это было сделано в целях «коренного улучшения доклада», так как в нем был «неудовлетворительно составлен план капитальных работ... неудовлетворительно разработаны показатели технического вооружения... [и] технико-экономические нормы» [13].

После освобождения Н. А. Вознесенского от должности председателя Госплана 5 марта 1949 г. [14] работу по разработке генерального хозяйственного плана возглавил новый руководитель ведомства М. З. Сабуров. Однако новых программных документов разработано не было. В 1953 г. в связи с реорганизацией Госплана был расформирован отдел перспективных планов и работы по Генеральному плану полностью прекращены [11]. Таким образом, ключевым документом, составленным в рамках разработки Генерального хозяйственного плана, является именно Проект постановления о предварительном Генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг.

Проект Плана [21] представляет собой два тома, текст в которых набран на печатной машинке с отсутствием помет и исправлений. Первый том состоит из 379 листов и разбит на пять частей. Первая часть «Итоги социалистического строительства и основные задачи», по сути, – это преамбула документа. Вторая часть «План преобразований для перехода от социалистического общества к коммунистическому» состоит из девяти разделов. Третья часть «План развития и дальнейшего технического вооружения народного хозяйства» также состоит из девяти разделов. Четвертая часть «План развития экономических районов и союзных республик» состоит из семнадцати разделов. В заключительной части «За победу коммунизма в СССР» содержится описание внешнеполитических условий выполнения заданий Плана, и она состоит из пяти разделов. Второй том – это приложение к проекту Плана, в котором указаны числовые показатели выполнения Плана, структурно он повторяет первый том. Во втором томе содержится 311 листов.

В самом начале Плана была обозначена его цель – «построение в СССР полного коммунистического общества» [15]. В рамках поставленной цели были сформулированы 3 задачи, реше-

ние которых позволило бы её достичь: «...[первая] превзойти уровень производства на душу населения в главных капиталистических странах, в том числе Соединенных Штатах Америки... [вторая] осуществить программу перехода в СССР от общества социалистического к обществу коммунистическому... [третья] укрепить технико-экономическую независимость СССР, обеспечить дальнейшее повышение его обороноспособности, полностью гарантировав советскую страну от всяких случайностей, связанных с наличием капиталистического окружения» [15]. Эти задачи полностью совпадали с речью И. В. Сталина от 9 февраля 1946 г.

Для полноценного контроля над выполнением Плана был определен 91 показатель. Показатели носили натуральный, а не относительный характер и отражали положение в основных сферах советского хозяйства. Количество общих показателей развития экономики – 27; промышленности – 12; сельского хозяйства – 14; строительства – 12; заработной платы и интенсификации труда – 19; просвещения – 3; здравоохранения – 4 [16]. В Плане все показатели должны были расти поступательно из года в год, из пятилетки в пятилетку. Двадцатилетний период выполнения Плана Госплан СССР разделил на четыре пятилетки, которые являлись своеобразными индикаторами выполнения задания.

Главным показателем в Плане оставался объем валового выпуска продукции. Вся экономика СССР с 1951 по 1970 г. должна была увеличить этот показатель в 3,5 раза, с 239 до 826 миллиардов рублей в ценах 1926/27 г. [17] Это должно было создать «изобилие продуктов, которое необходимо для перехода к коммунизму» [15].

Валовый объем продукции промышленности группы «А» должен был быть в два раза больше объема продукции промышленности группы «Б». К 1970 г. объем выпускаемой продукции тяжелой промышленности должен был составить 555 миллиардов рублей, при этом объем вложенных в отрасль средств должен был составить 491 миллиард рублей [16]. Другими словами, стоимость произведенной продукции всего лишь на 13 процентов превышала вложения. Объем же капитальных вложений в промышленность группы «Б» должен был быть в десять раз меньше, чем капитальные вложения в промышленность группы «А», – 55 миллиардов рублей. При этом стоимость произведенной продукции должна была превышать вложения в пять раз – 245 миллиардов рублей! [16] Эти данные свидетельствуют о том, что при планировании развития народного хозяйства СССР на период 1951–1970 гг. сохранялся приоритет развития тяжелой промышленности над легкой, а её финансирование шло по остаточному принципу.

В отношении сельского хозяйства наблюдалась та же ситуация, но при этом проводились меры, направленные на постепенное выравнивание двух отраслей сельского хозяйства: земледелия и животноводства. Если в 1951 г. стоимость продукции земледелия должна была составить 21,1 миллиард рублей, то в 1970 г. – уже 46 миллиардов. В животноводстве аналогичные показатели составляли 8 миллиардов и 32,5 миллиарда рублей соответственно. Таким образом, разрыв между производством земледелия и животноводства должен был сократиться за двадцать лет с 2,5 до 1,5 раз [16].

Важно подчеркнуть, что основным источником и способом выполнения Плана выступала ликвидация ручного труда. Предполагалось к 1960 г., за две пятилетки, «полностью завершить механизацию труда во всех отраслях хозяйства, ликвидировать ручной (немеханизированный) труд» [16]. Промышленность должна была быть максимально оборудована механическими приспособлениями, облегчающими труд рабочих, такими как электропилы, фрезерные станки, автотранспорт и т. д. Также в сельском хозяйстве, по представлениям Госплана, предполагалось к 1960 г. механизировать практически все виды работ за счёт сокращения использования живой рабочей силы. К концу двадцатилетия построения коммунизма экономия рабочей силы в результате завершения механизации должна была составить в промышленности 3,3 миллиона человек; в строительстве – 650 тысяч человек; сельском хозяйстве – 17 миллионов человек [16; 22]. При сокращении рабочей силы в народном хозяйстве производительность труда оставшихся работников должна была увеличиться к 1970 г. в три раза [16]. Также предполагалось, что в выполнении плана должна была быть усилена кооперация с союзными государствами восточной Европы. Из стран народной демократии должны были импортироваться каменный уголь, строительные материалы, электромоторы и сахар [16].

Помимо указанных источников общий объем централизованных государственных капитальных вложений за двадцать лет исполнения должен был составить два с половиной триллиона рублей в сметных ценах 1945 г. [16, л. 27] Львиная доля вложений приходилась на промышленность группы «А» – 68%, промышленность группы «Б» – 6,1%, транспорт и связь – 15,4%, сельское хозяйство – 4,1%, культурно-бытовое и административное строительство – 6,4% [23]. Помимо прямых вложений предполагалось ограниченное использование кредита «в оборотных средствах хозяйственных организаций и прежде всего предприятий тяжелой промышленности»

[15], т. е. приоритет в использовании финансовых возможностей вновь отдавался промышленно-сти группы «А». При этом основной упор делался на прирост капитальных вложений в народное хозяйство. За первую пятилетку Плана, в сравнении с послевоенной, прирост должен был составить 28%, в следующую пятилетку – 44%. В последующие пятилетки прирост капитальных вложений должен был постепенно сокращаться в 1961–1965 гг. – 33% и 1966–1970 гг. – 23% [15]. Из приведенных данных видно, что пятилетка 1955–1960 гг. должна была стать решающей в выполнении Плана.

С помощью этих достижений предполагалось добиться ряда крупных социокультурных изменений советского общества. Прежде всего, необходимо было добиться ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. В Плане это должно было стать способом осуществления народно-хозяйственных задач и гарантией развития экономики в долгосрочной перспективе, так как в первую очередь ставилась задача «поднять культурный уровень рабочих и крестьян до уровня работников инженерного труда» [15]. Для этого Планом предлагался ряд конкретных мер: «...а) осуществить до 1965 года обязательное всеобщее среднее образование молодежи; б) увеличить сеть средних школ... г) обеспечить всех трудящихся... [получением] к 1970 году образования в объеме семилетней школы» [15]. Также предполагалось создание сети «сельскохозяйственных школ по полеводству, животноводству, электрификации... для подготовки сельскохозяйственных кадров». [15] Решение проблемы различия в характере умственного и физического труда виделось в значительном повышении уровня профессионального образования молодежи.

Наравне с этим советское руководство ставило своей задачей ликвидацию противоположности между городом и деревней, которая подразумевалась как «дотягивание» деревни до бытового уровня города за счет постепенного выполнения домашней работы специализированными предприятиями – столовыми и прачечными. Главной задачей в этой отрасли Госпланом СССР обозначалась как «перевод всего сельского хозяйства на высшую техническую базу, в мощные предприятия индустриального типа, охватывающие все стороны сельскохозяйственного производства» [15], особая роль в этом отводилась машинно-тракторным станциям (МТС).

Все указанные преобразования должны были привести к следующей структуре занятости. В промышленность должно было быть сконцентрировано 36% рабочей силы, в строительстве – 5%, в транспорте и связи – 14%, в сельском хозяйстве – 8%, в торговле, заготовках и снабжении – 9%, в государственной службе и общественных организациях – 5%, в общественном питании – 3%, в жилищном хозяйстве – 3%, в просвещении – 10%, в здравоохранении – 7% [16]. Такая структура занятости населения должна была остаться практически неизменной за весь период исполнения Плана.

В жилищном строительстве Госплан СССР сделал упор на обеспечении каждой семьи в стране благоустроенным жильем [15]. Для этого необходимо было построить 13,5 миллиона квартир, что должно было составить 490 миллионов квадратных метров жилья. Для выполнения данной задачи предполагалась выдача населению кредитов для строительства 3 миллионов частных домов в городах и рабочих поселках. На жителей села эта мера не должна была распространяться. В столице СССР г. Москве предполагалось возведение Дворца Советов, комплекса административных зданий, гостиниц и жилых многоэтажных зданий в центре города на Котельнической набережной и площади Восстания.

Согласно Плану предполагалось, что среднемесячная заработная плата работников в СССР должна была за двадцать лет увеличиться с 650 до 885 рублей, т. е. на 36%, а фонд заработной платы в свою очередь должен был увеличиться с 347 до 610 миллиардов рублей, т. е. на 84% [16]. Несмотря на это, в Плане прослеживается тенденция постепенной ликвидации в разрыве доходов различных групп населения. Однако темпы сближения зарплат были недостаточными, что в свою очередь сохраняло иерархическую систему оплаты труда. При этом сохранялась дифференциация доходов граждан СССР, что хорошо видно из данных о зарплате по различным отраслям народного хозяйства. Наиболее благоприятное положение должны были занимать квалифицированные инженеры, труд которых был самым привилегированным, так как их заработная плата в 1,5–2 раза превосходила среднюю в СССР [16]. Также благоприятное положение должно было складываться в промышленности, где зарплата рабочих стабильно превышала среднюю на 10%, равно как и в сфере образования. А самая плачевная ситуация наблюдалась в сельском хозяйстве, где даже к моменту предполагаемого построения коммунизма заработная плата должна была остаться на самом низком уровне в экономике и составлять немногим более двух третей от средней зарплаты – 610 против 885 рублей [16].

Материальное положение населения должно было быть улучшено с помощью различных финансовых инструментов. Прежде всего, повышения покупательной способности рубля. К

1970 г. покупательная способность рубля должна была увеличиться «не менее чем в 3 раза путем снижения розничных цен в 3,5 раза» [15]. Кроме того, предполагалось сокращение доходов колхозников от продажи продуктов с их приусадебных участков на рынке и уменьшение налогов вплоть до их полной отмены, таким образом должно было произойти сближение социальных категорий колхозников и промышленных рабочих, но определенная разница между ними на этом этапе строительства коммунизма все же должна была сохраняться.

Перед советской торговлей ставилась задача увеличения рыночных фондов по основным группам продовольственных товаров в 5–10 раз по сравнению с уровнем 1940 г. и увеличение объема продаж промышленных товаров в 7 раз. В итоге объем розничного товарооборота должен был составить 700 миллиардов рублей. Предполагалось постепенно снижать розничные цены на продукты за счет снижения себестоимости продукции и перевозок, установив «снижение оптовых цен в 1970 г. по сравнению с 1950 г. на 45%» [15]. В Плате подчеркивалось «соблюдение установленных планом соотношений в росте производительности труда и денежной заработной платы». Именно данное соотношение разработчики Плана считали основой повышения благосостояния трудящихся и их покупательной способности. Выполнение этих показателей должно было обеспечить к концу двадцатилетнего периода товарное изобилие.

Одним из главных элементов экономики коммунизма в Плате представлялся безличностный расчет государства с гражданами и предприятиями. Что впоследствии должно было привести к отмиранию денег.

Главной задачей в области обеспечения населения провозглашалось установление принципа распределения продуктов по потребности взамен существовавшего распределения по труду, т. е. замена социалистического принципа распределения на коммунистический. Предлагалось «обеспечить более быстрый рост потребления особо ценных продуктов питания, одежды, обуви, предметов культурного и бытового обслуживания» [15]. По сравнению с 1940 г. потребление должно было увеличиться в 15 раз. Особое внимание в Плате уделялось созданию обширной сети питания, особенно на селе, увеличению ассигнований на социально-культурные мероприятия. По сравнению с 1940 г. ассигнования должны были увеличиться в 1970 г. в 7 раз. При благоприятных условиях выполнения Плана предполагалось сократить рабочий день до семи часов, как это было перед Великой Отечественной войной.

В Плате большое внимание уделялось советской школе. Она должна была на себя взять роль воспитания граждан СССР в духе преданности идеалам коммунизма. Поэтому кроме образовательной на нее возлагались еще и идеологическая функция. Для этого ей предписывалось: «В целях воспитания у всех граждан СССР советского патриотизма... последовательно внедрять в сознание... идеологию дружбы народов» [15]. В союзных республиках провозглашалось ускорение роста количества кадров специалистов коренных национальностей, но «воспитанных в духе беззаветной преданности советской родине, интернационализма и чуждых буржуазному национализму... Обеспечить трудящимся всех национальностей возможность освоить великие культурные достижения русского народа» [15]. Таким образом, воспитание граждан должно было происходить на основе русской культуры.

Идеалом общества при коммунизме провозглашалось всеобщее равенство. Прежде всего, ставилась задача ликвидации классовых различий. Помимо этого ставились и другие, не менее амбициозные задачи, такие как стирание различий между умственным и физическим трудом, а также между городом и деревней. Эти задачи должны были решаться за счет «превращения всех рабочих и всех крестьян... в активных и сознательных строителей коммунистического общества» [15].

Проект территориального развития СССР предполагал осуществить в рамках всей страны разделение на 13 экономических районов. При этом планирование было двойным – показатели рассчитывали как для районов, так и для союзных республик, входивших в их состав.

Производство промышленной продукции в миллиардах рублей
по экономическим районам СССР за время выполнения
Генерального хозяйственного Плана в ценах 1948–1949 гг. [24]

Районы	1951 г.	1970 г.	Прирост, в %
Средняя Азия и Казахстан (Казахская, Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР)	555	1863	336
Районы Закавказья (Грузинская, Армянская и Азербайджанская ССР)	828	1930	233
Районы Юга (Украинская и Молдавская ССР)	655	2521	385
Районы Запада (Белорусская, Латвийская, Литовская и Эстонская ССР)	770	1450	188
В целом по РСФСР [25]	12140	33208	274
Европейский север	710	2703	381
Северо-запад	3800	6900	182
Районы Центра	1464	3481	237
Поволжье	1224	3852	315
Северный Кавказ и Крым	698	3786	542
Районы Урала	1800	4700	261
Районы Западной Сибири	1050	4150	395
Районы Восточной Сибири (нет данных)	–	–	–
Районы Дальнего Востока	1394	3636	261
СССР (в целом)	27088	74180	274

Производство промышленной продукции на душу населения по всему СССР должно было увеличиться в денежном выражении в 2,74 раза. Ровно во столько же раз должен был увеличиться этот показатель по РСФСР, что свидетельствует о том, что РСФСР рассматривалась как ведущая республика при планировании общесоюзных показателей развития экономики. Экономический баланс между союзными республиками за 20 лет, с 1951 по 1970 г., должен был остаться неизменным – доминирующее положение сохранялось за РСФСР. Её доля в объеме производства должна была остаться на уровне 81%, доля остальных республик изменялась незначительно. Однако в абсолютном выражении наибольшее увеличение производства продукции должно было прийти к развитию в сельскохозяйственном отношении республики юга СССР.

Внутри самой РСФСР предусматривалось перераспределение баланса между экономическими регионами с увеличением промышленного потенциала территорий, которые до войны были менее всего индустриально развиты. Значительное развитие должен был получить регион с самым маленьким промышленным потенциалом – Северный Кавказ и Крым. Особый интерес представляет тот факт, что в сравнении с республиками Закавказья, к которым исторически тяготел Северный Кавказ, объем промышленного производства к 1970 г. в этом регионе должен был быть в два раза больше продукции, выпускаемой в Закавказье. В остальных случаях разрыв между экономическими районами РСФСР и другими союзными республиками не должен был принципиально измениться.

Согласно Плану к 1970 г. значительнее всего должна была сократиться доля в объеме выпускаемой продукции северо-западного (г. Ленинград) и центрального (г. Москва) районов – старых центров производства. При этом северо-западный район должен был остаться на первом месте по выпуску продукции.

В Плане помимо прочего характеризуется международная обстановка построения коммунистического общества в СССР. Констатируется, что по итогам Второй мировой войны произошла новая расстановка политических сил на мировой арене. Образовалось два лагеря: империалистический, во главе с США, и антиимпериалистический, во главе с Советским Союзом. В документе отмечается, что следствием войны для капиталистических стран стало обострение противоречий между ними, и предполагалось «наступление нового экономического кризиса в США и других капиталистических странах» [15, л. 362–363]. Поэтому «американский государственно-монополистический капитализм ведет борьбу за новый передел мира» [15, л. 364].

Поэтому, исходя из описанной международной обстановки, в документе предполагалось осуществлять строительство коммунизма, опираясь не только на широкие народные массы, но и на «Советскую Армию... поддержку дружественных стран [т. е. стран «народной демократии», после Второй мировой войны вошедших в сферу влияния Советского Союза]... благоразумие среди

тех кругов капиталистического мира, которые не заинтересованы в агрессивных планах и которые хотят развивать нормальные экономические отношения» [15]. Иными словами, в Плане предлагалось использовать все имеющиеся у государства методы для ведения внешней политики. Особо подчеркивалось, что международное «сотрудничество вполне возможно и при различных экономических системах, избранных и одобренных народами отдельных государств» [15]. В тексте этот фрагмент приведен как цитата из речи И. В. Сталина.

В тяжелых послевоенных условиях руководство СССР ставило перед собой грандиозную задачу построения коммунистического общества. По сути, это было возвращение к цели, поставленной еще до войны. Разработка Плана полностью исходила из теоретических представлений, изложенных И. В. Сталиным в речи перед избирателями 9 февраля 1946 г., и находилась в русле советской плановой традиции.

Разработанный таким образом Госпланом СССР План содержал в себе ряд очень смелых предложений, таких как создание автономных экономических районов на всей территории страны, резкое увеличение жилого строительства и т. д. При этом в нем имелись существенные изъяны. Прежде всего, в документе не раскрыт вопрос об денежных источниках стремительного экономического роста и воплощении столь масштабного проекта. К тому же в Плане не предусмотрены экономические потери, амортизация оборудования и т. д. Построение коммунизма рассматривалось через призму приоритетного развития тяжелой промышленности, которая была нацелена на «дальнейшее повышение обороноспособности СССР и оснащение вооруженных сил... новейшей военной техникой» [15]. Это обстоятельство, несмотря на широко провозглашаемые в Плане меры переустройства жизни рядовых граждан, заставляет задуматься о соотношении открытых и скрытых целей. К тому же из приведённого материала видно, что принципы народнохозяйственного планирования не изменились – был только увеличен срок выполнения Плана с пяти до двадцати лет. Основные показатели, пропорции, методики расчётов и источники выполнения Плана за небольшими исключениями остались таким же, как и в 1930-е гг. Вряд ли стоило ожидать другого подхода к работе. Госплан работал в русле традиции, сформировавшейся в годы первых пятилеток. Тогда для выполнения пятилетних планов «определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката и т. д.) и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения основных задач» [18].

Непосредственно же разработка Плана полностью связана с именами председателя Госплана Н. А. Вознесенского и его заместителя Г. М. Сорокина. После «Ленинградского дела» и смерти Н. А. Вознесенского работа над Планом была остановлена. Однако во время правления Н. С. Хрущева Г. М. Сорокин вновь стал заместителем председателя Госплана СССР в 1955–1957 гг. и неоднократно привлекался к планированию народного хозяйства и разработке проектов различных реформ [19]. Ряд текстуальных совпадений в проекте постановления о предварительном проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг. и программой КПСС, принятой на XXII съезде в 1962 г., позволяют говорить о том, что ряд положений Плана лег в основу программы.

Примечания

1. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. Молотова // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1939. 742 с.
2. Правда. 1941. 22 февр. С. 1.
3. Колотов В. В., Петровичев Г. А. Н. А. Вознесенский : биографический очерк. М. : Изд-во полит. лит., 1963. 48 с.
4. Колотов В. В. Николай Алексеевич Вознесенский. М. : Изд-во полит. лит., 1974. 351 с.
5. Роговин В. З. Мировая революция и мировая война. М. : «Москва», 1998. 416 с.
6. Хлевнюк О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 81.
7. Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2012. 48 с.
8. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 16.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 13, 26.
10. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки заседаний 1919–1952 гг. : каталог Т. III. 1940–1952. М. : РОССПЭН, 2001. 1016 с.
11. См.: Описание фонда Госплана в описях за 1946–1949 гг. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46–49.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 161. Л. 39.
13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1390. Л. 1, 127–129.

14. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 2002. 656 с.
15. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 17–18, 27, 29, 34, 92, 95, 97–99, 100–102, 213–215, 364–365, 368.
16. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1389. Л. 25–33, 66, 68, 71, 72, 77, 79, 80–82, 86–88, 213, 309–311. 17. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 1–4.
18. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М. : РОССПЭН, 2008. 400 с.
19. Сорокин Геннадий Михайлович // Персональный состав Российской академии наук на сайте архива Российской академии наук. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=9D1D8769-E01E-8E7A-7E63-1FE35B2E52E1> (дата обращения 29.09.2016).
20. В названии документа не указано, проектом постановления какого органа он является. Однако по аналогии с предыдущим вариантом документа можно заключить, что предполагалось подготовить совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР.
21. Далее для удобства будет использоваться слово «План» вместо «Проект постановления о предварительном Генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг.»
22. В Плане показатели для промышленности посчитаны по отраслям лесозаготовок, торфодобычи, горнорудной и угольной промышленности.
23. Там же. Вероятно, что статья культурно-бытовое и административное строительство включала в себя также и расходы на образование и науку.
24. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1387. Л. 246–254.
25. Для наглядности нами рассчитаны данные по РСФСР.

Notes

1. The third five-year development plan of national economy of the USSR (1938-1942 years). Resolution of the XVIII Congress of the CPSU(b) on the report of comrade Molotov (in Russ.) // XVIII Congress of the all-Union Communist party (b): the verbatim report. M. State Publ. of polit. lit. 1939. 742 p.
2. *Pravda* – Truth. 1941. 22 Feb. P. 1.
3. *Kolotov V. V., Petrovichev G. A. N. A. Voznesenskij: biograficheskiy ocherk* [Andrei Voznesensky: a biographical sketch.] M. Publ. of polit. lit. 1963. 48 p.
4. *Kolotov V. V. Nikolaj Alekseevich Voznesenskij* [Nikolay Alekseevich Voznesensky]. M. Publ. of polit. lit. 1974. 351 p.
5. *Rogovin V. Z. Mirovaya revolyuciya i mirovaya vojna* [World revolution and world war]. M. "Moscow". 1998. 416 p.
6. *Hlevnyuk O. V. Sovetskaya ehkonomicheskaya politika na rubezhe 1940–1950#h gg. i «delo Gosplana»* [Soviet economic policy at the turn of 1940-1950's. and "the case of the state planning commission"] // *Otechestvennaya istoriya* – National history. 2001, No. 3, p. 81.
7. *Vakser A. Z. «Leningradskoe delo». Itogi izucheniya i novye aspekty* ["Leningrad affair". The results of the study and new aspects]. SPb. Publishing house "Evropeiskiy dom". 2012. 48 p.
8. *Rech' na predvybornom sobranii izbiratelej Stalinskogo izbiratel'nogo okruga goroda Moskvy 9 fevralya 1946 goda* – Speech at an election meeting of voters of the Stalin electoral area of Moscow, February 9, 1946 // *Stalin I. V. Sochineniya* [Works]. Vol. 16. M. 1997. P. 16.
9. Russian State Archive of Social Political History (RGASPI). F. 17. Inv. 3. File 1066. Sh. 13, 26.
10. *Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b). Povestki zasedanij 1919–1952 gg. : katalog T. III. 1940–1952* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b). The agenda of the meetings, 1919-1952.: catalog III. 1940-1952. M. ROSSPEN. 2001. 1016 p.
11. See: *Opisanie fonda Gosplana v opisyah za 1946–1949 gg.* – Description of the Fund the state planning Commission in inventories for the years 1946-1949 Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 4372. Inv. 46-49.
12. RGAE. F. 4372. Inv. 49. File 161. Sh. 39.
13. RGAE. F. 4372. Inv. 96. File 1390. Sh. 1, 127-129.
14. Politburo of the CPSU(b) and USSR Council of Ministers. 1945-1953. M. ROSSPEN. 2002. 656 p.
15. RGAE. F. 4372. Inv. 96. File 1387. Sh. 17-18, 27, 29, 34, 92, 95, 97-99, 100-102, 213-215, 364-365, 368.
16. RGAE. F. 4372. Inv. 96. File 1389. Sh. 25-33, 66, 68, 71, 72, 77, 79, 80-82, 86-88, 213, 309-311. 17. RGAE. F. 4372. Inv. 96. File 1388. Sh. 1-4.
18. *Gregori P. Politicheskaya ehkonomiya stalinizma* [Political economy of Stalinism]. M. ROSSPEN. 2008. 400 p
19. Sorokin Gennadi Mikhailovich // *Personal'nyj sostav Rossijskoj akademii nauk na sajte arhiva Rossijskoj akademii nauk* – Personal member of the Russian Academy of Sciences on the website of the archive of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=9D1D8769-E01E-8E7A-7E63-1FE35B2E52E1> (accessed 29.09.2016).
20. It is not specified in the title of the document, to which the draft of resolution it refers. However, by analogy with the previous variant of the document it is possible to conclude that it was planned to prepare a joint resolution of the Central Committee of the CPSU(b) and USSR Council of Ministers.
21. Further, for convenience we will use the word "Plan" instead of "Draft decree on the provisional General economic plan of the USSR in 1951-1970."
22. In the Plan indicators for the industry are calculated on the industries of logging, peat extraction, mining and coal industry.
23. Ibid. It is likely that the article «cultural residential and administrative construction» included also expenditures on education and science.
24. Calculated from: RGAE. F. 4372. Inv. 96. File 1387. Sh. 246-254.
25. For clarity, we have calculated the data for the Russian Federation.

Философские мотивы в поэзии Е. И. Кострова*

В статье рассматриваются философские и духовные стихотворения Е. И. Кострова «Путь жизни», «Безделка», «Переложение псалма 18», произведения, адресованные преосвященному Платону. Исследуются особенности отображения в поэтических текстах мотивов быстротечности времени, жизни и смерти, величия Божественного бытия, обновления души человека в вере, духовного рабства и свободы, противостояния света и тьмы, роли ничтожного случая в жизни человека. Анализ показывает, что, прославляя мудрость Божественного мироустройства, Костров в то же время выявляет неразрешимые противоречия земной человеческой жизни. Отмечается факт отсутствия в его творчестве характерного для многих поэтов последней трети XVIII в. мотива осмысления собственных поэтических заслуг и бессмертия, что может свидетельствовать о трагедийности восприятия Костровым собственного существования в мире.

The article studies the philosophical and spiritual poems of E. I. Kostrov «Way of Life», «The Trifle», «Arrangement of Psalm 18», lyrics addressed to Metropolitan Platon. It examines the features of image of transience of time, life and death, God's greatness, renovation of the human soul in the faith, spiritual slavery and freedom, the struggle of light and darkness, the role of an insignificant case in human life. Analysis shows that Kostrov glorifies the divine world order and reveals the insoluble contradictions of human life as well. In his art there is no motive of understanding of his own poetic merit and immortality while this theme was presented in the works of many poets of the end of the 18th century. This demonstrates the tragedy of Kostrov's perception of own existence in the world.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., Е. И. Костров, философская поэзия, духовная поэзия, авторское мировосприятие.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, E. I. Kostrov, philosophical poetry, spiritual poetry, worldview of the author.

Творчество Е. И. Кострова нечасто привлекает внимание современных исследователей, что вовсе не умаляет значимость роли этого поэта в русской культуре и литературе последней трети XVIII в. Обобщая опыт ученых, обращавшихся к исследованию творчества Е. И. Кострова [1], можно утверждать, что как минимум в трех направлениях он оказался первооткрывателем: это распространение оссианических мотивов в русской культуре, определивших развитие предромантизма, новаторство в области художественного перевода и создание особого облика поэта, не вписывающегося в тот тип писателя, который был характерен для русской литературы последней трети XVIII в.

Выделенный нами аспект исследования творчества Е. И. Кострова – философские мотивы в его поэзии – всецело еще не анализировался учеными-литературоведами. Хотелось бы отметить только одну из работ А. В. Петрова «Новогодняя поэзия в России (от Третьяковского до Бенедиктова)» (Магнитогорск, 2009), в которой рассматриваются произведения поэтов XVIII столетия, посвященные Новому году. Немало новогодних стихотворений мы встречаем и у Е. И. Кострова, и одним из ведущих мотивов этих поэтических текстов становится мотив времени. О том, как представлено время у Кострова, размышляет в своей монографии А. В. Петров. Выделим те моменты, которые имеют отношение к философскому осмыслению действительности Костровым.

В «Стихах Ивану Ивановичу Шувалову на Новый год» выделены такие характеристики времени, как «краткость, стремительность и конечность, воплощенные в наглядном образе летящей стрелы» [2]. Поэтом отмечена и «относительность» времени. Год с точки зрения многовековой истории лишь миг, но для отдельного человека год – это целый период в его жизни, когда он может совершить деяния, достойные памяти потомков, и обессмертить себя.

Возникает философское осмысление времени и в «Гимне на новый 1786 год», который по праву может считаться первым в русской поэзии Гимном Времени. Время предстает здесь как речной поток, текущий в море (или океан) вечности. Последний образ одновременно является и источником новых речных потоков, то есть перемен. Здесь обнаруживается космологический характер осмысления времени. Как отмечает А. В. Петров, время предстало у Кострова «как божий посланник, ведающий судьбой всего “пременного” тварного мира» [3], поэтому не случайно и жанровое определение произведения – гимн.

Обращаясь к теме осмысления времени, Е. И. Костров, как можно убедиться, проявил интерес к философской проблематике. Но свои мысли поэт выразил не только в новогодних стихах. В русле обозначенной традиции и осмысление времени в стихотворении Е. И. Кострова «Путь жизни».

Земной путь человека представляется в этом стихотворении как рутинное повторение одних и тех же событий в жизни каждого, родившегося в этом мире. На этом пути странника ожидает четыре «события», придающие жизни хоть какой-то внешний смысл («Сей жизни наша довольно долг путь; / На нем четырежды нам должно отдохнуть» [4]): это «завтрак», «обед», «ужин» и «сон». Каждое из них символически отражает один из этапов жизни: завтрак – период детства и отрочества, когда человек овладевает опытом «предрассуждений», накопленным человечеством; обед – любовь, приходящая «в полдневный час», то есть в период юношества, но любовь преходяща, как и само время, и «средства нет... расстаться с ней без ссоры» [5]. Далее представлен период, предшествующий «ужину» – его можно обозначить как период зрелости, когда человек находится в вечном поиске истины, вступает в борьбу, отстаивая свои идеалы, но не находит на этом пути отдохновения, поэтому этот период жизни – бессмысленно растратенное время, о нем можно лишь с горечью сожалеть:

Жалея праведно о глупых сих столпах
И о потерянных для распри той часах,
Он покидает их и вдаль в свой путь стремится,
И в доме дружества он ужинать садится [6].

Ужин – период мудрости, успокоения, символически рисующий годы умудренной старости. Но он слишком краток, чтобы путник успел насладиться желанным покоем в этой жизни, и очень скоро приходит время сна: «Друзья! то смертный гроб – конец его мученья» [7].

Так завершается стихотворение Е. И. Кострова «Путь жизни», вряд ли способное внушить читателю оптимизм.

Как выпускник духовной семинарии, Костров обращался к религиозной тематике. Обратимся более подробно к анализу Переложения псалма 18, где поэт вслед за библейским певцом Давидом размышляет о Божьем мироздании.

Переложение псалма 18-го, выполненное Костровым, было опубликовано в 1796 г. в альманахе Н. М. Карамзина «Аониды». В том же году к созданию стихотворения по мотивам этого же псалма обратился Г. Р. Державин («Доказательство творческого бытия»).

Жанр переложения псалмов был популярен в классицистической литературе, к нему обращались практически все поэты XVIII в. Этот жанр имеет двойственную природу, основанную на ориентации на библейский текст, но в то же время это жанр светской лирики, сложившийся в культуре в период ее секуляризации [8]. В переложении псалма поэт может следовать тексту оригинала, но чаще переложение песен Давида становится средством выражения собственных чувств и сомнений. Уже Ломоносов обращался к этому жанру исходя из желания «как-то выразить свои чувства и мысли по поводу жизненных обстоятельств» [9], передать свое настроение в адекватной художественной форме. В переложениях псалмов могут отражаться и культурно-исторические явления, и автобиографические факты, и философские взгляды поэта. Немаловажным оказывается и выбор псалма для переложения, как правило, обусловленный всеми вышеперечисленными факторами.

Примечателен факт обращения к одному и тому же псалму 18-му в один и тот же год сразу двух поэтов. Этот псалом представляет собой гимн прекрасному миру, сотворенному Господом, гимн Божьему величию. Однако и у Державина, и у Кострова в их переложениях ведущая идея псалма осложняется мыслью о доказательстве Божественного бытия. У Державина эта мысль вынесена в заглавие, у Кострова – звучит в тексте:

И нет словес, и нет языка,
Где б гласы их, что есть Владыка,
Не возвышались во слышание всем [10].

Подобная тема в оригинале отсутствует. Актуализация данной темы у поэтов последней трети XVIII в. обусловлена культурно-исторической ситуацией того времени, когда в моду вошли материалистические и атеистические идеи, привнесенные в русскую действительность европейскими писателями и философами. Е. И. Костров, усвоивший с ранней юности основы религиозного учения, счел нужным противопоставить этим модным взглядам духовную истину о благе и величии Творца.

Появляются в переложении Кострова и другие мотивы, отсутствующие в тексте-источнике. У поэта XVIII в. усилен мотив веселья и радости при виде славы Божьей, являющейся в природном мире: в славянском варианте Библейского текста один раз звучит слово «радуется», один раз – слово «веселят»; у Кострова – «весельем полна грудь», «ликует», «веселый блеск», «Веления Господни сладость, / Они желанна мыслям радость» [11].

Появляется у Кострова и мотив обновления души в вере, которого нет в оригинале: «В законе Господа пороку быть не можно; / Он новую душе собою жизнь дарит. / Вещание Творца и верно и неложно; / Оно и отроков премудрыми творит» [12] (Ср.: «Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых» [Пс. 18: 8]). С чем связано включение этого мотива обновления души в текст псалма? Почему мотив радости занимает такое важное место в тексте Кострова? Это вопросы, на которые можно и нужно искать ответ. Возможно, как и многие современники, Костров пережил период сомнений в Божественном бытии, период «безбожия», который стал причиной тревог и трагического смятения. Преодоление сомнений, возвращение к Богу приводит к обновлению души и радостным переживаниям, отразившимся в переложении псалма. Подтверждением данной трактовки может служить и появление мотива о рабстве души, погрязшей в грехах, и свободы человека, утвержденного в вере и умеющего владеть собой и не поддаваться порокам:

Да раб не буду им, но да собой владею,
Ты помощью меня, о Боже! утверди:
Тогда невинен и свободен,
Во всем тебе благоугоден,
Обрящу истинно достоинство души [13].

Появляется здесь еще и эпитет «невинен», в котором актуализируются одновременно два смысла: «не виновен» перед судом Господним, и «невинен» как дитя, то есть непорочен, чист. И хотя эпитеты «непорочен» и «чист» звучат в оригинале, к такому концепту, как «детскость, невинность души», они могут быть отнесены лишь опосредованно. С другой стороны, введенные Костровым в текст псалма мотивы усиленно разрабатывались в святоотеческой традиции, которой, возможно, следовал поэт XVIII столетия.

Кроме переложения псалма Е. И. Костров обращается к мотивам прославления Бога и его земных служителей в произведениях, посвященных преосв. Платону Митрополиту Московскому и Калужскому (оде, мадригале и стансе) и Стихах на освящение храма в Московском университете, поднесенных ему же, преосв. Платону Митрополиту. Главным мотивом этих творений становится мотив борьбы света и тьмы, где свет символизирует победу мудрости и веры над тьмой пороков и невежества. В «Оде Пресвященнейшему Платону, Митрополиту Московскому и Калужскому в День Тезоименитства» звучат следующие строки:

Пред ним строптивых полк трясется,
Пред светом исчезает мрак,
И дух и сердце их мятется,
Толь лучезарный видя зрак [14].

Не менее ярко мотив противостояния Божественного света мудрости и дьявольской тьмы невежества звучит в простых и афористичных строках станса, адресованного митрополиту:

Там мрак, где мудрых нет, имея жизнь толь кратку,
Причесть должны порок мы мудрых недостатку.
Блится влася седой, то знак довольных лет,
Однако это мрак, коль мудрости в них нет.

<...>

Там мрак, где мудрых нет; нам вопиет природа:
Но ты, желанный Муж, утеха смертных рода!
Ты немерцающий несешь науки свет,
И потому у нас несчастий мрачных нет [15].

Значимым для выявления мировосприятия Кострова представляется стихотворение «Безделка». Казалось бы, название его отсылает к популярным в начале 1790-х гг. «легким» поэтическим стихотворениям, обращаясь к частной, камерной, тематике и проблематике. В этом русле – сборник Н. М. Карамзина «Мои безделки» (1794) и подхвативший карамзинскую линию сборник И. И. Дмитриева «И мои безделки» (1795). Но понятие «безделка» у Кострова имеет несколько иное значение, чем у сентименталистов. «Безделка» – случайность, сузящая безделица, которая в то же время влияет на жизнь людей:

Безделка нас влечет к боярам,
Безделка часто умным тварям
Источником бывает слез.
Безделка рушит тверды грады,
И за безделку без пощады
Боярин слуг своих бранит.

<...>

Философ, богослов, пиита
И вся ученых пышна свита
В безделке часто спор ведут.
И Гиппократовы приставы
В безделке же у нас неправы,
Когда от них больные мрут [16].

«Безделке» подвержен любой, так как «безделка льстит, когда мы льстимся; она страшит, когда страшимся». «Безделка» обретает у Кострова значение фатального случая, рока, несущего беды и несчастья.

Подводя предварительные итоги о своеобразии мироощущения Кострова, можно отметить присутствие в его поэзии некоего подтекста, в котором открывается далеко не радужное мировосприятие поэта. Прославляя мудрость Божественного мироустройства, поэт в то же время выявляет неразрешимые противоречия земной человеческой жизни. Воспевая величие императрицы и полководцев, восхищаясь духовным подвигом митрополита, обращаясь с заслуженными похвалами к меценатам и поэтам своего времени, сам автор оказывается отстраненным от великих свершений века. В отличие от Державина, неоднократно в своей поэзии заявлявшего свои претензии на бессмертие, Костров обходит эту тему стороной. Это позволяет говорить о постоянной неудовлетворенности поэта и трагедийности восприятия им собственного существования в мире. Следование традиции классицистической поэзии, не допускавшей индивидуальную эмоцию и рефлексию в поэтический текст, не позволило поэту излить в полной мере свое мироощущение в собственном творчестве. В то же время место его в поэзии и русской культуре представляется далеко не периферийным, так как Е. И. Костров пролагал новые пути, способствуя расширению возможностей русской поэзии.

Примечания

1. См.: *Гуковский Г. А.* Костров // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV : Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 462–472; *Пашкуров А. Н., Разживин А. И.* История русской литературы XVIII века : в 2 ч. Ч. 1. Елабуга : ЕГПУ, 2010. С. 306; *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М. : Индрик, 2001. С. 96.
2. *Петров А. В.* Новогодняя поэзия в России (от Тредиаковского до Бенедиктова). Магнитогорск : МаГУ, 2009. С. 141.
3. *Петров А. В.* Указ. соч. С. 145.
4. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Императорская тип., 1802. С. 189.
5. *Костров Е. И.* Указ. соч. С. 190.
6. Там же.
7. *Костров Е. И.* Указ. соч. С. 191.
8. См.: *Луцевич Л. Ф.* Русская псалтырная поэзия (Стихотворные переложения псалмов XVIII в.) : дис. ... д-ра филол. наук. Кишинев, 2002. 428 с.
9. *Западов А. В.* Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 98.
10. *Костров Е. И.* Переложение псалма 18 // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. I. М. : В Университетской тип. у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 199.
11. *Костров Е. И.* Переложение псалма 18... С. 200–201.
12. *Костров Е. И.* Переложение псалма 18... С. 200.
13. *Костров Е. И.* Переложение псалма 18... С. 202.

14. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: В 2 ч. Ч. 1. СПб, Императорская типография, 1802. С. 163.
15. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах... С. 164–165.
16. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах... С. 185.

Notes

1. See: *Gukovskij G. A. Kostrov [Kostrov] // Istorija russkoj literatury: v 10 t. - History of Russian literature in 10 volumes / USSR Academy of Sciences. Moscow; Leningrad. Publishing house of the USSR 1941-1956. Vol. IV: Literatura XVIII veka – Literature of the XVIII century. Part 2. 1947. Pp. 462-472; Pashkurov A. N., Razzhivin A. I. Istorija russkoj literatury XVIII veka : v 2 ch. [History of Russian literature of the XVIII century: in 2 parts. Part 1]. Elabuga. ESPU. 2010. P. 306; Egunov A. N. Gomer v russkikh perevodah XVIII–XIX vekov. [Homer in Russian translations of XVIII–XIX centuries]. M. Indrik. 2001. P. 96.*
2. *Petrov A. V. Novogodnyaya poehziya v Rossii (ot Trediakovskogo do Benediktova) [The new year's poetry in Russia (from Trediakovsky to Benediktov)]. Magnitogorsk. MaSU. 2009. P.141.*
3. *Petrov V. A. Op. cit. P. 145.*
4. *Kostrov E. I. Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah g. Kostrova : v 2 ch. [Complete collection of all writings and translations in verse of Kostrov: in 2 p. Part 1]. SPb. Imperial typ. 1802. P. 189.*
5. *Kostrov E. I. Op. cit. P. 190.*
6. *Ibid.*
7. *Kostrov E. I. Op. cit. P. 191.*
8. See: *Lucevich L. F. Russkaya psaltyrnaya poehziya (Stihotvornye perelozheniya psalmov XVIII v.) : dis. ... d#ra filol. nauk [Psalter Russian poetry (Poetic rendering of Psalms, XVIII century) : dis. ... Dr filol. sciences]. Chisinau. 2002. 428 p.*
9. *Zapadov A. V. Poehty XVIII veka (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin) [Poets of the XVIII century (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin)]. M. Publ. of Mos Univ. 1979. P. 98.*
10. *Kostrov E. I. Perelozhenie psalma 18 [Arrangement of Psalm 18] // Aonidy, ili Sobranie raznyh novyh stihotvorenij – Aonide, or a Collection of various new poems. Book I. M. University typ. of Ridiger and Claudy. 1796. P. 199.*
11. *Kostrov E. I. Perelozhenie psalma 18... [Arrangement of Psalm 18...] Pp. 200-201.*
12. *Kostrov E. I. Perelozhenie psalma 18... [Arrangement of Psalm 18...] P. 200.*
13. *Kostrov E. I. Perelozhenie psalma 18... [Arrangement of Psalm 18...] P. 202.*
14. *Kostrov E. I. Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah g. Kostrova: V 2 ch. [Complete collection of all writings and translations in verse of Kostrov: In 2 p. Part 1]. St. Petersburg. Imperial printing office. 1802. P. 163.*
15. *Kostrov E. I. Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah... [Complete collection of all writings and translations in verse...] Pp. 164-165.*
16. *Kostrov E. I. Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah... [Complete collection of all writings and translations in verse...] P. 185.*

УДК 82.09

Д. А. Клековкин

Изображение революционеров в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» и рассказе А. С. Грина «Марат»

В настоящей статье автор исследует раннее реалистическое творчество А. С. Грина и подробно анализирует рассказ «Марат». В статье также предпринята попытка сопоставительного анализа героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и рассказа А. С. Грина «Марат». Автор говорит о влиянии идей Ф. М. Достоевского на раннее творчество А. С. Грина и отмечает сходство в системе образов писателей. Автор приходит к выводу, что Ф. М. Достоевский был идейным предшественником А. С. Грина, а герои романа «Бесы» – литературными прообразами героев-революционеров в реалистических рассказах А. С. Грина. Автор также выявляет общую бинарную оппозицию «светлое/темное» в характерах главных героев романа «Бесы» и ранних рассказов А. С. Грина.

In this article, the author explores the early realistic work of A. Grin and analyses the story «Marat» in details. The article presents a comparative analysis of characters in works by F. Dostoevsky «The Possessed» and A. S. Grin «Marat». The author speaks about the influence of F. M. Dostoevsky ideas on early works of A. Grin, and notes the similarities in the system of images of these writers. The author concludes that Dostoevsky was the ideological forerunner of A. Grin, and the characters of the novel «The Possessed» were the literary prototypes of revolutionary heroes in realistic works by A. Grin. The author also reveals the common binary opposition "light-dark" in the characters of the main characters of the novel «The Possessed» and the early stories by A. S. Grin.

Ключевые слова: герой-революционер, литературный прообраз, бинарная оппозиция, «двойничество», А. С. Грин, Ф. М. Достоевский.

Keywords: revolutionary hero, literary type, binary opposition, duality, A. S. Grin, F. Dostoevsky.

Исследуя раннее дореволюционное творчество Александра Грина (1907–1917 гг.), можно выделить два направления – романтическое, которое станет для него приоритетным, и реалистическое, в котором он после 1917 г. практически не будет работать, хотя самые первые его рассказы были именно реалистическими. Ранний дореволюционный период творчества писателя совпал с его деятельностью в среде революционного эсеровского подполья, поэтому многие его произведения были именно о революционерах, находящихся на нелегальном положении и ведущих борьбу с самодержавием. На наш взгляд, повествование о них – интересная и значительная страница его творчества. Герои страдают не только от несовершенства окружающей действительности, но и, главным образом, от собственной духовной дисгармонии и терзающих их противоречий, причем разрешить их окончательно они не могут и навсегда остаются с раздвоенным сердцем и мыслями. Искания пытливого ума и противоречивые чувства намного интереснее писателю, чем полностью цельные, ни в чем не сомневающиеся люди. «Двойничество» революционных героев реалистических рассказов Грина, а также их идеи во многом наследуют философские взгляды и двойственный мир героев романов Ф. М. Достоевского. На наш взгляд, на создание таких образов Грин был вдохновлен именно этим писателем. Из раннего дореволюционного творчества Грина можно выделить четыре рассказа, написанных под явным влиянием романов и повестей Достоевского: это «Приключение Гинча» (1912), «Маленький заговор» (1909), «Повесть, оконченная благодаря пуле» (1916), а также самый глубокий по содержанию и проникновению в тайны личности революционера-подпольщика рассказ «Марат» (1907). Название последнего произведения не случайно. Из всех деятелей французской революции Марат отличался наибольшей смелостью, решительностью и неумолимой жестокостью. Все эти черты в равной мере присущи герою рассказа революционеру-террористу Яну. Первоначально кажется, что это стальной солдат революции, не знающий сомнения и колебания, но если приглядеться пристальнее, то сразу становится понятно, что в отношении к людям он добрый и отзывчивый, любящий товарищей, хорошую беседу с ними, красивую песню: «А вы идите домой и позовите, пожалуйста, Евгению с братом. Пусть нас будет только четверо... Мне хочется покататься на лодке и посмотреть на их хорошие, дружеские лица... Так мне будет легче... Хорошо?» [1]

Ян, рожденный отдавать душевное тепло окружающим и самому получать от них такое же искреннее внимание и заботу, не может прожить без общения с друзьями, очень их любит, и лучшее удовольствие для него – видеть тех, кто ему близок. Даже перед совершением террористического акта, во время исполнения которого он погибнет, герой Грина, прежде всего, хочет встретиться с друзьями и получить от них самое ценное для себя – услышать короткий негромкий разговор, чистый высокий голос, поющий песню над широкой рекой, увидеть еще раз улыбку на милых лицах. Становится ясно, что в тайниках сердца Яна самое драгоценное – это не абстрактное общественное благо и не злоба к угнетателям народа многострадальной России, а любовь к милым и добрым, немного наивным людям, в чьи лица он так жадно всматривается, зная, что никогда их не увидит. Сущность души героя – это доброта и любовь к людям. Самой природой заложены в него чистота желаний и помыслов, стремление совершать добрые поступки и чувствовать удовольствие от того, что другим хорошо. Сестра друга Яна Евгения так его характеризует: «А помните, Ян, – перешла девушка в другой тон, – как вы приезжали сюда год тому назад? Вы были такой... как дитя. И страшно восставали против всякой полемики, а также и... против террора, как системы?» [2]

И совершенно непонятно, как это простодушное доброе «дитя» становится фанатичным и жестоким. Неожиданно страшные слова срываются с его уст: «А знаете ли вы, что главное в революции? Ненависть! И если ее нет, то... и ничего нет. Если б каждый мог ненавидеть!.. Сама земля затрепетала бы от страха» [3].

Эта идея о счастье человечества через пролитие крови переборола все лучшие чувства и погрузила Яна в бездну ненависти, оставив только маленький уголок в душе, где горит немеркнущий, но слабый огонек любви к немногим друзьям. Они страшатся страстной ненависти к «враждебной крови», но понимают, что не могут остановить это безумие и продолжают любить Яна. «Это было сказано с такой гордостью и сознанием правды, что мы не сразу нашли, что сказать. Да и не хотелось. Мы думали иначе. А он думал иначе, чем мы. Это было просто и не требовало споров» [4].

Рассказ «Марат» – повествование о том, как одна очень сильно полюбившаяся мысль, подобная религиозному экстазу, изменяет человека, делая невыносимо жестоким, при этом оставляя немного света и тепла в сердце. Герой отдает все душевные силы и страсти этой мысли, сжигающей все человеческие начала, прежде бывшие в нем. В диалоге со своим другом он говорит: «Террор – ужас... А ужаса нет. Значит, и террора нет... А есть... Самый настоящий террор и есть! – насторожившись, задорно ответил Кирилл. – Конечно, в пределах возможного... А что же, по-вашему? Да так пустяки... Спорт. Паники я не вижу... Где она? Сумейте нагнать панику на врагов. Это – все! Ужас – все!..» [5]

Чтобы лучше понять образ, созданный Грином, следует обратиться к роману Достоевского «Бесы», герой которого Алексей Нилыч Кириллов является, на наш взгляд, литературным предшественником Яна. Про Кириллова и Яна можно сказать словами героя «Бесов» Шатова: «Вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до исступления...» [6]

Разум героев отравлен «мистикой террора», обладающей такой над ними властью, что позволил почти полностью подчинить душу. Но душа просыпается время от времени и дает о себе знать постоянной неуспокоенностью и сильной болью. «Лицо Яна еще раз вспыхнуло острой мукой и потухло, окаменев в задумчивости. Только черные глаза беспокойно блестели в орбитах» [7].

Не понимают эти герои только одного: путь революции – это путь к новому рабству. Как отмечает литературовед В. Ф. Переверзев, «тот, кто ничего не смел и не мог, благодаря революции все смеет и все может. Но в той же революции куются цепи нового рабства» [8].

Авторское отношение к Яну можно было бы назвать беспристрастным, если бы не описание состояния героя, на которое указывает исследователь творчества писателя В. В. Харчев: «Своевременно спросить: какова же позиция автора? Ответить на вопрос довольно трудно. Шапка-невидимка! Вот передается напряженное ожидание рассказчика. “Розоватый свет лампы пронизывал веки, одевая глаза светлой тьмой”. “Тьма” и “свет”, судя по целому ряду рассказов Грина, – основные эстетические образы – детерминанты авторского отношения. Но “светлая тьма”! Ян и его друзья, прекрасные души, делают что-то не то...» [9]. Так, ненавязчиво сообщая о своей позиции в отношении главного героя рассказа, Грин использует творческие приемы Достоевского, который также явно не обозначает авторскую позицию в романе «Бесы», но дает некие намеки. Например, описывая Кириллова: «Это был еще молодой человек, лет около двадцати семи, прилично одетый, стройный и сухощавый брюнет, с бледным, несколько грязноватого оттенка лицом и с черными глазами без блеску. Он казался несколько задумчивым и рассеянным, говорил отрывисто и как-то не грамматически, как-то странно переставлял слова и путался, если пришлось составить фразу подлиннее» [10].

Постоянная «задумчивая рассеянность и глаза без блеску» – деталь портрета инженера Кириллова, по которой видно прежде, чем он заговорит, что его разум овладел сердцем. Если глаза не блестят, то это означает частичную потерю эмоций, составляющих главную радость в жизни обычных людей, не «придавленных идей». Душа Алексея Нилыча тоже добрая и светлая, как и у героя рассказа «Марат», и ему хочется сделать что-нибудь хорошее для ближнего. Когда Шатов приходит к Кириллову за помощью, тот без всяких колебаний отдает ему все продукты и деньги, какие у него есть, будучи при этом совсем не богатым человеком. Смотря на него с сожалением, Шатов замечает: «Кириллов! – вскричал Шатов, захватывая под локоть чайник, а в обе руки сахар и хлеб, – Кириллов! Если б... если б вы могли отказаться от ваших ужасных фантазий и бросить ваш атеистический бред... о, какой бы вы были человек, Кириллов!» [11]

Но бросить свой «атеистический бред» Кириллов не в силах.

Герои Достоевского и Грина одержимы идеей богоборчества. Считают, что не Бог, а они сами могут распоряжаться своей жизнью и жизнями других людей. Они готовы отдать все ради осуществления главной идеи, для нее и живут, забыв обычные земные радости. Уверенность Яна и Кириллова в том, что могут изменить свое и чужое существование насильственным путем, является греховной, но, тем не менее, эти несчастные возбуждают жалость, поскольку сохранили доброту и любовь в сердцах. Они уверены, что жертвуют собой ради грядущего счастья человечества, не ведая, что могут принести своей стране только горе. Ян одержим ненавистью к тем, кого он считает угнетателями народа, а Кириллов – непомерной гордостью, не знающей границ настолько, что считает себя «человекобогом», а Бога не признает. «Стало быть, тот Бог есть же, по-вашему? Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, всё новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до... До гориллы? ...До перемены земли и человека физически. Будет Богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменяться, и мысли, и все чув-

ства. Как вы думаете, переменится тогда человек физически? Если будет всё равно, жить или не жить, то все убьют себя, и вот в чем, может быть, перемена будет. Это всё равно. Обман убьют. Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут всё, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот Бог. Теперь всякий может сделать, что Бога не будет и ничего не будет. Но никто еще ни разу не сделал. Самоубийц миллионы были. Но всё не затем, всё со страхом и не для того. Не для того, чтобы страх убить. Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет» [12].

Ум, подчинивший сердце, изменил прекрасную, добрую душу Кириллова. Парадоксально в герое Достоевского то, что на самом деле он любит только Христа и так же, как и Христос, жертвует собой ради людей и хочет, чтобы все были счастливы. Из самой сокровенной глубины его духовного сознания выходят слова: «Я не могу о другом, я всю жизнь об одном. Меня Бог всю жизнь мучил, – заключил он вдруг с удивительной экспансивностью» [13].

Он отдает жизнь, чтобы изменить человечество, сделать людей смелее и умнее, а для таких жизнь на земле – это уже не «боль и страх», счастье для них становится возможным. «Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только Бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заставлю своеволие, я обязан уверовать, что верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей в следующем же поколении переродит физически: ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» [14].

Ю. П. Иваск так говорит о Кириллове: «Шестерка Кириллову – любимому герою Альбера Камю, француза с “русской душой”. Как и его духовный брат и “идейный” недруг Шатов, он с собой не “возился”, но стал личностью... Может быть, по силе напряжения ему нет равных в мире Достоевского. Он утверждал человекобога, а любил только Христа, хотя и не верил в воскресение. Петр Верховенский, на лакейном своем языке, верно определил Кириллова: свинство в том, что в Бога он верит пуще, чем поп... Кириллов гибнет во мраке отчаяния, безумия, а мог бы стать новым Петром, Фомой, Павлом» [15].

А. С. Долинин более образно определил сущность героя: «Гибнет, наконец, и Кириллов, так близко подошедший к Христу: отделенный тончайшей гранью, лик человекобога уже начинает сливаться с ликом Богочеловека» [16].

Готовность к самопожертвованию, во имя людей – вот что приближает героев Грина и Достоевского к «тончайшей грани», отделяющей их от Христа. Эти герои во многом похожи. «Покойная гордость» инженера, граничащая с презрением, с которой он высказывает свои безумные слова, похожа на страстные восклицания про «враждебную кровь в жилах народа» другого безумца, описанного Гринем. Они оба ставят себя выше народа и считают вправе учить его, как перестроить жизнь. Ф. Ницше так сказал о таких людях: «Если есть враг у вас, не платите ему за зло добром: ибо это пристыдило бы его. Напротив, докажи ему, что он сделал для вас нечто доброе» [17].

Вместо того чтобы просто любить людей, какими они есть, герои-революционеры хотят переделать весь мир, не щадя при этом никого, в том числе и самих себя. Но в самих идеях, которыми заражены герои, таится губительное противоречие: с одной стороны, они хотят осчастливить человечество, с другой – для этого «счастья» Кириллов желает убить себя, а Ян горит ненавистью к самодержавию, угнетающему народ, и желает только одного – жестокой мести. Кажущаяся совершенно очевидной для верующих библейская истина, что «взявшие меч, мечом погибнут» [18], не приходит в безумные головы героев – они до самого последнего момента своего существования убеждены в том, что счастье достижимо через кровь.

Разум, который увел их от Бога и завел в тупик, не может найти выход. Душа, обманутая разумом, выбирает путь, ведущий не к радости, а к смерти, и начинает меняться, в ней появляются темные стороны. Прикрываясь красивыми словами, втайне даже от себя, герои желают не справедливости, а утоления непомерной гордости; жаждут разрушения и хаоса, при мыслях о которых испытывают болезненное наслаждение, впадая в экстаз и эйфорию: «Каменное лицо Яна осталось совершенно равнодушным. Но через мгновение он живо повернулся всем корпусом и воскликнул с такой страстью, что даже я невольно насторожился, почуяв новые струны в этом, хорошо мне знакомом, сердце. Да! Пусть ужас вперит в них слепые, белые глаза!... Я жестокостью

отрицаю... Но истребить, уничтожить врагов – необходимо! С корнем, навсегда вырвать их. Вспомнить уроки истории... Совсем, до одного. Навсегда, без остатка, без остатка, без претендентов! Чтобы ни одна капля враждебной крови не стучала в жилах народа. Вот что – революция! А не печатанье бумажек. Чтобы ни один уличный фонарь не остался без украшения!...» [19]

Разрушение дает удовлетворение лишь ненадолго, не лишая мучительных сомнений в правильности выбора, но они уже не могут обходиться без мгновений этого дикого восторга. Герои оказались в плену ложных ощущений, вера в которые граничит с фанатизмом, тем не менее постоянные мысли о них приносят временное удовлетворение, но потом мрак сомнений и мучений еще больше сгущается, заставляя опять искать спасение в тайных безумных мыслях. Этот круг, эту зависимость разорвать у Яна и Алексея Нилыча так и не получилось, но надо отдать им должное – уверенности в своей непогрешимости и спокойствия мыслей и чувств у них никогда не было, что характеризует их как людей с беспокойной совестью и ищущим истину умом. «Меня всегда Бог мучил», – произнес Кириллов, не подозревая, что, говоря эти слова, приближается к Богу, а не удаляется, потому что Христос любит тех, кто считает себя грешными и страдает от собственного несовершенства, а не тех, кто всегда спокоен и никогда не сомневается в своей праведности. «Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничтожали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: “Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю”. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: “Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!” Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» [20].

Про ищущих истину и справедливость Ф. Ницше выразился так: «Час, когда вы говорите: “В чем моя справедливость! Я не вижу, чтобы был пламенем и углем. А справедливый – это пламень и уголь”» [21]. Герои Достоевского и Грина горят, не жалея себя, но сгорают слишком быстро, так и не согрев любимое ими человечество своим пламенем. Очень тонко подметил губительную ошибку в убеждениях Кириллова и Яна С. И. Гессен: «Мы наталкиваемся на ограниченность разума и безверия. Кириллов сам чувствует эту ограниченность, но охваченный своей идеей, не хочет ее видеть. “Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же. Осознать, что нет Бога, и не понять в тот же раз, что сам Богом стал, – есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь – ты царь, и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только Бог поневоле, и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие”. Этой обязанностью, которую чувствует Кириллов, он все же связан с другими людьми вопреки своему уединению. Ставрогин ясно видит этот разлад и противоречие внутри Кириллова. “Великодушный” и “хороший” Кириллов чувствует себя обязанным доводами разума преодолеть свой страх, который все еще привязывает его к миру и к Богу. Вот это воодушевление Кириллова, которого предметом только является разум, но которое менее всего рассудочно, его-то и недостает Ставрогину» [22].

Шатов в отличие от них понимает, что разумом отличить зло от добра нельзя и встает на другой путь – веры в Бога и русский народ. «Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать. Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал» [23].

Этой веры и твердости духа лишены герои Достоевского и Грина. Борьба добра и любви в их сердцах с революционными идеями установления всеобщего благоденствия и составляет главную движущую силу сюжета произведений Грина и Достоевского. Образы героев представлены в динамике: в процессе повествования они претерпевают изменения – один становится «презрительно гордым», другой зажигается страстной ненавистью. Постепенно вредоносные идеи, захватившие сначала только их ум, изменяют душевный мир, делая несчастными. Ф. Ницше говорил о таких людях, одержимых идеями: «В свободную высь стремишься ты; звезд жаждет твоя душа. Но твои дурные инстинкты также жаждут свободы. Твои дикие псы хотят на свободу; они лают от радости в своем погребке, пока твой дух стремится отворить все темницы. По-моему, ты еще заключенный в тюрьме, мечтающий о свободе; ах, мудрой становится душа у таких заключенных, но также лукавой и дурной. Очиститься должен еще освободившийся дух. В нем еще много от тюрьмы и от затхлости: чистым должен еще стать его взор» [24].

Борьба светлых и темных начал, живущих в Яне и Алексее Нилыче, идет постоянно и не заканчивается победой ни того, ни другого. Герои Достоевского и Грина приходят к гибели, так и не успокоив свои мысли и чувства от терзающих их противоречий. На наш взгляд, можно говорить о внутренней бинарной оппозиции «светлое/темное» в характерах главных героев, что является отличительной чертой произведений Достоевского и ранних рассказов Грина.

Проведенный сопоставительный анализ романа Ф. М. Достоевский «Бесы» и рассказа А. С. Грина «Марат» позволяет сделать вывод о сходстве образных систем двух писателей. Создание героев-двойников произошло у Грина под большим влиянием творчества Достоевского. Однако, как верно заметил В. В. Харчев, такие характеры, «несмотря на отдельные частные достижения, так и остались экспериментальными у Грина, находящимися где-то на периферии его художественного мышления» [25]. Противоречивые образы героев-революционеров постоянно встречаются у Достоевского, тогда как у Грина эти сложные, находящиеся в борьбе с самими собой герои почти исчезли из произведений позднего периода творчества.

Примечания

1. Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 / [сост. В. Ковского и др. ; под общ. ред. В. Россельса ; ил. С. Бродского]. М. : Правда, 1980. С. 38.
2. Там же. С. 43.
3. Там же. С. 42.
4. Там же. С. 43.
5. Там же. С. 42.
6. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7 : Бесы / редкол.: Г. М. Фридлендер (гл. ред.) и др.; вступ. ст. Г. М. Фридлендера, с. 5–30 ; тексты подгот. и примеч. сост. Т. И. Орнатская, Г. М. Фридлендер ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом)]. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. С. 236.
7. Грин А. С. Указ. соч. С. 43.
8. Переверзев В. Ф. Достоевский и революция // Достоевский Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М. : Согласие, 1996. С. 528.
9. Харчев В. В. Поэзия и проза Александра Грина / Горьк. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. С. 14–15.
10. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 89.
11. Там же. С. 532.
12. Там же. С. 112.
13. Там же. С. 113.
14. Там же. С. 576.
15. Иваск Ю. П. Упоение Достоевского // Достоевский Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М. : Согласие, 1996. С. 697.
16. Долинин А. С. Исповедь Ставрогина (В связи с композицией «Бесов») // Литературная мысль. Пг., 1922. Вып. 1. С. 150.
17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого / [пер. Ю. Антоновской]. М. : АСТ : Астрель, 2010. С. 86.
18. Мф. 26:52.
19. Грин А. С. Указ. соч. С. 43.
20. Лк. 18:9–14.
21. Ницше Ф. Указ. соч. С. 13.
22. Гессен С. И. Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина) // Достоевский Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М. : Согласие, 1996. С. 672–673.
23. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 238–239.
24. Ницше Ф. Указ. соч. С. 53.
25. Харчев В. В. Указ. соч. С. 71.

Notes

1. Grin A. S. *Sobranie sochinenij* : v 6 t. T. 1 [Collected works : in 6 vol. Vol. 1] / [comp. V. Minkowski, and others ; under the general editorship of V. Rossels ; Il. S. Brodsky]. M. Pravda. 1980. P. 38.
2. Ibid. P. 43.
3. Ibid. P. 42.
4. Ibid. P. 43.
5. Ibid. P. 42.
6. *Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij* : v 15 t. T. 7 : *Besy* [Works: in 15 vol. Vol. 7: Devils] / ed. board: G. M. Friedlander (ed.), etc.; introd. article G. M. Friedlander, pp. 5-30 ; texts ed. and notes. comp. T. I. Ornatkaya, G. M. Friedlander; USSR Academy of Sciences, In-t Rus. lit. (Pushkin house). Leningrad : Nauka: Leningrad dep-t. 1990. P. 236.
7. Green A. S. Op. cit. P. 43.

8. Pereverzev V. F. *Dostoevskij i revolyuciya* [Dostoevsky and revolution] // *Dostoevskij F. M. Besy : roman v trekh chastyah; antologiya russkoj kritiki* – Fyodor Dostoevsky. Demons: a novel in three parts; the anthology of Russian criticism / comp. L. I. Saraskina. M. Accord. 1996. P. 528.
9. Harchev V. V. *Poehziya i proza Aleksandra Grina* [Poetry and prose of Alexander Green] / Gorkiy State Ped. In-t n.a A. M. Gorky. Gorkiy. Volgo-Vyat. Publ. 1975. Pp.14-15.
10. *Dostoevskij F. M.* Op. cit. p. 89.
11. Ibid. P. 532.
12. Ibid. P. 112.
13. Ibid. P. 113.
14. Ibid. P. 576.
15. Ivask YU. P. *Upoenie Dostoevskogo* [Ecstasy of Dostoevsky] / *Dostoevskij F. M. Besy : roman v trekh chastyah; antologiya russkoj kritiki* – Dostoevsky F.M. Demons: a novel in three parts; the anthology of Russian criticism / comp. L. I. Saraskina. M. Accord. 1996. P. 697.
16. Dolinin A. S. *Ispoved' Stavrogina (V svyazi s kompoziciej «Besov»)* [Stavrogin's Confession (In connection with the composition of "Demons")] // *Literaturnaya mysl' – Literary thought*. Pg., 1922. Vol. 1. P. 150.
17. Nicshe F. *Tak govoril Zaratustra: kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus spoke Zarathustra: a book for everybody and none for whom] / transl. Y. Antonovskaya]. M. AST: Astrel. 2010. P. 86.
18. MF. 26:52.
19. Green A. S. Op. cit. p. 43.
20. LK. 18:9-14.
21. Nietzsche F. Op. cit. p.13.
22. Gessen S. I. *Tragediya zla (Filosofskij smysl obraza Stavrogina)* [Tragedy of evil (Philosophical meaning of the image of Stavrogin)] // F. M. Dostoevsky's Demons: a novel in three parts; the anthology of Russian criticism / comp. L. I. Saraskina. M. Accord. 1996. Pp. 672-673.
23. *Dostoevskij F. M.* Op. cit. Pp. 238-239.
24. Nietzsche F. Op. cit. P. 53.
25. Harchev V. V. Op. cit. P. 71.

УДК: 81.139

Н. Н. Семенов

Когнитивный субстрат паремий в фокусе задач моделирования паремической семантики

В статье сформулировано понятие когнитивного субстрата паремий в свете современной теории языкового сознания и определены ведущие параметры анализа паремической семантики в свете когнитивно-прагматического подхода. Уточняются принципы когнитивно-прагматического моделирования паремической семантики, основанного на признании ведущей роли когнитивного субстрата в паремическом смыслообразовании. Приводится трактовка роли паремического концепта и паремического фрейма как базовых категорий когнитивного основания значения народных афоризмов, уточняется понятие когнитивного основания паремического высказывания – следствия интеграции в когнитивном пространстве паремии. В ходе исследования определяются механизмы реализации когнитивного субстрата паремии при взаимодействии прецедентного текста пословицы с дискурсивной интенцией как фактором дискурсивного смыслообразования, а также выявляется прагматический фактор реализации когнитивного основания пословиц, который рассматривается в ходе анализа соотношения различных параметров когнитивно-прагматического плана паремической семантики.

In the article the concept of a cognitive substratum of proverbs in the light of the modern theory of language consciousness is formulated and the leading parameters of the analysis of paremic semantics in the light of cognitive and pragmatic approach are determined. The principles of the cognitive and pragmatic modeling of paremic semantics based on recognition of the leading role of a cognitive substratum in a paremic meaning are specified. The interpretation of a role of a paremic concept and paremic frame as basic categories of the cognitive basis of meaning of national aphorisms is given, the concept of the cognitive basis of the paremic statement – a consequence of integration in cognitive space of a proverb is specified. During the research mechanisms of realization of a cognitive substratum of a proverb at interaction of the case text of a proverb decide on discourse intention as a factor of a discourse meaning, and also the pragmatic factor of realization of the cognitive basis of proverbs which is considered during the analysis of a ratio of various parameters of the cognitive and pragmatic plan of paremic semantics comes to light.

Ключевые слова: паремия, когнитивно-прагматическое моделирование, дискурсивно-модусный концепт, паремический концепт, паремический фрейм, дискурсивная интенция.

Keywords: paremic, cognitive-pragmatic modeling, discourse-modus concept, paremic concept, paremic frame, discursive intention.

Введение

Паремическое знако- и смыслообразование находится в фокусе сразу нескольких исследовательских задач, возникших как следствие утверждения в современной философии языка идей и принципов постмодернизма. В системе мировоззрения постмодернизма язык – это не объект отстранённого анализа и абстрактного моделирования, а своеобразная «система ориентирующего поведения, где обращение к тексту играет весьма значительную роль». При подобном подходе на передний план выходит собственно человеческий фактор в языке, а в центре системы ценностей постмодернистского мировоззрения находятся «культура – система знаков» и «языковое сознание – психический механизм прочтения знаков» [1]. Соответственно, макрозадачи лингвистического постмодернизма могут быть сформулированы в русле проблемы выявления и описания механизмов кодирования и смыслопорождения посредством знаков, максимально совмещающих коммуникативный и ценностно-смысловой потенциал культуры, то есть знаков косвенно-производной номинации.

Выраженный интерес к паремиям как носителям стереотипов культуры, таким образом, обусловлен не только их предполагаемой национальной спецификой в выражении оценок идей и реалий культуры, но и перспективностью данного материала в обнаружении механизмов сопряжения невербального, довербального и вербального в формировании доминант языкового сознания носителя языка.

Провербиальное пространство языка представляет собой не столько систему знаков, линейно отражающих картину мира, сколько систему кодов, основанную на вербализации дискурсивно-модусных концептов – когнитивного субстрата паремии и фраземии языка. Модусный концепт трактуется Н. Ф. Алефиренко как когнитивная единица модусного (интерпретирующего) свойства, в которой изначально заложено субъективное отношение человека к объектам речемышления [2]. Подобный характер концептуализации действительности органично близок ведущей когнитивно-прагматической функции паремий – выражению субъективного (с позиции культуры) смысла в системе базовых координат ценностно-смыслового пространства культуры. Вербальное намерение, сопряжённое с данной паремической функцией, может быть определено как стремление выражения умозаключения / характеристики относительно каких-либо элементов культуры и их конфигураций с целью обозначения их роли или функции в системе ценностно-смысловых координат. Эти координаты определены приоритетными сферами культуры, выражающими саму её творчески-деятельную сущность:

– родственными и социальными связями и отношениями: *Кума к куме хоть в решете, да приплывёт* (БСПР: 461), *С соседом дружись, а забор городи* (БСПР: 860), *К капусте пристанешь, капустой и станешь* (БСПР: 400);

– самоидентификацией человека в пространстве культуры: *Где народ увидит, там и Бог услышит* (БСПР: 581), *Своих много, да все чужие* (БСПР: 795), *Знай, свинья, своё стойло* (БСПР: 794);

– поиском смысла человеческого бытия и его закономерностей: *Горе наше – гречневая каша, а поел бы и такой, да нет никакой* (БСПР: 200), *Хоть сколько воду в ступе не толки – вода и будет* (БСПР: 132), *Лёгкое без тяжёлого не живёт* (БСПР: 474) и т. д.

Ведущий статус аксиологического компонента паремического значения обусловлен не только соответствующей тематической дистрибуцией паремий, отражающих тот или иной ценностный компонент культуры, – приоритет ценностной семантики в интеграции паремических смыслов обусловлен тем, что «источником любого знания определяется человеческое сознание, а назидательные смыслы паремий могут быть объяснены интенциональной сущностью ценностей – осмыслением ценностного смысла вещей как целей, мотивов и способов достижения желаемого» [3]. Приведённая трактовка значимости аксиологического компонента значения, используемая Е. В. Нечипорчик для указания на ценностную ориентацию реализации паремического смысла, определённым образом перекликается с утверждением Н. Ф. Алефиренко о природе ценных смыслов: «...отношение человека к миру, прежде всего, определяется смыслом. Если нечто лишено смысла, оно перестаёт существовать для человека. Человек наделяет культурными смыслами весь мир, и мир выступает для него в своей неповторимой ценностно-смысловой значимости» [4].

Таким образом, **когнитивный субстрат паремического значения**, – это не объективно-информационная база, подвергающаяся дальнейшему языковому кодированию, как это наблюдается в случае с реализацией механизма прямой номинации, а **содержательное ядро реализации обозначенного коммуникативного намерения в соответствии с паремической**

концептосферой, в которой структурированно представлена ценностно-смысловая архитектура онтологии культуры.

Методика

Подход к определению ведущих шагов когнитивно-прагматического моделирования основывается на следующих принципиальных положениях:

1) семантизация паремий – задача, далеко выходящая за пределы компонентного анализа текстовой семантики народных афоризмов, поскольку сам характер обобщённого афористического значения пословиц предполагает «низкую степень денотативной референции» [5], а ядро значения восстанавливается через реконструкцию предполагаемого или взятого из контекста употребления прагматически обусловленного смысла, то есть фактически прагматической рекомендации, выраженной посредством пословицы;

2) паремическая семантика – многоуровневая сфера, в пределах которой категории значения и смысла разграничиваются собственно функциональным аспектом: значение служит, с одной стороны, базой, с другой стороны, следствием абстрагирования выражаемого смысла [6];

3) ситуативная природа текстовой семантики, а именно обусловленность обобщённого значения пословицы определённой когнитивно-денотативной ситуацией, определяет приоритетную роль внутренней формы народного афоризма в реализации его коммуникативного потенциала, поскольку сама потенциальная соотносённость ситуации референтной с ситуацией инвариантной (составляющей процессуальную суть феномена апелляции к «фонду народной мудрости») возможна лишь в условиях чёткой работы метафорического потенциала мотивирующей основы паремической семантики.

В соответствии с обозначенными принципами аналитические операции, характеризующие методику когнитивно-прагматического моделирования, применимы к такому объекту, как многоуровневая семантика пословицы: когнитивное основание значения, внутренняя форма паремии, обобщённое значение пословицы и прагматическая рекомендация, выраженная в пословице.

При выборе исследовательского фокуса, связанного с определением доминирующих факторов когнитивного основания паремии, предметом исследования является *когнитивный субстрат паремического значения*, представленный как *интегративное взаимодействие когнитивных единиц в основании значения пословицы, обусловленное прагматическим посылом дискурса и ценностно-смысловой конфигурацией паремической смысловой парадигмы*. Под паремической смысловой парадигмой подразумевается группа пословиц, объединяющим смысловым ядром которых является объективация в их семантической структуре определённых *концептуальных синсемантов – когнитивных следствий взаимопроникновения содержательных признаков концептов под воздействием ценностно-смыслового вектора культуры*. Соответственно, в ходе анализа когнитивного субстрата паремической семантики концептуальные синсеманты рассматриваются как следствие функционирования паремического фонда языка, *некая форма бытования концепта, трансформирующегося вследствие утверждения определённых ценностно-смысловых принципов*. Например, концептуальный синсемант Вера/Надежда/Терпение образует паремическую смысловую парадигму, в составе которой представлены пословицы *Пущен корабль на воду – сдан Богу на руки; Покорись беде – и беда покорится; Прежде веку не помрёшь; Что народ увидит, то и Бог услышит* и др. Подобное смысловое единство, выраженное в нескольких пословицах, имеет характер своеобразного «внутреннего паремического дискурса» [7], который, так же как и дискурс «внешний», служит средством фокусировки ценностно-смыслового субстрата паремической семантики.

Ставшая традиционной в современном лингвокогнитивном анализе терминологическая диада «концепт – фрейм» применительно к проблеме выявления когнитивного субстрата паремической семантики мыслится не как родовидовая пара (концепты в своей совокупности образуют фреймы), а как различные когнитивные сущности, поскольку *паремический концепт представляется смыслопорождающим импульсом как в процессе лингвосемиозиса паремии, так и в ходе реализации её коммуникативной функции в конкретном дискурсе*. Паремический концепт определяет в том числе и прагматический вектор смыслообразования, поскольку его модусный характер, отмеченный в ранее указанной работе Н. Ф. Алефиренко, обуславливает исходную ценностную природу концепта. *Паремический фрейм представляется нам не просто когнитивной структурой, содержательные позиции которой «заполняются» концептами, а логико-прагматическим вектором, событийным алгоритмом, определённой мыслительной формулой, в соответствии с которой воплощается содержание концептов*. Например, в пословице *Заря из дому выгонит, а другая вгонит* (БСПП: 364), фактором лингвосемиозиса предполагается паремический концепт «Труд», а паремический фрейм как следующая формула: «Труд без отдыха + Требование жизни/Условие выживания + Запас сил». Обозна-

ченные в данной формуле позиции трактуются как стереотипные топики народного сознания, с позиции которых осмысливается ситуация-умозаключение. Соответственно, в позиции «Труд без отдыха» может быть реализован концепт «Трудолюбие», в позиции «Требование жизни/Условие выживания» – «Крестьянский образ жизни», а в позиции «Запас сил» – «Терпение», или «Самоотверженность», или «Здоровье», в зависимости от дискурсивной интенции, которая будет работать как фактор отбора ценностно-концептуального содержания исходного паремического фрейма.

В соответствии с ранее обозначенными принципами и положениями предлагается следующий исследовательский алгоритм в описании характера и смыслообразующего потенциала когнитивного субстрата паремии:

- 1) определение конфигурации паремического фрейма как когнитивного «зародыша» ситуации, репрезентированной в пословице;
- 2) установление языкового механизма представленности дискурсивно-модусных концептов в обобщённом значении пословицы;
- 3) определение роли когнитивного субстрата паремии в знако- и смыслообразовании.

Основная часть

Когнитивное основание паремического значения – область абстрактного моделирования на основе выделения не менее абстрактных категорий, которые носят лингвоментальный характер, то есть, по сути, показывают, каким образом абстракция мышления воплощается в абстракции языка. Соответственно, поиск более или менее формализованного критерия, который позволил бы обоснованно судить о механизмах взаимодействия довербального, вербализованного и осмысленного в плане содержания языковых единиц. Традиционная теория семантики, оперируя терминами «понятие», «значение» и «смысл», на определённом этапе развития лингвистической мысли испытала объективные трудности в трактовке плана содержания лексем, фразем и паремий, поскольку объяснить смысловые приращения в семантическом плане знаков прямой и косвенной номинации как результат реализации лексической, фразеологической или афористической семантики оказалось затруднительно.

Особенно явно данная трудность проявляется в ходе семантизации паремий как знаков синкретичной семиотической природы, совместивших в себе свойства средств образной номинации и текстов, поскольку процессы «перетекания» значения в смысл у паремий достаточно далеки как от принципов свободной контаминации лексических значений слов-компонентов у обычного высказывания, так и от принципов идиоматизации воспроизводимого значения у фразем-идиом. Например, в пословицах (1) *Невелика бы напасть, да спать не даст* и (2) *Как придёт напасть, так хоть вовсе пропасть* (БСПП: 580), характеризующихся сходной двухчастной структурой, выражающей логику прямого следствия, единой образно-лексической основой и событийным планом, собственно обобщённые значения и их прагматические реализации заметно различаются. Так, коммуникативно-прагматический вектор смыслообразования в пословице (1) опирается на семантику 'люди обращают много внимания на мелочи/сильно переживают по каждому поводу', а в пословице (2) – 'несчастье не приходит одно'. На что же «опирается» в первом и во втором случае прагматическая рекомендация, выраженная в пословице?

В первом случае семантика *напасти* в референциальном плане обусловлена лексической синтагматикой (*невелика напасть*) и синтаксической (*невелика, но*) – в результате рождается прагматический смысл, воплощающий коммуникативную цель назидания человеку 'не судить строго того, кто переживает по недостаточному поводу', который непосредственно связан с вербализацией ценности «Душевное спокойствие». Вместе тем никаких сугубо лексико-семантических и лексико-грамматических «показаний» формального свойства для подобной смысловой реализации мы не обнаруживаем. Утверждать, что прагматический смысл закреплён за значением, как слитное значение за устойчивой формой, мы тоже не можем: во-первых, значение не слитное, семантика лексических компонентов не переосмыслена, а лишь обобщена и типизирована, во-вторых, само положение о предсказуемой смысловой реализации паремического значения без учёта дискурсивного фактора (в контексте актуальных исследований паремического смыслообразования в дискурсивных условиях) кажется несостоятельным. Соответственно, можно предположить, что процесс смыслообразования в семантической структуре паремии носит нелинейный характер и включает в себя ряд этапов и уровней, которые нуждаются в предметном моделировании.

Во втором случае прагматическая рекомендация 'случилась беда – жди следующую' является следствием буквальной реализации композиционной семантики пословицы, у которой есть тема (*пришла напасть*), рема (*хоть вовсе пропасть*), сюжетная линия (*пришла... хоть вовсе*), событийное ядро (*пришла*).

Таким образом, внутренняя форма высказываний характеризуется высокой степенью «прозрачности» в силу её событийного характера и сюжетной организации, а образного переосмысления сюжета практически не наблюдается. Обусловленный системным значением паремии прагматический смысл, без учёта внешнего дискурса, исходя фактически из стереотипной оценки денотативного содержания паремии, выражается так же обобщённо, как и афористическое значение:

Пословица	Внутренняя форма	Обобщённое афористическое значение	Прагматический смысл
(1)	<i>'беда не даёт возможности успокоиться/отдохнуть'</i>	<i>'люди обращают много внимания на мелочи/сильно переживают по каждому поводу'</i>	<i>'не судить строго того, кто переживает по недостаточному поводу'</i>
(2)	<i>'случится беда – человека погубит'</i>	<i>'несчастье не приходит одно'</i>	<i>'случилась беда – жди следующую'</i>

При сопоставлении внутренней формы прагматического смысла очевиден факт «наращения» содержательных компонентов. Менее умозрительным данный процесс видится в ходе анализа дискурсивного механизма смыслоприращения, которое осуществляется при достаточно свободной связи значения с мотивирующей основой и под влиянием дискурсивной интенции. В ходе дискурсивного смыслообразования «опорное» для семантики пословицы слово оказывается в фокусе дискурсивного воздействия, вступая в синтагматические или ассоциативные отношения с контекстным окружением практически независимо от ведущей тональности обобщённого значения пословицы в целом. Например: *...потом они ещё долго о чём-то спорили, но я уже никого не слушала, мне стало понятно, чтобы спасти Эрика, надо найти брата и сестру, которые согласятся без меня идти на розыски моего брата. Два года я скиталась по разным местам. Всякие семьи попадались, все сочувствовали, но участвовать в поисках никто не желал. Вчера я забрела в город, где в таверне услышала историю про таинственное дерево в этих лесах. Как придёт **напасть**, так хоть **вовсе пропасть**, – расплакалась она. Все сочувственно молчали* (<https://books.google.ru/books?id=zg1NDAAAQBAJ&pg=PT18&lpg=PT18&dq>. Дата обращения 12.01.2017). *Пословица не реализует назидательной функции, она выступает в качестве номинации ситуации, обобщённый тип которой определяется соответствующим рассказанной истории благодаря семантике градации несчастья: **напасть** – **вовсе пропасть**. Таки образом, персонаж, по сути, говорит: «Я пропала».*

Рассмотрим ещё один пример:

Комель мрачно кивнул.

– Две, говоришь?

– Две, – кивнул Брань, уходя. – И не дури.

– Уже день долой! – крикнул корчмарь.

– Ты, Еська, шустёр, ка меч остёр! – Здрав, не останавливаясь, покачал головой. – Да так и быть!

*– Откуда ж вы такие берётесь? – Едва стражник ушёл, комель глыбой навис над новым постояльцем и зашипел тому прямо в лицо. – Как придёт **напасть**, хоть **вовсе пропасть!*** (<https://books.google.ru/books?id=aBLo1x3YI-gC&pg=PT24&lpg=PT24&dq>. Дата обращения 12.01.2017). Посредством пословицы персонаж характеризует собеседника как источник угрозы, практически говорит: «От вас один вред/несчастья». Насколько правомерно вообще включение пословицы в контекст в подобной функции? Здесь видится избранная автором определённая программа общей стилизации под народный язык речи персонажей, которая достигается именно за счёт использования устойчивых фольклорных формул: *шустёр, как меч остёр; день долой; Да так и быть!* В подобном контексте пословица используется, фактически, в функции поговорки – не выражает умозаключение, а характеризует человека. Собственно же семантика 'несчастье губит человека' контекстом употребления не «поддерживается», а суть смыслового приращения заключается во внедрении в прагматический смысл пословицы компонента 'где вы – там несчастья'.

Как мы видим, в прямое взаимодействие с дискурсом вступает не непосредственно паремическое значение – его ресурсом подобные смысловые преобразования малообъяснимы. Существенные для смыслообразования факторы расположены в области прагматического компонента паремической семантики, который является следствием и реализации внутренней формы высказывания, и результатом взаимодействия смысловых и оценочно-прагматических компонентов в структуре самого умозаключения, то есть в его когнитивно-прагматическом пространстве.

Фактор внутренней формы в организации когнитивно-прагматического пространства пословицы сложно переоценить: внутренняя форма выступает как (а) «проводник» невербального в вербальное, как (б) ключевой фактор включения паремии в синтагму, как (в) объективация знакопорождающего фрейма и т. д. В силу прозрачности внутренней формы и явной ситуативной обусловленности умозаключения пословицы смысл как «явленный мотив», имеющий два варианта дискурсивного воплощения: этимологический (мотивация внутренней формой высказывания) и коммуникативный (определяемый контекстом и ситуацией) [8], – формируется путём одновременной актуализации и того, и другого. Как мы видим на ранее приведённых примерах, внутренняя форма под воздействием контекстуальной интенции и ведущих топиков дискурса по-разному реализует свой мотивирующий потенциал:

Контекст. пример	Дискурсивная интенция	Дискурсивные топики	Прагматический смысл
(1)	‘повествование о длительных злоключения персонажа’	<i>Чтобы спасти, надо... Все сочувствовали, но... Расплакалась... Все сочувственно молчали...</i>	‘человек остаётся со своим несчастьем один на один’
(2)	‘диалог о проблемах с угрозами’	<i>Глыбой навис... Зашипел прямо в лицо...</i>	‘где вы – там несчастья’

Контекст. пример	Дискурсивный фрейм	Паремический концепт	Паремический фрейм	Внутренняя форма
(1)	«Беда/Злоключение»+ «Одиночество»+ «Взаимопомощь» + «Отчаяние»	«Беда/Несчастье»	«Беда/Несчастье» + «Судьба» + «Крах»	‘случится беда – человека <u>погубит</u> ’
(2)	«Беда/Злоключение» + «Опасность» + «Угрозы» + «Расплата»	«Беда/Несчастье»	«Беда/Несчастье» + «Человек как носитель несчастья» + «Опасность для окружающих»	‘случится беда – человека погубит’

Таким образом, как мы видим, смысловые изменения, протекающие без изменения формы прецедентного текста пословицы, обусловлены взаимодействием не столько обобщённого значения, сколько его когнитивного субстрата с фреймовой структурой, воплощённой в контексте. Прагматический фактор семантики при этом играет роль стереотипно-оценочного вектора:

Контекст. пример	Оценка ситуации	Оценочно-эмоциональный компонент обобщённого значения	Аксиологический компонент паремического значения	Дискурсивно обусловленная ценностно-ориентированная прагматическая рекомендация
(1)	‘сочувствие/сопереживание’	‘событие пугает и ввергает в депрессию’	Антиценность «Отчаяние»	‘не будь равнодушен к чужому горю’
(2)	‘осознание угрозы от чужих проблем’	‘чужие проблемы раздражают и будят агрессию’	Антиценность «Оставление в беде»	‘не повергай опасность других из-за своих проблем’

Обозначенные ценностные ориентации смысла, выражаемого паремией в контексте, носят амбивалентный характер и реализуются в зависимости от того, с позиции какого из персонажей/участников коммуникации они семантизированы, но само содержательное ядро ценности остаётся неизменным: в первом случае контекстуального употребления – это «Надежда на помощь/Вера во взаимовыручку», во втором случае – «Личная ответственность за свои проблемы». Таким образом, ценностный смысл «производится» в условиях взаимодействия когнитивного основания паремического значения и дискурсивной интенции, в то время как исходная ценностная ориентация обобщённого значения пословицы может быть определена только в ракурсе антиценности «Отчаяние».

Выводы

При всей кажущейся очевидности дидактического смысла, транслируемого паремиями, в ходе детального моделирования паремической семантики и нюансов её реализации в дискурсивных условиях обнаруживаются механизмы лингвокогнитивного и лингвопрагматического свойства, которые раскрывают для исследователя закономерности и факторы работы этноязыкового сознания в той его части, что обусловлена стереотипно-оценочной категоризацией, получившей своё системное выражение в паремическом фонде языка.

Сам механизм и методическая процедура когнитивно-прагматического моделирования не ограниваются приведённым алгоритмом и мыслятся как гибкая и ситуативно актуализируемая система исследовательских операций, нацеленных на выявление системных связей вербального и довербального в семантическом пространстве русской паремиологии.

Примечания

1. *Алефиренко Н. Ф.* Русистика и современный «лингвистический постмодернизм». Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1. С. 4.
2. *Алефиренко Н. Ф.* Смысл, модусные концепты и значение // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31(322). С. 9.
3. *Нечипорчик Е. В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. С. 19.
4. *Алефиренко Н. Ф.* Смысл, модусные концепты и значение. С. 10.
5. *Семенов Н. Н., Шипицына Г. М.* Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. С. 78–81.
6. *Семенов Н. Н.* Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол : РОСА. 2011. С. 346–348.
7. *Семенов Н. Н.* Образный потенциал внутренней формы поговорок в аспекте дихотомии «внешнего – внутреннего дискурса» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Киров: «Университет-Плюс». 2016. № 1(7). С. 117.
8. *Алефиренко Н. Ф.* Смысл, модусные концепты и значение. С. 10.

Notes

1. *Alefirenko N. F.* *Rusistika i sovremennyy «lingvisticheskiy postmodernizm»* [Russian studies and modern "linguistic postmodernism." Minsk. National Institute of Higher Education. 2009. Part 1. P.4.
2. *Alefirenko N. F.* *Smysl, modusnye koncepty i znachenie* [Meaning, modus concepts and importance] // Herald of the Chelyabinsk State University. 2013, No. 31(322), p. 9.
3. *Nechiporchik E. V.* *Otrazhenie cennostnykh orientacij v paremiyah* [Reflection of value orientations in proverbs]. Gomel. GSU n.a. F. Skorina. 2015. P. 19.
4. *Alefirenko N. F.* *Smysl, modusnye koncepty i znachenie* [Meaning, modus concepts and value]. P. 10.
5. *Semenenko N. N., Shipitsyna G. M.* *Russkaya poslovica: funkcii, semantika, sistemnost'* [Russian proverb: functions, semantics, consistency]. Belgorod . Publishing house of BSU. 2005. Pp. 78-81.
6. *Semenenko N. N.* *Russkie paremi: funkcii, semantika, pragmatika* [Russian paremia: functions, semantics, pragmatics]. Stary Oskol. ROSA. 2011. Pp. 346-348.
7. *Semenenko N. N.* *Obraznyy potencial vnutrennej formy pogovorok v aspekte dihotomii «vneshnego – vnutrennego diskursa»* [Shaped potential of the inner form of idioms in the aspect of the dichotomy "inside / outside discourse"] // *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* – At the intersection of languages and cultures. Topical issues of the Humanities. Kirov. "Universitet-Plus". 2016, № 1(7), p. 117.
8. *Alefirenko N. F.* *Smysl, modusnye koncepty i znachenie* [Meaning, modus concepts and value]. P. 10.

УДК 81.373

Н. А. Переверзева

О разных подходах к изучению контекста в лингвистике

В статье представлен теоретический обзор различных подходов к пониманию контекста речевого общения в лингвистике. На основе разных методик контекстуального анализа автор рассматривает содержание некоторых научных трудов, где контекст представлен как словесное окружение данной языковой единицы. Для его дефиниции учёные (В. А. Колеватов, К. Штейнбух, Д. Н. Шмелев, М. Пинкаль, В. Шмидт, Т. Слама-Казаки и др.) использовали самые разнообразные критерии, из которых следует, что наиболее приемлемым является контекст общих знаний. Контекстом является и жизненный опыт, и исторический опыт, и возраст, и пол участников коммуникации, их культурный уровень, включающий их язык, привычки,

их отношения друг к другу и сами эти отношения. Именно определенный контекст способствует как созданию метафоры или метонимии, так и её правильному восприятию.

The article presents a theoretical analysis of various approaches to understanding of context of speech communication in linguistics. On the basis of different teaching techniques of a context analysis the author considers the content of some research where the context is presented as a verbal environment of a language unit. To define it the scientists (V. A. Kolevator, K. Shteinbuch, D. N. Shmelyov, M. Pinkal, V. Shmidt, T. Slama-Cazazzi) used ~~some~~ various criteria leading to the conclusion that the most acceptable is the general knowledge context. The context is life experience, historical experience, communication participants age and sex, their cultural level including their language, habits, their relations to each other and the relations themselves. Namely the definite context promotes to both creating metaphor or metonymy and its correct perception.

Ключевые слова: контекст, текст, информация, языковая действительность, ситуация, человек, денотат, метафора, метонимия.

Keywords: context, text, information, language reality, situation, human being, denotation, metaphor, metonymy.

В лингвистике существуют различные подходы к пониманию контекста, как более узкие, в соответствии с которыми контекст рассматривается лишь как вербализованная информация, так и более широкие, соотносящие контекст с неязыковой действительностью и неязыковой информацией. Мы постараемся рассмотреть в ходе наших рассуждений несколько теорий контекста таких авторов, как В. А. Колеватов, К. Штейнбух, Д. Н. Шмелев, М. Пинкаль, В. Шмидт, Т. Слама-Казаци, С. И. Канонич и др.

Любое исследование в области лингвистики при рассмотрении семантических отношений не даст однозначных результатов без учета такой категории лингвистики, как контекст речевого общения. Материализованной формой передачи языковой информации является, как известно, текст. Закономерности создания текста даны носителю языка изначально. Он пользуется для построения текста данными ему вербальными средствами, при этом отбор этих средств обычно не вызывает трудностей в оформлении текста со стороны его составителя.

Создатель текста знает правила оформления текста средствами языка, но в тексте могут быть преднамеренно нарушены, например, грамматические связи, как это имеет место в тексте телеграмм, кодированных текстах и т. п. Вышеупомянутая материализованность текста заключается в том, что мысль может стать «общественным достоянием», выраженным в знаках. Мысль с помощью языковых знаков объективируется, «отделяется» от породившего ее человека. Но данные средства дают возможность овладеть ею. В. А. Колеватов считает, что функционирование системы знаков возможно лишь тогда, когда «известны правила оперирования ими, которые позволяют включить их в человеческую коммуникацию» [1]. Эти правила не являются достоянием языка, они относятся к внеязыковой сфере, что заставляет исследователя принять как объект исследования при рассмотрении средств организации текста дополнительно и внеязыковые факторы речевой коммуникации.

Термин «информация» соотносится в лингвистике с научным понятием, включающим обмен сведениями между людьми. Наиболее приемлемым для лингвистического исследования определением можно, видимо, считать определение К. Штейнбуха, согласно которому информацией является сообщение, преобразованное отправителем в какую-либо систему сигналов, которую адресат снова преобразует в сообщение [2]. Генетической исходной функцией информации является, таким образом, обеспечение сообщения: «передача информации от индивида к индивиду, от одной социальной группы к другой есть важнейшее условие и средство общения» [3]. Являясь, как и предложение, единицей речи, но единицей более высокого порядка, текст, как и предложение, может быть эллиптизированным, то есть в акте речевой коммуникации могут опускаться избыточные, по мнению создателя текста, компоненты смысловой структуры текста. Объем смысла, информации и коммуникативно-информационной ценности текста при этом не страдают, так как другие факторы, которые обычно входят в понятие неязыковой действительности, удерживают необходимый коммуникативный уровень. Обычно под этими факторами понимается контекст [4].

Метафоры и метонимии представляют собой, с одной стороны, синонимы к уже существующим словам, а с другой – омонимы к своим исходным единицам. Можно себе представить нормально оформленный текст и текст эллиптизированный, в котором впервые употреблена метафора. Представим себе, что кто-то впервые употребил развернутую метафору: *У него котелок не варит*. Контекстом в данном случае может быть обстановка, где говорилось о мыслительной деятельности кого-либо. Сказав это предложение, говорящий мог пальцем постучать себе по виску,

то есть употребить жест, соотносимый с оценочностью умственных способностей кого-либо, и т. д. Употребив в отношении чьей-то головы *Gedankengenerator*, говорящий предполагает, что в контексте знаний слушающего есть место слову «генератор», и он знает о его функции.

Как считает Д. Н. Шмелев, безусловных показателей для разграничения многозначности и омонимии нет. «Ведь мы, как правило, не задумываясь, и безо всякого труда узнаем, в каком из своих значений употреблено в той или иной фразе многозначное слово, именно потому, что контекст (реально осуществленный в речь или предполагаемый ситуацией) указывает это значение. Нам не приходится смотреть в словарь (как это бывает при чтении текста на чужом языке), чтобы понять, несмотря на многозначность слова, как такового, о чем идет речь» [5].

Влияние неязыковых факторов на формирование высказывания в виде текста иногда отрицается некоторыми лингвистами [6]. Но если согласиться, а не согласиться с этим трудно, что именно внешний мир с его связями определяет мышление, то следует согласиться и с тем, что это обязательно отражается на структуре и наполнении вербальной формы. Уже сам контекст определяет возможность или необходимость назвать кого-то *чурбаном, дубиной или пеньком с глазами*. Как считает М. Пинкаль, почти все выражения естественных языков зависят в своем содержании в той или иной мере от ситуации, в которой они высказываются [7]. Такую ситуацию он называет контекстом высказывания (*Äußerungskontext*).

В практике языкознания, в преподавании родного или иностранного языка под контекстом в большинстве случаев традиционно понимается словесное окружение какой-то данной языковой единицы. Словесное окружение в качестве контекста положил в основу своей теории актуального значения слова В. Шмидт [8]. Можно представить себе следующую ситуацию. Автомобилист обрызгал прохожего, на что тот крикнул «Дерьмо собачье!» Понял метафору водитель, поняли прохожие, хотя никакого словесного окружения здесь не было. Был контекст, позволивший употребить этот троп. Поэтому нельзя согласиться с А. В. Бондарко, который в основу дефиниции контекста вкладывает окружение языковой единицы в парадигматической системе и в речи, что приводит его к выделению «социального контекста» [9], то есть контекст – это внутриязыковая среда. С. И. Канонич считает контекст, как и текст, коммуникативной единицей, и у него же находим выражение «текст как единица контекста» [10], что опять же возвращает нас к понятию контекста как части текста, а текста как части контекста.

Концепцию контекста предложила Т. Слама-Казацци, считающая, что контекст формируют внеязыковые и языковые средства, он может быть выражен жестами, мимикой, а главное – это ситуация, которая окружает слово и определяет его смысл [11].

Представители некоторых теорий контекста считают, что для осуществления языковой коммуникации необходимо, чтобы подобные друг другу образы знака и означаемого и связи этих образов существовали в голове тех, кто общается. Только тогда слова говорящего будут вызывать соответствующие образы у слушающего. Этот образ мира, составляющий общее знака говорящего и слушающего и предваряющий и определяющий восприятие (смысл) знака, и является тем, к чему теперь приходят лингвисты, именуя по-разному то, что подразумевается под контекстом, «предпосылкой» (*Voraussetzung*), «презумпцией» или «пресуппозицией» (*Präsupposition*) [12].

Наиболее, видимо, удачными и близкими по своей сущности к идее, вкладываемой в понятие контекста, являются попытки увязать его с внеязыковой действительностью. Так, Е. Р. Курилович включает в свое понятие контекста не только словесное окружение, но и элементы «внешней ситуации» [13]. Таким образом, объектом лингвистического исследования на уровне семантики может быть только прагматическое и семантическое двуединство – текст и контекст [14].

Нам близка такая точка зрения, и поэтому под контекстом мы понимаем далее информацию, не выраженную языковыми знаками. Она не может быть средством вербального общения, но она является потенциальной базой для создания текста: эту информацию несет окружающая действительность, или же она является отражением внешнего мира и его внутренних отношений в сознании человека. Во внешнем мире носителями информации являются предметы и явления с их взаимосвязями; в сознании людей это опыт, знания, привычки, общественно-социальная практика и т. п. Текст немислим без контекста так же, как контекст без текста. Окружающая природа только тогда становится контекстом, когда мы заговорим о ней. Временные и пространственные характеристики высказывания (текста) адекватны этим же характеристикам контекста, иначе было бы невозможно понимать высказываемое. Смысл высказывания выражается в том, что он обнаруживает соответствие вещей в определенных условиях [15].

Мы поддерживаем также точку зрения Б. А. Малинина, который считает, что участники коммуникативно-речевого акта, как и их духовный мир, являются частью реальной действительности, то есть контекста. Контекстом является и исторический опыт, и жизненный опыт,

возраст и пол участников коммуникации, их отношения друг к другу и сами эти отношения, их культурный уровень, включающий их язык и привычки [16].

Подобную дефиницию мы находим и у упоминавшегося выше М. Пинкаля, считающего, что «к контексту высказывания относится не только языковой “предконтекст” (Vorkontext) и непосредственная ситуация высказывания, но и все, что каким-либо образом может иметь влияние на значение» [17], где под «все» следует понимать названные Б. А. Малининым компоненты внеязыкового контекста. Само собой разумеется, что в каком-то акте речевого общения не всегда могут «присутствовать» все необходимые контексты для однозначного определения релевантных параметров. Контексты адресанта могут быть шире, чем у адресата, что объясняется, в первую очередь, разницей их знаний как картины внешнего мира, так и знаний о языке, являющихся одним из компонентов контекста как такового. Фрагмент внеязыкового контекста, имеющийся в распоряжении говорящего, охватывает, таким образом, весь его жизненный опыт к моменту высказывания.

Но иногда, оставляя без внимания носителей языка, лингвисты наделяют лексическую единицу свойством что-либо обозначать, называть, на что-то указывать и т. п. Тогда создается впечатление одушевленности слова: оно что-то делает, а носитель языка в качестве коммуниканта должен разгадывать загадки, задаваемые ему словом. На деле же коммуниканты всегда знают на основе контекста, что и как должно и может быть сказано, как должно быть построено высказывание, что и в какой мере должно быть выражено эксплицитно, а что поможет понять контекст – основная база интерпретации языковых фактов [18]. «Вне контекста смысл многозначного знака остается неизвестным. Поэтому причины языковых недоразумений не просто в многозначности слов, а еще в недостаточности контекста», – считает Л. И. Ибраев.

Сегодня никому не придет в голову «отрицать, что конкретный смысл слова всегда определяется... контекстом его применения» [19].

Мы считаем, что именно определенный контекст способствует, с одной стороны, как созданию метафоры или метонимии, так и ее правильному восприятию. Вне контекста употребления любая метафора или метонимия остается, если она стала узуальной, достоянием контекста знаний, если ее вообще можно вне контекста считать метафорой или метонимией. «Переломать кому-либо костыли» – это всем понятно, особенно в контексте угрозы и в этой развернутой метафоре. Просто же «костыли» – это звуковой комплекс, соотносимый (могущий быть соотношенным) с предметами медтехники, помогающими при передвижении человеку с повреждениями ног. Более редко, при другом контексте знаний, например у железнодорожников, это детали крепления рельс на шпалах. Чтобы понять под «костылями» ноги, в контексте высказывания или бытовом контексте должен присутствовать человек: я ему костыли переломал, чего костыли расставил, выставил и т. д. Подобная метафора иногда рассматривается как последовательная, а сам контекст – как метафорический [20].

Без привлечения контекста невозможно изучить иностранный язык, так же как научить ему, так как, по убеждению Э. Косериу, разделяемому В. Г. Гаком, нельзя говорить на языке, зная только его систему: нужно знать норму применения этой системы согласно ситуациям и контекстам [21]. Контекст, подразумевающий как свою составную часть и языковые привычки, навыки оформления информации в языковом плане, включает в себя и определяемую этими факторами повторяемость готовых конструкций, набор которых постоянно имеется в сознании человека.

Примечания

1. Колеватов В. А. Социальная память и познание. М. : Мысль, 1984. 190 с.
2. Штейнбух К. Автомат и человек: Кибернетические факты и гипотезы. М. : Наука, 1967. 217 с.
3. Колеватов В. А. Указ. соч.
4. Амосова Н. Н. Слово и контекст // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Уч. записки ЛГУ № 243. 1958. Сер. филологических наук. Вып. 42. С. 42–49.
5. Храпченко М. Б. Текст и его свойства. Вопросы языкознания. М. : 1985. № 2. С. 5–13.
6. Там же.
7. Faulseit D. Gutes und schlechtes Deutsch. Lpz. : VEB Bibliographisches Institut, 1972. 154 S.
8. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Berlin : Akademie –Verlag, 1967. 130 S.
9. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13–23.
10. Канонич С. И. Принципы типологии контекстных грамматических категорий // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 18–27.
11. Slama-Cazacy Leistung und Grenzen des sozialen Kontextes sprachlichen Verhaltens (Pragmatik). Interdisziplinäre Beiträge zur Erforschung der sprachlichen Kommunikation. Hrsg. von S. J. Schmidt. München, 1974. S. 118–131.

12. *Ибраев Л. И.* Надзнаковость языка // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 17–35.
13. *Курилович Е.* Заметки о значении слова. Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 241–254.
14. *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. Литература и язык. 1981. Т. 40. № 40. С. 114–123.
15. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М. : Наука, 1958. 234 с.
16. *Малинин Б. А.* Диада текст и контекст: проблемы дефиниции и взаимосвязи // Вопросы синтаксиса и стилистики текста в современном немецком языке. Пятигорск : ПГПИИЯ, 1986. С. 131–136.
17. *Pinkal M.* Kontext und Bedeutung. Tübingen: Volk und Wissen, 1977. 168 с.
18. *Шавкун Н. С.* Атрибутивный композит или атрибутивное словосочетание как альтернативные средства номинации в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2001. 248 с.
19. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. М. : Просвещение, 1977. 335 с.
20. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1969. 608 с.
21. *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы. М. : Наука, 1977. С. 108–124.

Notes

1. *Kolevatov V. A.* *Social'naya pamyat' i poznanie* [Social memory and cognition]. M. Mysl'. 1984. 190 p.
2. *SHtejnjuh K.* *Avtomat i chelovek: Kiberneticheskie fakty i gipotezy* [Machine and people: the Cybernetic facts and hypotheses]. M. Nauka. 1967. 217 p.
3. *Kolevatov V. A.* Op. cit.
4. *Amosova N. N.* *Slovo i kontekst* [The word and the context] // *Ocherki po leksikologii, frazeologii i stilistike. Uch. zapiski LGU № 243. 1958. Ser. filologicheskikh nauk* – Essays on lexicology, phraseology and stylistics. Scient. Notes of LSU No. 243. 1958. Ser. Philology. Is. 42. Pp. 42–49.
5. *Hrapchenko M. B.* *Tekst i ego svojstva.* [Text and its properties] // *Voprosy yazykoznanija* – Questions of linguistics. M. 1985, No. 2, pp. 5–13.
6. Ibid.
7. *Faulseit D.* *Gutes und schlechtes Deutsch.* Lpz. : VEB Bibliographisches Institut, 1972. 154 p.
8. *Schmidt W.* *Lexikalische und aktuelle Bedeutung.* Berlin : Akademie-Verlag, 1967. 130 p.
9. *Bondarko A. V.* *Opyt lingvisticheskoy interpretatsii sootnosheniya sistemy i sredy* [Experience of linguistic interpretation of the relation of system and environment] // *Voprosy yazykoznanija* – Questions of linguistics. 1985, No. 1, pp. 13–23.
10. *Kanonich S. I.* *Principy tipologii kontekstnykh grammaticheskikh kategorij* [Principles of contextual typology of grammatical categories] // *Voprosy yazykoznanija* – Questions of linguistics. 1955, No. 3, p. 18–27.
11. *Slama-Cazacy* Leistung und Grenzen des sozialen Kontextes sprachlichen Verhaltens (Pragmatik). Interdisziplinäre Beiträge zur Erforschung der sprachlichen Kommunikation. Hrsg. von S. J. Schmidt. München, 1974. Pp. 118–131.
12. *Ibraev L. I.* *Nadznakovost' yazyka* [Neznalost language] // *Voprosy yazykoznanija* – Questions of linguistics. 1981, No. 1, pp. 17–35.
13. *Kurilovich E.* *Zametki o znachenii slova. Ocherki po lingvistike* [Notes on the meaning of the word. Essays in linguistics]. M. Publ. of Foreign lit. 1962. Pp. 241–254.
14. *Bulygina T. V.* *O granicah i sodержanii pragmatiki* [About the boundaries and content of pragmatics] // *Izv. AN SSSR. Ser. Literatura i yazyk* – News of USSR AS. Ser. Literature and language. 1981, vol. 40, No. 40, pp. 114–123.
15. *ZHinkin N. I.* *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of speech]. M. Nauka. 1958. 234 p.
16. *Malinin B. A.* *Diada tekst i kontekst: problemy definitsii i vzaimosvyazi* [Dyad the text and the context: problems of definitions and relations] // *Voprosy sintaksisa i stilistiki teksta v sovremennom nemeckom yazyke* – Questions of syntax and stylistics of the text in modern German. Pyatigorsk. PSPFL. 1986. Pp. 131–136.
17. *Pinkal M.* Kontext und Bedeutung. Tübingen: Volk und Wissen, 1977. 168 p.
18. *SHavkun N. S.* *Atributivnyj kompozit ili atributivnoe slovosochetanie kak al'ternativnye sredstva nominatsii v nemeckom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk* [Attribute or composite attribute the phrase as an alternative means of nomination in the German language : dis. cand. filol. sciences]. Pyatigorsk. 2001. 248 p.
19. *SHmelev D. N.* *Sovremennyy russkij yazyk* [Modern Russian language]. M. Prosveshchenie. 1977. 335 p.
20. *Ahmanova O. S.* *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M. Sov. ENCYCLOPAEDIA. 1969. 608 p.
21. *Gak V. G.* *K tipologii lingvisticheskikh nominatsij. Yazykovaya nominatsiya. Obshchie voprosy* [To the typology of linguistic categories. The language nomination. General questions]. M. Nauka. 1977. Pp. 108–124.

Метафорический образ Голгофы в массмедийных текстах

В предлагаемой статье выявляется семантико-прагматический и ассоциативный потенциал метафорического образа *Голгофы* в массмедийных текстах как фрагмента русской языковой картины мира. Определяются особенности реализации образа *Голгофы*, его синтагматический и парадигматический потенциал. В работе подчеркивается значимость и ценность Библейских текстов как источника прецедентности, что связано с широкой образностью библеизмов и разнообразием их интерпретации. В статье доказывается, что при частичном сохранении денотата в контекстах данная единица приобретает новые коннотативные семантические компоненты, которые формируют отличные от словарных дефиниций значения. Данные смыслы и дают возможность охарактеризовать метафорический потенциал ключевой единицы *Голгофа* и особенности ее реализации в массмедийных текстах.

In the offered article the semantic, pragmatical and associative potential of a metaphorical image of *Golgotha* in mass media texts as fragment of the Russian language picture of the world comes to light. Features of realization of an image of *Golgotha*, its syntagmatical and paradigmatic potential are defined. In work the importance and value of Bible texts as precedent source is emphasized that is connected with wide figurativeness of bibleizm and a variety in their interpretation. In article it is proved that in case of partial preserving a denotat in contexts this unit purchases new semantic components which create values, other than dictionary definitions. These meanings also give the chance to characterize the metaphorical potential of key unit *Golgotha* and features of its implementation in mass media texts.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, прецедентный текст, метафора.

Keywords: political text, political discourse, political communication, precedent text, metaphor.

Описание механизмов создания политических текстов, семантики и прагматики текстовых конструкций включает глубокое исследование политической метафористики, которая представляется ценным фрагментом политической картины мира, позволяющим организовать политический текст на уровне адресантно-адресатных отношений. В современной лингвистике наблюдается активизация научных исследований, которые опираются на новые теории в сфере семантики текста и функционирования языковых единиц в коммуникативно-прагматическом и лингвокогнитивном аспектах (А. Н. Баранов, Л. Е. Бессонова, Ф. С. Бацевич, Р. Водак, В. З. Демьянков, М. Джонсон, О. П. Ермакова, М. В. Ильин, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Н. А. Купина, А. А. Романов, Т. Г. Скребцова, Л. А. Ставицкая, Т. В. Радзиевская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Г. М. Яворская). Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических полей политического дискурса определила необходимость описания метафорических значений, которые актуализируют в политическом тексте специфику метафорических переносов неполитических значений в пространство политического языка.

Цель данного исследования – определить особенности реализации метафорического образа *Голгофа* в массмедийных текстах.

По мнению В. Г. Костомарова, «весь “арсенал” метафор используется прежде всего для изображения негативных сторон политики, экономики, социальной обстановки в целом для “разоблачения”, точнее – образного обругивания политического противника» [1]. Одна из ключевых функций языка, функция воздействия, все активнее переносится на метафору, которая становится не способом украшения текста, а возможностью воздействия на адресата.

Интерес лингвистов к исследованию метафоры, возросший на рубеже XX–XXI вв., определяется пристальным вниманием к языковой картине мира носителя той или иной культуры, его системе ценностей и национально-культурному опыту. Ученые акцентируют внимание на антропоцентричности метафоры, то есть на «соизмеримости сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям этих сущностей» [2]. Такое соотношение объектов весьма логично вписывается в антропоцентрическую парадигму современной лингвистики и является основой познания человеком окружающего мира посредством собственной активной деятельности и использования артефактов.

Реализуясь в коммуникации и текстах различных типов, исходное значение слова становится источником метафорических значений и может характеризоваться, по определению Г. И. Кустовой, как способ концептуализации некоторой внеязыковой реальности, который «предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых под эту схему [3]. Ученый подчеркивает, что метафора как тип переноса является всего лишь частным случаем осмысления одного (нового, неосвоенного, но по каким-то параметрам сопоставимого) через другое (данное, освоенное) [4]. Полностью соглашаясь с данным тезисом, добавим, что перенос значения с освоенного на неизвестное возможен только при апеллировании к аудитории, владеющей знаниями об исходном денотате и умеющей установить ассоциативные связи между предметами. Именно поэтому метафоры культурно ориентированы и национально-специфичны. Более того, массмедийные тексты указывают на динамический характер метафор и неоднозначность их интерпретации, которая зависит от позиции адресанта и адресата. Э. Будаев отмечает, что «положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентации человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [5].

В лингвистических исследованиях метафора связывается с полисемией, в частности, с одной из ее разновидностей – нерегулярной полисемией. Т. Г. Скребцова представляет внутреннюю структуру полисеманта «в виде сетевой модели, узлы которой характеризуются разной степенью центральности и когнитивной выделенности и связаны между собой отношениями различной природы и разной степени близости» [6]. Такое ранжирование «узлов» в структуре единицы и перенос «узла» одной единицы в «сетевую модель» единицы иной понятийной области определяется исследователями как метафоризация.

Обзор научной литературы, посвященной исследованию метафоры в массмедийных текстах (работы В. Н. Базылева, А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, Л. Е. Бессоновой, М. Джонсона, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Дж. Лакоффа, В. Н. Телия, А. П. Чудинова, Г. М. Яворской), позволяет интерпретировать данный термин как инструмент для осознания, моделирования и оценки социально-политических, экономических и культурных процессов, способ воздействия на социальное сознание. В нашей статье в качестве иллюстрации приведенного тезиса выявляется семантико-прагматический и ассоциативный потенциал метафорического образа **Голгофы** в массмедийных текстах как фрагмента русской языковой картины мира.

Как известно, у христиан **Голгофа** (холм недалеко от Иерусалима) считается местом мучений, страданий, поскольку, согласно данному вероучению, там был распят Иисус Христос. Фразеологические источники фиксируют устойчивую конструкцию *Взойти на Голгофу* со значением «принять страдания, муки» [7], значение которой является производным от ее религиозной интерпретации.

Анализ массмедийных текстов позволил сделать вывод о том, что при частичном сохранении денотата в контекстах данная единица приобретает новые коннотативные семантические компоненты, которые формируют отличные от словарных дефиниций значения. Данные смыслы и дают возможность охарактеризовать метафорический потенциал ключевой единицы **Голгофа**.

В любом государстве наступают переломные моменты, которые можно сравнить с определенными испытаниями как для политиков, так и для граждан страны. Испытания возможны в виде экономического или политического кризиса, военных конфликтов, внутрисоциальных проблем или сложностей во внешней политике. Освещение таких событий, бесспорно, находит свое отражение в массмедийных текстах. В подобных конструкциях метафорический образ **Голгофы** как испытания является весьма активным и отражает различные сферы жизни государства и общества: **Сырная голгофа Украины** (hallpravda.info, 01.10.2016) – синтагма «сырная Голгофа» указывает на то, что в стране продовольственный кризис; **Смертельная опасность «красной голгофы»**. Вблизи Красноярска госкорпорация «Росатом» планирует строительство крупнейшего в мире ядерного могильника, где собираются захоронить радиоактивные отходы, (politobzor.net, 25.06.2013) – синтагма «красная Голгофа» указывает на то, что стране и миру грозит серьезная экологическая опасность, которая может привести к пагубным последствиям. В данном контексте адъектив *красный* интерпретируется в значении «опасность» и апеллирует к символам-знакам «радиоактивная опасность» и одному из символических значений красного цвета. Так, в римской мифологии красный как цвет крови ассоциируется с богом войны **Марсом**; в некоторых культурах – с кровью и опасностью.

Весьма активно в массмедийных текстах наблюдается явление контаминации, при котором в контекстах совмещается несколько прецедентных библеизмов. Данный факт, на наш взгляд, обусловлен желанием адресантов текста описать политические события посредством их сравнения с библейскими ситуациями. Такой прием позволяет авторам насытить политический текст резкой экспрессией: *Иудина измена, **Голгофа** и Пасха Украины. Украина прошла Великий пост и празднует Пасху. Может ли для отдельной страны существовать свой Гефсиманский сад? Свой Страстной путь? Своя Пасха? И если ответ утвердительный, то что Украина проходит сейчас?* (www.mk.mk.ua, 12.04.2015). Данный контекст обращает внимание на испытания украинского народа, через которые он должен прийти к желаемому результату. С тождественной семантикой ключевая единица **Голгофа** реализуется и в следующем контексте: *Ныне многие говорят о том, что Украина проходит свой Крестный Путь и переживает свою Голгофу* (www.mk.mk.ua, 12.04.2015). Усиление коннотации происходит за счет расширения контекста посредством устойчивой конструкции **Крестный Путь**. Лексикографические источники определяют **Крестный Путь** как новозаветный эпизод, составную часть Страданий Иисуса Христа, представляющий собой путь на Голгофу, проделанный Иисусом Христом под тяжестью креста; церковное шествие с крестами, иконами, хоругвями [8]. Использование данной конструкции усиливает образный потенциал текста и наводит семантический компонент «испытание».

В массмедийных текстах ключевая единица **Голгофа** может метафорически номинировать политическую власть, которая определяется для политика не как цель, а как испытание: *Кому сейчас на эту Голгофу (пост президента. – Н. С., Ю. К.) захочется залезать? Управлять страной, экономика которой в полном развале, в которой идет гражданская война, и еще неизвестно, чем все это закончится, не так уж много желающих* (svpressa.ru, 14.01.2015).

Цели, поставленные перед государством или его лидерами, важны как для всего общества в целом, так и для каждого отдельного его представителя.

В массмедийных текстах ключевая единица **Голгофа** определяется как результат, как правило, в тех случаях, когда автор хочет описать негативные последствия, к которым приводят деструктивные политические действия: *Два пути на украинскую Голгофу* (antifashist.com, 21.03.2016). В следующем контексте наблюдается парцелляция и в переносном значении употребляется конструкция «всеукраинский мирный», указывающая на то, что этот путь пройден всем украинским народом: *Всеукраинский мирный. Путь Украины на Голгофу* (news24ua.com, 25.07.2016). При развертывании контекста становится очевидной ироничная коннотация, наводимая компонентом «мирный»: *Чем ближе крестоходцы приближаются к столице, тем чаще на их пути встречаются различные провокации. Среди «встречающих» постоянно присутствуют люди в камуфляже, часто – депутаты, также – «крикуны» с транспарантами соответствующего содержания* (news24ua.com, 25.07.2016).

Реализуясь в массмедийных текстах только с негативной коннотацией, ключевая единица **Голгофа** объективирует события разной степени значимости и разного уровня трагичности, формируя при этом различные синтагматические отношения. Так, наиболее активно данная единица функционирует в сочетаниях с топонимическим адъективом: *Американская Голгофа русских сирот* (aftershock.news, 07.01.2013); *Талергоф и Терезин: австрийская Голгофа для русских людей* (politnavigator.net, 04.11.2015); *Донецкая Голгофа. Как Донбасс не дал Украине превратиться в Чили* (novorosinform.org, 08.04.2016); *Белорусская Голгофа. Трагедия случилась в Минске во время праздника Великой Троицы* (www.rususa.com, 29.12.2013). Метафорический образ **Голгофы** отражает не только современные реалии, но и факты, имеющие место в недавнем историческом прошлом. Так, село **Катынь**, получившее известность как место массового убийства польских пленных офицеров и советских граждан органами НКВД, находит отражение в следующем контексте: *Катынь – это российская Голгофа* (rabochy-put.ru, 17.07.2012).

Образ **Голгофы** является актуальным при отражении страданий православных христиан и может отражать одну из двух сфер:

1) топоним, связанный с репрессиями, борьбой за православную веру: *Таких пострадавших за веру, как рассказывал отец, было много. Колымский край – наша российская Голгофа* (КП, 01.09.2011); *В РИА Новости состоится пресс-конференция, посвященная вопросам статуса островов Соловецкого архипелага и проблемам сохранения наследия Соловецкого монастыря в связи с освящением мемориального храма на Русской Голгофе – озере Анзер* (РИА Новости, 06.08.2008); *Участником и свидетелем возрождения Русской церкви, прошедшей через свою Голгофу в XX веке, Ватопед стал также, принеся для поклонения в страну нашу честной пояс Пресвятой Богородицы* (КП, 07.06.2013);

2) личные страдания православного христианина: *Каждый из нас в течение жизни вступает в свой Гефсиманский сад и восходит на свою Голгофу. ...Разумеется, наши Гефсимания и Голгофа несоизмеримы с Господними, ибо испытания посылаются каждому по его силам* (Труд, 03.11.2009).

Субстантивы-топонимы также могут образовывать с ключевой единицей **Голгофа** атрибутивные сочетания: «Голгофа России» – апофеоз новой партократии (evrazia.org, 02.11.2012); Голгофа Новороссии (video.ru, 16.01.2017). Реже в сочетании со стержневым компонентом **Голгофа** входят адъективы из политической, экономической, социальной или других сфер: Преемников называют уже сейчас: Алексей Кудрин, Герман Греф, Сергей Собянин, но это не те фигуры, ради которых дума готова пойти на политическую Голгофу (v1.ru, 18.12.2014); Судебная Голгофа для бойцов «АТО». «Страна» изучила реестр судебных решений, чтобы понять, за что сотни украинских солдат и офицеров получили приговоры во время войны (ukraina.ru, 17.04.2016); Олимпийская Голгофа государства (geo-politica.info, 26.08.2016).

Таким образом, анализ массмедийных текстов позволил выявить контекстные особенности реализации ключевой единицы **Голгофа**. Исследование показало, что данная лексема реализуется на уровне вторичной номинации и наиболее активно входит в тексты социально-политического характера. В массмедийных текстах данная единица является символом трагедии, страданий, проблем. При создании метафорического образа **Голгофы** наблюдаются резкая экспрессия, яркая образность, ироничность, наведение негативной коннотации, что представляется мощным средством воздействия на наивную картину мира читателей и позволяет сформировать определенное отношение к социально-политическим реалиям.

Примечания

1. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М. : Изд-во МГУ, 1971. С. 124.
2. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 3–4.
3. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, 2000. № 4. С. 85–109.
4. Там же.
5. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19.
6. Скребицова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. С. 17.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. С. 135.
8. Там же. С. 306.

Notes

1. Kostomarov V. G. *Russkij jazyk na gazetnoj polose* [Russian language newspaper strip] M. Publ. MSU. 1971. P. 124.
2. Telija, V. N. *Metafora v jazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. M. Nauka. 1988. Pp. 3--4.
3. Kustova G. I. *Kognitivnye modeli v semanticheskoj derivacii i sistema proizvodnyh znachenij* [Cognitive models in semantic derivation and system of derived values] // *Voprosy jazykoznanija* – Questions of linguistics. 2000, № 4, pp. 85–109.
4. Ibid.
5. Budaev E. V. *Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory* [Formation of the neural theory of metaphor] // *Lingvokul'torologija* – Lingua-culture studies. 2007, № 1, p. 19.
6. Skrebcova T. G. *Amerikanskaja shkola kognitivnoj lingvistiki* [American school of cognitive linguistics]. Spb. 2000. P. 17.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij* [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions] / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language n.a. V. V. Vinogradov. 4 ed., add. M. «А ТЕМП» LTD. 2006. P. 135.
8. Ibid. P. 306.

УДК 81'42

Ф. А. Чебышев

Прилагательные с семантикой ожидания в языке современных СМИ и их связь с обозначаемыми объектами

В статье исследуются семантика ожидания и прилагательные как средства её выражения в русском языке на материале текстов печатных СМИ. Дается краткий обзор аспектов изучения семантики прилагательных в лингвистической литературе. Подробно анализируются синтагматические связи слов *неожиданный, долгожданный и нежданный* как прилагательных, наиболее точно выражающих семантику ожидания.

Объекты, характеризующиеся прилагательными, распределены по группам. Для каждого прилагательного представлен свой список сочетающихся с ним существительных. Показывается, что при обозначении лиц обычно используются конкретные существительные множественного числа, обозначающие группу людей, объединённых общей ролью в ситуации. Отмечается, что при обозначении событий и их обстоятельств чаще используются отвлечённые существительные, чем конкретные. Утверждается, что при употреблении прилагательных с семантикой ожидания в языке СМИ сравниваются две ситуации: более ранняя (связанная с прогнозом) и более поздняя (но тоже произошедшая до момента речи).

In the article the semantics of expectation and adjectives as means of its expression in Russian on material of texts of printed media are investigated. The short review of aspects of studying of semantics of adjectives in linguistic literature is given. Syntagmatic relations of words *unexpected*, *sudden* and *long-awaited* as the adjectives which are most precisely expressing semantics of expectation are in detail analyzed. The objects characterized by adjectives are distributed on groups. For each adjective the list of the nouns which are combined with it is submitted. It is shown that at designation of persons the concrete nouns of plural designating group of people united by their common role in situations are usually used. It is noted that at designation of events and their circumstances abstract nouns, than concrete are more often used. It is claimed that at the use of adjectives two situations are compared to semantics of expectation in language of media: earlier (connected with the forecast) and later (but also occurred until the moment of speech).

Ключевые слова: семантика ожидания, имена прилагательные, синтагматические отношения языковых единиц, язык СМИ.

Keywords: semantics of expectation, adjectives, syntagmatics of language units, language of media.

Объектом данного исследования являются имена прилагательные с семантикой ожидания, используемые в языке современных СМИ. Целью статьи является анализ употребляемых с ними слов и словосочетаний.

В лингвистической литературе представлен ряд работ, посвящённых семантике прилагательных, их зависимости от имён существительных и др. [ср. 1–4]. Представим их краткий обзор.

Н. Е. Сулименко отмечает, что «имя прилагательное, называя признак предмета, сохраняет отчетливую зависимость от имени существительного отнюдь не только по своим формальным характеристикам (формам словоизменения, синтаксической позиции и т. п.)... Дальнейшая семантическая дифференциация происходит уже на собственно лексическом уровне с выделением “базисных” признаков, отражающих “заинтересованность” человека в тех сторонах вещи, обозначенной исходным существительным, которые важны прежде всего для операций (в широком смысле слова) с нею» [1].

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода выделяется работа Е. С. Кубряковой «Язык и знание». Автор высказывает мнение, что, если «вещи существуют как наборы свойств, прилагательные все равно отличаются от существительных, ибо фиксируют какое-либо одно свойство» [2]. Это определение стабильности признака хорошо подходит к относительным прилагательным, у которых метафоризация признака или его временное проявление практически не проявляются в речи или тексте.

Е. А. Макарова, также рассматривавшая с позиций когнитивно-дискурсивного подхода качественные прилагательные, пишет, что они «могут передавать как постоянные, вневременные, так и динамические, изменяющиеся признаки, что обусловлено наличием в их значениях общих с глаголом сем процессуальности» [3].

В работе Н. Д. Арутюновой сравниваются качественные и относительные прилагательные. Качественные прилагательные представлены как типичные предикаты ввиду их коммуникативных свойств. Отмечается, что в атрибутивной позиции признак мыслится как присущий субстанции, а в предикативной – как сообщаемый предмету, поскольку при коммуникативном подходе к значению слова функции именованности, референции, идентификации противопоставляются функциям сообщения [4].

Материалом нашего исследования стали 3020 примеров контекстов, извлечённых из «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Новой газеты» за период с сентября 2014 г. по февраль 2015 г. Из них 235 примеров – это наиболее точно выражающие семантику ожидания прилагательные *нежданный* (11 примеров из 3020), *неожиданный* (176 примеров из 3020) и *долгожданный* (48 примеров из 3020). Рассмотрим каждое из этих прилагательных и связанные с ними типы объектов подробно.

Синтагматические связи прилагательного *нежданный*

Нежданный (11 примеров из 3020): *гость (2), порча воздуха, ответ (на санкции), свидетели, пришельцы (люди), роскошь, зима, похвала, заявление, визитёры.*

Ср., напр.: Как рассказали пострадавшие, **нежданные гости** представились сотрудниками ОМОНа и приказали им выйти на улицу (Новая газета № 139 (2280)); Углубляться далее в разбирательство всех обстоятельств происшедшего, выяснять технические подробности **нежданной порчи воздуха** в столице мы сейчас не станем (Российская газета № 258 (6530)); Омским крестьянам удалось отбить у **нежданной зимы** основную часть урожая – под снегом осталось процентов пять (Новая газета № 124 (2265)).

Для данного прилагательного можно выделить две группы сочетающихся с ним существительных:

1. **Лицо (в значении «человек»)** (5 примеров): *гость (2), свидетели, пришельцы (люди), визитёры.*

2. **«Не лицо» (обстоятельства, события, реакция)** (6 примеров): *порча воздуха, ответ (на санкции), роскошь, зима, похвала, заявление.*

Таким образом, распределение по группам у прилагательного *нежданный* в языке СМИ представлено приблизительно в равных пропорциях. В значении лица чаще употребляются конкретные существительные множественного числа, обозначающие группы людей, объединённых общим признаком, общей ролью в ситуации (*свидетели, пришельцы, визитёры*). Группа неличных существительных, как можно видеть, представлена словами с более разнообразной семантикой.

Синтагматические связи прилагательного *неожиданный*

Неожиданный (176 примеров из 3020): *результат (9), ничего (5), проблема (5), заявление (5), открытие (4), решение (4), поворот (4), место (3), отставка (3), образ (3), гость (3), выход (2), вывод (2), визит (2), появление (2), ситуация (2), гипотеза (2), взгляд (2), находка (2), спектакль (2), вещи (2), идея (2), последствия (2), ход (2), роль (2), впечатление (2), ракурс (2), встреча (2), сообщение (2), послание Нурсултана Назарбаева, нечто, финал, победа, импровизации, кончина, ассоциация, нарушения пищеварения, аргумент, сюрпризы, факт, ипостась, с каким достоинством держался Колчак, контрапункты сюжета, обострение конфликта, сложность, финал чемпионата США (по теннису), остановка, знание предмета, закрытие отделения баротерапии, отказ от «Южного потока», что неожиданно, тема, нота, возгорание, маршрут, контрпример, оглашение приговора, фраза, мера, Чулпан Хаматова в роли подростка, травма, подробности, Кибиров, всплеск националистических и фундаменталистских настроений, повод, сокращение, превращения, исход поединка, смерть, активность, пестрота, рост производства, русло, бонус, много неожиданно, действия частного бизнеса, архипелаг, измерение, снижение цен, изменение обстановки, повышение цен, реакция, вид стоянки, оборот, поражение, круги по воде, пейзажи, слово, помощь, записки, изъятие доли сельхозпродуктов, самое неожиданно, восстановление спроса, эксперимент, признание, опыты, развязка, инициатива, модель (экономики), болезнь, мир, симфония, звонок, участники шоу, твист (поворот сюжета), успех, выбор, сюжет, что-то, силы, партия трубы, новелла, лояльность, звучание, отклики, требование, освобождение, параллели, направление.*

Ср., напр.: **Неожиданными** были **результаты** на вопрос о том, что если законы страны входят в противоречие с Конституцией: в том что их все равно надо соблюдать – ответило 24% опрошенных, абсолютное большинство – 60% уверены, что если законы входят в противоречие с правами личности и Конституцией, нужно бороться за их отмену или исправление. Еще 16% затруднились ответить (Независимая газета № 270–271 (6316–6317)); Нет **ничего неожиданно** в том, что подскочившая стоимость всех продуктов питания привела к росту цен в кафе и бистро (Новая газета № 2 (2289)); Как выяснилось, развитие высоких технологий принесло **неожиданную проблему**: солдаты стали брать в караулы личные мобильники и вытворять с ними такое, что ни одному суровому старшине не приснится (Российская газета № 206 (6478)).

Для данного прилагательного мы выделили следующие группы:

1. **Событие и сложившиеся для него обстоятельства** (75 примеров) – *проблема (5), заявление (5), открытие (4), поворот (4), место (3), визит (2), появление (2), ситуация (2), находка (2), спектакль (2), вещи (2), ход (2), послание Нурсултана Назарбаева, нечто, нарушения пищеварения, сюрпризы, факт, обострение конфликта, сложность, остановка, знание предмета, сообщение, встреча, возгорание, мера, травма, подробности, всплеск националистических и фундаменталистских настроений, что неожиданно, сокращение, превращения, активность, пестрота, рост производства, бонус, действия частного бизнеса, снижение цен, изменение обстановки, повышение цен, пейзажи, помощь, изъятие доли сельхозпродуктов, восстановление спроса, болезнь, мир, звонок, что-то, силы, партия трубы, лояльность, требование, освобождение.*

Как видим, в данной группе представлены в основном отглагольные существительные. Они обозначают уже свершившиеся события или то, что способствует их свершению.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *событие* определяется следующим образом: «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт обществен-

ной, личной жизни. *Историческое событие. Неожиданное событие. Международные события*» [5]. Обратим внимание на пример «неожиданное событие», приводимый к данной словарной статье, косвенно подтверждающий частотность сочетания прилагательного *неожиданный* с названиями событий.

В работе Н. Д. Арутюновой «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» отмечается, что с точки зрения лингвистического анализа событие может пониматься в широком смысле – как всё, что «происходит с предметами», и в узком, когда событие «обладает тройкой локализацией: оно локализовано в некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве <...> Субстратом события может быть действие, смена действий, процесс и т. п. Из этого следует, что возможно... совмещение событий с другими непредметными объектами, относящимися к происходящему» [6].

От обозначений собственно события следует отличать следующую группу существительных.

2. Окончательный результат, исход, последствия чего-либо (30 примеров): *результат* (9), *выход* (2), *вывод* (2), *последствия* (2), *финал*, *финал чемпионата США (по теннису)*, *победа*, *кончина*, *много неожиданного*, *закрытие отделения баротерапии*, *отказ от «Южного потока»*, *оглашение приговора*, *исход поединка*, *смерть*, *поражение*, *круги по воде (последствия)*, *развязка*, *звучание*, *отклики*.

В этой группе наиболее частотным является существительное *результат*, в зависимости от контекста выражающее положительную или отрицательную оценку. Также можно отметить, что чаще употребляются примеры, обозначающие негативные последствия (*смерть*, *поражение*, *кончина*). В связи с этим уместно привести рассуждения Н. Д. Арутюновой: «Событие (если при нём нет определения) интерпретируется скорее положительно, а последствия – отрицательно» [7].

3. Интеллектуальная оценка свершившегося события и/или прогноз будущего сценария развития событий: (40 примеров): *решение* (4), *гипотеза* (2), *взгляд* (2), *идея* (2), *впечатление* (2), *образ* (3), *импровизации*, *ассоциация*, *аргумент*, *контрапункты сюжета*, *тема*, *нота*, *маршрут*, *контрпример*, *фраза*, *ракурс*, *самое неожиданное*, *русло*, *измерение*, *реакция*, *слово*, *эксперимент*, *опыты*, *инициатива*, *модель (экономики)*, *твист (поворот сюжета)*, *выбор*, *сюжет*, *новелла*, *параллели*, *направление*.

В этой группе представлены примеры оценки или примерного описания событий. Частое употребление слов *решение*, *гипотеза*, *идея* говорит о тесной связи семантики прилагательных с прогностической функцией СМИ. В случае с прилагательным *неожиданный* это всегда неоправдавшийся или частично оправдавшийся прогноз.

В этой группе наиболее интересным, на наш взгляд, является существительное «образ», так как во всех примерах оно употребляется в составе устойчивого словосочетания *неожиданным образом*, ср.: *И вот troubles – волнения, беспорядки в этой части Соединенного Королевства напомнили о себе, причем весьма неожиданным образом* (Независимая газета № 264–265 (6310–6311)). *Неожиданным образом британский фотожурналист-фрилансер Джон Кентли, взятый в плен ИГ, выступил в роли корреспондента, который рассказывает о событиях в Кобани* (Независимая газета № 235 (6282)); *Де-юре Киев уже успел сделать из бывших сограждан нерезидентов, де-факто – смирился с потерей единственной автономии. Но Крым ответил на это неожиданным для многих образом: инициировал продление переходного периода, подтвердив, что отсоединиться от Украины намного сложнее, чем присоединиться к России* (Новая газета № 132 (2273)).

4. Роль, в которой проявили себя люди (10 примеров): *гость* (3), *роль* (2), *ипостась*, *с каким достоинством держался Колчак*, *Чулпан Хаматова в роли подростка*, *Кибиров*, *участники шоу*.

5. Конкретные предметы (4 примера): *архипелаг*, *вид стоянки*, *записки*, *симфония*.

Синтагматические связи прилагательного *долгожданный*

Долгожданный (48 примеров из 3020): *победа* (2), *проект* (2), *возможности* (2), *событие* (2), *загс*, *речь*, *подарки*, *воссоединение*, *совещание*, *дебют*, *благо*, *вершина*, *голосование*, *режим прекращения огня*, *возвращение*, *законопроект*, *шаг*, *опция*, *допрос*, *шанс*, *средства*, *поправки*, *небытие*, *перевод*, *виктория*, *момент*, *изменения*, *обретение*, *тирания*, *выход на замену*, *продолжение*, *порядок*, *трамвай*, *блокбастер*, *открытие*, *встреча*, *стадион*, *прекращение огня*, *результат*, *консилиум*, *перемирие*, *«золото Квебека»*, *дождь*, *закрытие*.

Ср.: *Олимпийский триумф, которому я был свидетелем, а следом и долгожданная победа на чемпионате Европы привели волейбольную общественность в благодушное состояние, и стратегические прогнозы вариативностью не отличались: в мужском волейболе начинается российская эра* (Новая газета № 106 (2247)). Из новостей более духоподъемных – в конце недели Госдума приняла во втором и третьем чтении **проект** закона «О меценатской деятельности», дающего

ей определение и закрепляющего правовой статус благотворителей. **Долгожданный** – уже лет 20 говорят, как он нужен (Независимая газета № 233 (6280)). «Это не бизнес, – говорит Олег, – это образ жизни». Для него антисанкции – **долгожданная возможность** жить на земле, работать руками и при этом не пробавляться одной картошкой (Новая газета № 7 (2294)).

Для прилагательного **долгожданный** можно условно выделить две группы:

1. **Свершившийся факт или событие, ставшее данностью** (39 примеров): победа (2), со- бытие (2), загс (=открытие загса), речь, подарки, воссоединение, совещание, дебют, вершина, голо- сование, режим прекращения огня, возвращение, законопроект, шаг, допрос, поправки, небытие, перевод, виктория, изменения, обретение, тиранья, выход на замену, продолжение, порядок, трам- вай (=приезд трамвая), блокбастер, открытие, встреча, стадион, прекращение огня, результат, консилиум, перемирие, «золото Квебека», дождь, закрытие.

2. **Обстоятельства, необходимые для осуществления чего-либо** (8 примеров): проект (2), возможности (2), опция, шанс, средства, момент.

Как видим, здесь представлено много примеров с обозначением конкретных фактов (ре- жим прекращения огня, виктория, блокбастер), в то время как существительные с процессуаль- ной семантикой (событие, продолжение) встречаются реже. Это говорит о конкретизированно- сти семантики прилагательного **долгожданный** в языке СМИ.

Таким образом, мы рассмотрели прилагательные с семантикой ожидания и объекты, кото- рые с ними связаны. В том случае, когда речь идёт о человеке, обычно употребляются конкрет- ные существительные множественного числа, обозначающие группу людей, объединённых об- щим признаком, общей ролью в ситуации (свидетели, пришельцы, визитёры). Если требуется обозначить событие, журналисты используют, как правило, отвлечённые существительные (ре- зультат, заявление, открытие, победа, возгорание, обострение конфликта). Обозначаются не то- лько уже свершившиеся события, но и то, что способствует их свершению. Оценка событиям даё- тся при помощи не только самих прилагательных, но и с помощью семантики существительных, обозначающих те или иные типы объектов (виктория, смерть).

Также можно отметить, что прилагательные *нежданный*, *неожиданный*, *долгожданный* имеют в языке СМИ тот подразумеваемый смысл, что читатели помнят контекст предыдущих статей, делавшиеся ранее прогнозы, высказанные ранее ожидания. При использовании прилагательных *нежданный*, *неожиданный*, *долгожданный* имплицитно сравниваются две ситуации в прошлом: более ранняя (момент начала ожидания, прогноз результатов) и более поздняя (но то- же проявившаяся, свершившаяся до момента речи). Если результат или обстоятельства не совпа- дают с надеждами и прогнозами, как в случае с прилагательными *нежданный* и *неожиданный*, это событие имеет оценку (часто отрицательную, как видно из примеров). Если ожидания совпали, но после некоторого времени (в случае с прилагательным *долгожданный*), это событие всегда положительное.

Примечания

1. Сулименко Н. Е. Ещё раз о семантике прилагательных // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 69.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004. С. 157.
3. Макарова Е. А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник ИГЛУ. 2011. № 2(14). С. 187.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2005. С. 740.
6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. С. 172–176.
7. Там же. С. 173.

Notes

1. Sulimenko N. E. *Eshchyo raz o semantike prilagatel'nyh* [Once again about the semantics of adjectives] // *Kritika i semiotika* – Criticism and semiotics. 2007. Is. 11. P. 69.
2. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie* [Language and knowledge]. M. 2004. P. 157.
3. Makarova E. A. *Semantika kachestvennyh i otnositel'nyh prilagatel'nyh v kognitivnom osveshchenii* [Semantics of qualitative and relative adjectives in the cognitive lighting] // Herald of the ISLU. 2011, No. 2(14), p. 187.
4. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. M. Languages of Russian culture. 1999.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. M. OOO "ITI Technologies". 2005. P. 740.
6. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. M. Nauka. 1988. Pp. 172-176.
7. Ibid. P. 173.

Языковые средства создания женских образов в исторических романах Р. М. Зотова: образы царицы Софии и Марии Федоровны

В статье представлен лингвистический анализ образов царицы Софии и Марии Федоровны в исторических романах Р. М. Зотова. В соответствии с концепцией описания образа человека, представленной в работах кировских лингвистов, образы царицы и будущей российской императрицы рассматриваются как совокупность процессуальных и непроцессуальных характеристик. Данная концепция позволяет провести целостный анализ женских образов, учитывая все особенности их создания. Также применялся семантический анализ лексических единиц. На основании материалов исследования делаются выводы о том, с помощью каких языковых средств автором создаются женские образы в исторических романах. Анализ текстов произведений показывает, что образы царицы и Марии Федоровны создаются по-разному: в образе царицы Софии соединяются черты, присущие и правителю, и женщине, образ Марии Федоровны состоит из типично женских черт.

The paper gives the linguistic analysis of characters of tsarevna Sofya and Mariya Fyodorovna in Zotov's historical novels. According to the concept of describing the person's character, which takes place in Kirov linguists' papers, tsarevna's and the next Russian Emperess' are represented as unity of procedural and non-procedural characteristics. This concept allows to analyze women characters taking their peculiar properties into account. Semantic analysis is also used in the paper. On the basis of investigation's materials we make conclusions about the way Zotov creates women characters in historical novels. Analysis of the texts shows, that tsarevna's character and the character of Mariya Fyodorovna are created differently: tsarevna Sofya is represented as a ruler and a woman, Mariya Fyodorovna has only female features.

Ключевые слова: языковая личность, языковые средства, историческая личность, образ царицы Софии, образ Марии Федоровны, процессуальные характеристики, непроцессуальные характеристики.

Keywords: linguistic personality, linguistic means, historical personality, the character of tsarevna Sofya, the character of Mariya Fyodorovna, procedural characteristics, non-procedural characteristics.

В современной лингвистике большинство исследований опираются на антропоцентрический подход, в соответствии с которым человек находится в центре языковой системы: язык «заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [1]. В рамках антропоцентрического подхода интерес вызывают гендерные исследования. Для гендерных исследований основным понятием является гендер – совокупность «социально-биологических характеристик, с помощью которых люди характеризуют мужчин и женщин» [2]. Гендер – более широкое понятие, чем пол, так как «включает комплекс социальных, культурных и психологических различий, связанных с полом» [3].

Гендерная лингвистика – достаточно молодое направление. Она тесно связана с психолингвистикой, этнолингвистикой, межкультурной коммуникацией и другими отраслями наук. В гендерной лингвистике изучаются особенности речи представителей разных полов, а также в целом их речевое поведение. Исследования проводятся в нескольких направлениях:

- 1) анализ различий на языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, семантическом, синтаксическом);
- 2) изучение семантических различий;
- 3) анализ языка с учетом особенностей поведения мужчин и женщин;
- 4) анализ мужской и женской языковой картины мира [4].

Развитие гендерной лингвистики относят к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. В рамках данного направления работают такие лингвисты, как А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, О. А. Воронина, Г. Брандт, И. И. Халева. В качестве материала гендерных исследований используются, как правило, современные тексты. Мы считаем, что гендерная лингвистика может расширить материал своего исследования за счет использования текстов, созданных ранее.

В настоящей статье предпринята попытка лингвистического анализа двух женских образов из романов Р. М. Зотова, писателя XIX в. Образ царицы Софии встречаем в романе Р. М. Зотова «Таинственный монах», образ Марии Федоровны – в романе «Таинственные силы».

В статье мы рассматриваем образы данных персонажей в соответствии с концепцией, принятой Кировскими лингвистами. Непроцессуальные характеристики языковой личности – «отображаемые в тексте его паралингвистические и кинетические характеристики, а также вербализованные сведения о человеке (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т. д.), содержащие информацию, так или иначе влияющую на модель поведения человека в разного рода ситуациях на протяжении его жизненного пути» [5]. Процессуальные характеристики «дают представление о модели поведения человека как обусловленной мотивами и целями его целенаправленной деятельности на протяжении всего жизненного пути или какого-либо его фрагмента» [6]. Также используется семантический анализ лексических единиц.

Образ царевны Софьи складывается из процессуальных и непроцессуальных характеристик. Непроцессуальные характеристики находим в 6 контекстах, процессуальные – в 24 контекстах.

Для номинации персонажа используются следующие лексические единицы: *соцарственная правительница государства, милостивая государыня, государыня, царевна, правительница царства Русского царица София*.

Преобладают процессуальные характеристики. В большинстве случаев Софья отдает приказы или дает разрешение другим лицам совершать какие-либо действия. Ср.: *Царевна София дозволила ему явиться к ней; – А вот видишь **выдала и приказала схватить** тебя; ...**поручила** Грише отнести ее по принадлежности; Царевна **приказала ему спрятаться** в её опочивальне* [7].

Действия Софьи и речь характеризуют ее как активную, властную личность. Она прибегает к хитрости, чтобы достичь своей цели. Софья нетерпелива и эмоционально неустойчива – об этом свидетельствуют глаголы *перебивать, вскричать, вспыхнуть*. Ср.: *Правительницею была назначена вдова Царица Наталья Кирилловна, но **по проискам дочери её властолюбивой Софии это не состоялось**; Это разделение давало Софии верный способ к захвату в свои руки самодержавия...; Прошло три недели в **горячей, но безуспешной преступной деятельности Софии**; Она сама **захватила в свои руки бразды правления**; она **настояла**, чтобы на престол вступил Иоанн; она **задумала избавиться впоследствии от них удалением их с государственного поприща хитростью или силою, происками или новыми злодеяниями**; – Величеству, боярин! – **перебила** его София, **вспыхнув от негодования**; – **Говори же скорее, что тебе от меня надобно?** – **запальчиво спросила** София; – Однако ж, **благодаря самовольным распоряжениям Сергеева и Гордонова войска уже отправились**, – **перебила** его София; – **Изменник! Как он смел?** – **вскричала** София; Царевна **быстро пробежала глазами бумагу от брата Иоанна, написала ответ и поручила** Грише отнести ее по принадлежности, а посланному от царя Петра дозволено было войти [8].*

Софья умеет притворяться, когда ей это необходимо. Ср.: – *Добро пожаловать, боярин! Здорово ли поживаешь?* – *притворно ласковым тоном спросила* София [9].

Она осознает, что ее действия незаконны, и боится наказания. Ср.: *Царевна София побледнела и задумалась; ...а сама стала ходить большими шагами по комнате, придумывая средство к спасению; – Что еще?* – *спросила* София *с беспокойством*; – *Какого еще наказания?* – *быстро спросила встревоженная царевна, бросив украдкой свой взор на двери опочивальни своей*; В эту минуту двери быстро растворились и, медленно, но величественно вошел царь Иоанн Алексеевич. *София замолкла, а остальные присутствующие с почтением поклонились в пояс* [10].

Софью насильно постригают в монахини, но она намеревается вернуть власть в свои руки. Ср.: *Царевна София, хотя и пострижена была в монахини, но все еще **не оставляла своих мыслей возвратит власть в свои руки, тайно сносясь при помощи немногих своих приверженцев с опальными стрельцами***; У монаха Ионы между прочим созрел в голове план идти в Москву на выручку царевны Софии, *томившейся в стенах монастыря* [11].

Семантическая классификация, выполненная нами с опорой на «Русский семантический словарь» [12], даёт возможность проанализировать отдельные лексические единицы, с помощью которых создан образ царевны Софьи.

Имена существительные, создающие образ царевны, могут быть распределены на 5 групп в соответствии с рубриками «Русского семантического словаря».

1. Названия лиц:

1) по личным, общественным отношениям, связям: с дополнительной характеристикой по социальному, сословному положению (*царевна*);

2) в сфере власти, служебной, официальной, должностной деятельности – верховные правители, монархи, престолонаследники (*государыня, правительница*).

2. Социальная деятельность (*деятельность*).

3. Социальные устои, право, закон (*власть, самодержавие; злодеяние*).
4. Разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления (*радость; негодование*).
5. Поведение, поступки, не соотносимые с конкретным душевным свойством, чертой характера, складом натуры: антиобщественное или аморальное поведение, поступки (*происки*).

Глаголы, которые характеризуют царевну Софью, также могут быть классифицированы с опорой на классификацию, предлагаемую в «Русском семантическом словаре» [13].

1. Глаголы с ослабленной знаменательностью, неполнознаменательные:
 - 1) фазовые глаголы: возобновление, продолжение действия или переход от одного действия к другому (*не оставлять своих помыслов возвратить власть в свои руки*).
 2. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния:
 - 1) предоставление, наделение. Приобретение, получение: брать, приобретать, добывать (*захватить; возвратить*);
 - 2) созидание, исполнение, приготовление: приготовление (*развернуть*);
 - 3) мысль, чувство, воля:
 - а) мысль. Воображение. Сомнение. Суждение (*задуматься*);
 - б) чувства, эмоции: испытывать то или иное чувство, эмоцию (*вспыхнуть; томиться*);
 - в) воля. Требование. Желание. Терпение. Побуждение (*приказать; настоять; поручить; дозволить; задумать*);
 - г) внимание, интерес, влечение (*бросить взор*);
 - д) попытка, старание, усиление, преодоление, избавление (*избавиться*).
 - 4) Поведение, контакты, информация:
 - а) поведение, а также действия и поступки, неотделимые от поведения (*ходить*);
 - б) антиобщественное и антисоциальное поведение: измена, предательство, шпионаж (*выдать*);
 - в) вступление, вовлечение в контакты. Участие в контактах, уход от контактов (*сноситься*);
 - г) информация, передача, получение сообщения. Обмен информацией: вопрос, опрос (*спросить*); собственно несообщение, молчание (*замолкнуть*); громкая речь (*вскричать*); неполная, прерванная, ошибочная, неумелая речь (*перебивать*); чтение (*пробежать*).

Как видим, уже сами рубрики, в которые попадают субстантивные и глагольные единицы, характеризующие царевну Софью, говорят о её статусе (*царевна, государыня, правительница*), сфере деятельности и интересов (*власть, самодержавие*), способах достижения цели (*злодеяние, происки; захватить*), а также об эмоциях (*радость, негодование; вспыхнуть, томиться* и др.), переживаемых при совершении тех или иных действий, в тех или иных ситуациях.

Мы не классифицируем имена прилагательные, так как при создании образа Софьи автор использовал только 8 лексем: *ласковый тон, властолюбивая София, горячая, но безуспешная преступная деятельность, новые злодеяния, горделивая радость, большие шаги*. Однако использованные Р. М. Зотовым прилагательные дают весьма яркую качественную характеристику царевне Софье как женщине, стремящейся любыми путями захватить власть.

Образ Марии Фёдоровны также составляется из процессуальных (1 контекст) и непроцессуальных (11 контекстов) характеристик.

Р. М. Зотов описывает внешность Марии Фёдоровны, а также ее внутренние качества. Автор отмечает только положительные качества Марии Фёдоровны, создавая тем самым идеальный образ: *Ср.: Мария Фёдоровна – принцесса Доротея – могла считаться первой красавицей в Европе. Правильные и нежные черты лица, высокий рост, величественная походка – казалось, она создана была для короны [14]; Ко всему этому присоединялось самое доброе и великодушное сердце. С самых молодых лет она находила величайшее удовольствие в том, что делала добро [15]; Впоследствии была она тою государынею, которая могла служить образцом всех земных добродетелей. Посреди блистательнейших торжеств двора Екатерины II великая княгиня Мария сохранила свою простоту, величие и любезность [16]; Прекрасная душа Марии Фёдоровны и любовь ее к супругу, которого она везде описывает образцом прекраснейших качеств [17]; <...> твой верный, нежный друг Доротея [18].*

Мария Фёдоровна испытывает страх и благоговение перед Екатериной II. Императрица представляется ей идеалом, которому она, по её мнению, не соответствует. Ср.: *Я страх как боюсь Екатерины. Она представляется такой героинею в глазах моих, что я всегда буду робеть перед нею. Боюсь показаться ей дурочкою [19].*

Мария Фёдоровна скучает по родине, но она довольна своей судьбой.

Ср.: *Только в последний день тоска по родине охватила сердце её. Ей стало грустно, что она покидает мать, отечество, замок, в котором так весело провела своё детство [20]; Я довольна, я счастлива [21].*

Процессуальные характеристики представлены одним контекстом. Это верификация – здесь описывается сопоставление фактического результата, полученного героиней, с предполагаемым. Мария Фёдоровна становится женой наследника престола Павла I, что превосходит её ожидания. Ср.: *Мой успех превзошёл все мои надежды* [22].

При создании образа Марии Фёдоровны Р. М. Зотов использовал 29 лексем, из них 10 – имена существительные, 9 – имена прилагательные, 6 – глаголы, 2 – слова категории состояния. Мы можем классифицировать имена существительные, глаголы, а также имена прилагательные (учитывая классификацию имен существительных, от которых образуются прилагательные) [23].

Имена существительные.

1. Названия лиц:

1) по внешним физическим свойствам; по внешней привлекательности или непривлекательности (*красавица*);

2) обращения: фамильярные, дружеские, ласковые (*друг*);

3) по отсутствию ума, способностей, по средним способностям (*дурочка*).

2. Бытие. Материя. Пространство. Время:

1) приятные, радостные ситуации, успешные события, удачные стечения обстоятельств, налаженные положения дел (*успех*).

3. Духовный мир: Сознание. Мораль. Чувства:

1) надежда. Вера. Сомнение (*надежда*);

2) разные черты характера, склада личности; душевные свойства, их проявления; поступки, поведение, которые могут быть охарактеризованы по таким чертам, свойствам (*добродетель*);

3) психика. Подсознание. Интуиция. Состояние духа: общие обозначения (*сердце*).

4. Связи, отношения. Содержание и форма. Структура. Метод:

1) ценность, её критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда: добро. Польза. Красота (*образец; добро*)

5. Знаки, эмблемы, деньги, документы:

1) регалии (*корона*).

Классификация глаголов также выполнена с использованием «Русского семантического словаря» [24].

1. Глаголы с ослабленной знаменательностью, неполнознаменательные: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именования. Дейктические глаголы:

1) связанность, отношение, зависимость, касательство, свойственность, обладание, значимость (*превзойти*);

2) свободные (фразеологически не связанные) дейктические глаголы (*делать*):

а) глаголы именования, называния, приписывания признака (*считаться*)

2. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния:

1) созидание, исполнение, приготовление (*создать*);

2) мысль. Чувство. Воля: страх, боязнь, беспокойство (*бояться, робеть*).

Также автор использует при характеристике Марии Фёдоровны прилагательные: **правильные и нежные** черты лица, **высокий** рост, **величественная** походка, **самое доброе и великодушное** сердце, **земные** добродетели, **верный** друг, **прекрасная** душа. Данные прилагательные создают возвышенный образ, приближенный к идеалу как внешне, так и внутренне.

Проведенный анализ семантики лексем позволяет говорить о том, что Р. М. Зотов показывает будущую императрицу Марию Фёдоровну только с положительной стороны. Она наделяется различными добродетелями; автор отмечает её внешнюю красоту, доброту и вместе с этим робость, присущую женщине.

Женские образы, прототипами которых являются исторические личности, в произведениях Р. М. Зотова немногочисленны. Можно отметить следующие особенности, которые отличают их от мужских образов в исторических произведениях данного автора (о мужских образах в произведениях Р. М. Зотова см., напр., [25]):

1) при создании женских образов преобладают слова, описывающие внутренний мир, эмоции, переживания персонажа;

2) в характеристике женского образа, не относящегося к категории «Правители», практически отсутствуют процессуальные характеристики; типично женский образ у Зотова статичен;

3) в образе Софьи Зотов соединяет черты образа «Правителя» и образа женщины; в отдельных случаях можно говорить о том, что Софья наделяется мужскими чертами, что проявляется в ее решительности, настойчивости.

Женские персонажи, рассмотренные в настоящей статье, могут быть охарактеризованы как противоположности. Если в образе царевны Софьи преобладают процессуальные характеристики, то образ Марии Федоровны создается при помощи непроцессуальных характеристик. Софья представлена в реалистическом ключе, тогда как Мария Федоровна идеализируется автором.

Примечания

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С. 61.
2. Майерс Дэвид. Социальная психология. Интенсивный курс. URL: <http://vocabulary.ru/termin/gender.html#item-44720> (дата обращения: 18.10.2016)
3. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004. С. 69.
4. Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gendernyh-issledovaniy-v-lingvistike> (дата обращения: 20.10.2016).
5. Чернова С. В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке : междунар. сб. науч. трудов. М., 2012. С. 555.
6. Там же. С. 557.
7. Зотов Р. М. Таинственный монах. URL: http://az.lib.ru/z/zotow_r_m/text_0030.shtml (дата обращения: 15.10.2016)
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М. : Азбуковник, 1998. 807 с.; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М. : Азбуковник. 2000. 762 с.; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3. М. : Азбуковник, 2003. 720 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. М. : РАН ИРЯ, 2007. 952 с.
14. Зотов Р. М. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. Таинственные силы. Два брата. Две сестры. М. : Терра, 1996. С. 14.
15. Там же.
16. Там же. С. 16.
17. Там же. С. 17.
18. Там же. С. 15.
19. Там же. С. 14.
20. Там же. С. 15.
21. Там же.
22. Там же.
23. Русский семантический словарь. Т. 1; Русский семантический словарь. Т. 2; Русский семантический словарь. Т. 3.
24. Русский семантический словарь. Т. 4.
25. Шибанова А. Н. Языковые средства создания образов А. В. Суворова и М. И. Кутузова в исторической прозе Р. М. Зотова // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых учёных. Вып. 13. 21–22 апреля 2016 г. Н. Новгород : Мининский ун-т, 2016. С. 199–203.

Notes

1. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* – Selected works on linguistics. M. 2000. P. 61.
2. *Majers Dehvid. Social'naya psihologiya. Intensivnyj kurs* [Social psychology. The intensive course]. Available at: <http://vocabulary.ru/termin/gender.html#item-44720> (date of access: 18.10.2016)
3. *Vahthin N. B., Golovko E. V. Sociolingvistika i sociologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. SPb. 2004. P. 69.
4. *Kirova A. G. Razvitie gendernyh issledovaniy v lingvistike* [Development of gender studies in linguistics]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gendernyh-issledovaniy-v-lingvistike> (date of access: 20.10.2016).
5. *CHernova S. V. Processual'nye i neprocessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza* [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of its image] // *Racional'noe i ehmocional'noe v russkom yazyke: mezhdunar. sb. nauch. trudov* – Rational and emotional in Russian language. Coll. of scient. works. M. 2012. P. 555.
6. Ibid. P. 557.

7. Zotov R. M. *Tainstvennyj monah* [Mysterious monk]. Available at: http://az.lib.ru/z/zotow_r_m/text_0030.shtml (date of access: 15.10.2016)
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* – Russian semantic dictionary. Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings / In-t of Rus. lang. n.a. V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences; under the general editorship of N. Shvedova. Vol. 1. M. Azbukovnik. 1998. 807 p.; *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* – Russian semantic dictionary. Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings / In-t of Rus. lang. n.a. V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences; under the general editorship of N. Shvedova. Vol. 2. M. Azbukovnik. 2000. 762 p.; *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* – Russian semantic dictionary. Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings / In-t of Rus. lang. n.a. V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences; under the general editorship of N. Shvedova. Vol. 2. M. Azbukovnik. 2003. 720 p.
13. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* – Russian semantic dictionary. Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings / In-t of Rus. lang. n.a. V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences; under the general editorship of N. Shvedova. Vol. 4. M. RAS Vinogradov Russian language Institute. 2007. 952 p.
14. Zotov R. M. *Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 2. Tainstvennye sily. Dva brata. Dve sestry* [Works : in 5 vol. Vol. 2. Mysterious forces. Two brothers. Two sisters]. M. Terra. 1996. P.14.
15. Ibid.
16. Ibid. P. 16.
17. Ibid. P. 17.
18. Ibid. P. 15.
19. Ibid. P.14.
20. Ibid. P. 15.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. *Russkij semanticheskij slovar'* – Russian semantic dictionary. Vol. 1; *Russkij semanticheskij slovar'* – Russian semantic dictionary. V. 2; *Russkij semanticheskij slovar'* – Russian semantic dictionary. Vol. 3.
24. *Russkij semanticheskij slovar'* – Russian semantic dictionary. Vol. 4.
25. *SHibanova A. N. YAzykovye sredstva sozdaniya obrazov A. V. Suvorova i M. I. Kutuzova v istoricheskoy proze R. M. Zotova* [Linguistic means of creating images of A. V. Suvorov and M. I. Kutuzov in the historical prose by R. M. Zotov] // *Problemy yazykovej kartiny mira v sinhronii i diahronii: sb. st. po materialam Vseros. nauch. konf. molodyh uchyonyh. Vyp. 13. 21–22 aprelya 2016 g.* – Problems of linguistic picture of the world in the synchrony and diachrony: collection of articles on materials of all-Russia scientific conf. of young scientists. Is. 13. 21-22 April 2016. N. Novgorod. Minin University. 2016. Pp. 199-203.

УДК 81.42

Л. Б. Гнездилова

Механизмы функционирования тактики задержки ответа в рамках стратегии коммуникативного уклонения (на материале английского языка)

Автор статьи утверждает, что конвенционализированность этикета привела к появлению скрытых коммуникативных стратегий, сферой функционирования которых является интеракциональное общение. Очевидно, что интеракциональное общение предполагает следование определенным правилам коммуникации. Тем самым речевое поведение как определенная последовательность взаимосвязанных речевых актов представляет собой модель, основанную на стратегическом подходе. При построении коммуникативной стратегии говорящим осуществляются сложные мыслительные процессы, требующие логичности, ясности, четкости видения и прогнозирования процесса коммуникации. Автор статьи утверждает, что стратегия – это линия поведения, которую говорящий строит сознательно и преследует определенную цель. В статье дается краткое описание интерактивных состояний умиротворения и раздражения, являющихся основой функционирования скрытых коммуникативных стратегий. Вводится понятие коммуникативных полюсов. Рассматривается стратегия уклонения от прямого ответа как одна из скрытых коммуникативных стратегий. Утверждается, что коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа реализуется по-

средством отдельных тактик. В частности, проводится анализ лексико-грамматических и синтаксических средств английского языка, репрезентирующих тактику задержки ответа. Выявлено, что данная коммуникативная тактика представлена широким спектром междометий и невербальными средствами.

The author suggests that the conventionalization of the etiquette has led to the appearance of hidden communication strategies, which functioning is interactional communication. Obviously, interactional communication requires the following to certain communicative rules. Thus, verbal behavior as a certain series of interrelated speech acts is a model based on a strategic approach. While a communicant is creating a communicative strategy he implements complex thought processes that require consistency, clarity of vision and prediction of the communication process. The author suggests that the strategy is a behavior line that a speaker creates consciously and follows a certain goal. The article gives a brief description of the states of mitigation and aggravation that are the basis of functioning of hidden communication strategies. The concept of communication poles is given. The strategy of evading a direct answer is analyzed as one of hidden communication strategies. It is considered that the communication strategy of evading a direct answer is realized through individual tactics. In particular, the analysis of lexical, grammatical and syntactical resources of the English language representing the delaying tactics is given. It is revealed that it is represented by a wide range of interjections and non-verbal means.

Ключевые слова: коммуникативные механизмы, конвенциализированность этикета, коммуникативные полюса, коммуникативная стратегия, уклонение от прямого ответа, тактика, задержка ответа.

Keywords: communication mechanisms, the conventionalization of the etiquette, communication poles, a strategy, evading a direct answer, tactics, delay.

Оперирование скрытыми коммуникативными стратегиями, целью которых является желание говорящего осуществить то или иное речевое воздействие неявно, скрыто, вызвано повышением престижа косвенных форм речевого взаимодействия в рамках конвенциализированности этикета. Сферой функционирования скрытых коммуникативных стратегий, на наш взгляд, является интеракционное общение, целью которого выступает установление и поддержание межличностного контакта. Очевидно, что интеракционное общение предполагает следование определенным правилам коммуникации, и в этом случае мы говорим о так называемом «речевом поведении» коммуникантов. В свою очередь речевое поведение как определенная последовательность взаимосвязанных речевых актов представляет собой модель, основанную на стратегическом подходе. На наш взгляд, при построении коммуникативной стратегии – в процессе соотношения языковых средств и коммуникативных целей – говорящим осуществляются достаточно сложные мыслительные процессы, требующие логичности, ясности, четкости видения и прогнозирования того, как разворачивается процесс коммуникации. Тем самым мы предполагаем, что стратегия – это линия поведения, которую говорящий строит сознательно, отдавая себе отчет в каждом речевом действии, преследуя определенную цель. Таким образом, в рамках осознанной линии поведения возможно выделение ряда стратегий.

Вслед за У. Лабовым и Д. Феншелом в исследовании, направленном на поиск коммуникативных стратегий, мы говорим о существовании интерактивных состояний умиротворения (mitigation) и раздражения (aggravation). В своем исследовании У. Лабов и Д. Феншел принимают во внимание желание говорящего либо смягчить свою речь, избегая наносить собеседнику оскорбление, либо, наоборот, нагнетать напряжение в общении, ухудшать обстановку; таким образом, выделяя две базовые интерактивные стратегии [1]. Мы согласны с данным выделением, но считаем более логичным дать иное название умиротворению и раздражению, так как для нас очевидно, что выделенные состояния значительно шире понятия «стратегия». Возможно, умиротворение и раздражение можно назвать «полюсами» коммуникации или коммуникативными полюсами. Тем самым цели и намерения говорящего располагаются в континууме от полюса «умиротворение» к полюсу «раздражение». Очевидно, что интеракционное общение, направленное на установление коммуникативного контакта, по своей природе ориентировано на коммуникативный полюс «умиротворение». Тем самым мы можем говорить о том, что цель говорящего при оперировании скрытыми коммуникативными стратегиями заключается не только в его желании осуществить то или иное речевое воздействие неявно, скрыто, но и в желании остаться «миротворцем» в глазах коммуникативного партнера. На современном этапе развития лингвистики многочисленные исследования посвящены проблеме скрытых коммуникативных стратегий, в том числе стратегии уклонения от прямого ответа.

Как было установлено, стратегия уклонения от прямого ответа представляет собой цепь решений говорящего, коммуникативных выборов им речевых действий и языковых средств, позволяющих завуалировать, скрыть истинный смысл ответной реплики или вовсе уклониться от

прямого ответа [2]. При этом оценка речевых действий коммуникантов может быть рациональной и субъективно-эмоциональной [3].

В результате анализа практического материала выявлено, что ядро стратегии уклонения от прямого ответа составляют инклюзивные имплицитные смыслы (неявные смыслы-усложнения, относящиеся к прагматическому уровню высказывания), основанные на социальных этических нормах общества. Стратегия уклонения от прямого ответа реализуется посредством тактик – локальных приемов и линий речевого поведения [4].

Так, к одной из наиболее частотных тактик в рамках стратегии уклонения от прямого ответа можно отнести тактику задержки. Тактика задержки позволяет говорящему уклониться от прямого ответа, при этом обозначив дополнительную информацию эмоциональности и экспрессивности. Данная тактика представлена лексико-грамматическими и синтаксическими средствами языка, в частности словами-предложениями.

В качестве лексико-грамматических средств в тактике задержки ответа выступают междометия, позволяющие, на наш взгляд, отсрочить время ответа, придавая реплике, осознанно или неосознанно, ту или иную эмоциональную окраску. Междометия составляют совершенно особый слой лексики, поскольку у них нет предметно-логического значения. В междометиях сосредоточены все черты, отличающие эмоциональную лексику: синтетическая факультативность, т. е. возможность опущения без нарушения отмеченности фразы; отсутствие синтаксических связей с другими частями предложения; семантическая иррадиация, которая состоит в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию [5].

По своему значению междометия распадаются на две основные группы: междометия, выражающие чувства (эмоциональные), и междометия, выражающие волеизъявления (императивные). Было отмечено, что в тактике задержки функционируют эмоциональные междометия. Среди эмоциональных междометий выделяются, с одной стороны, ситуативные междометия, выражающие по своей лексической природе чувство вообще, с другой – значимые междометия, выражающие определенные чувства. Стоит отметить, что для определения ситуативных междометий в письменном дискурсе огромное значение приобретает контекст, позволяющий раскрыть, уточнить ту эмоцию, которую выражает данное междометие.

Так, к ситуативным междометиям, выражающим чувство вообще и реализующим тактику задержки ответа, мы относим междометия *oh, ah, well, why*. Наиболее частотно в тактике задержки ответа ситуативное междометие *oh*, которое фактически нейтрально или выражает эмоцию в самом общем виде, даже не указывая на ее положительный или отрицательный характер.

(1) *Biff: Shouldn't we do anything?*

Linda: Oh, you should do a lot of things, but there's nothing to do, so go to sleep. (Miller A.)

Бифф: Мы разве не должны сделать что-нибудь?

Линда: Ох, вам следует сделать много чего, но, по сути, ничего не поделаешь, так что идите спать.

В данном примере в ответной реплике Линды в качестве средства задержки прямого ответа реализуются эмоциональное местоимение *oh*. Сам ответ Линды на поставленный вопрос ее сына Биффа звучит очень уклончиво, что доказывает неготовность, нежелание героини рассуждать на тему разговора. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий директивную иллокутивную функцию, ориентированную, в свою очередь, на побуждение адресата ничего не делать.

Мы считаем, что наиболее частотное использование данного междометия в ответных репликах тактики задержки ответа объясняется тем, что говорящий может задержать время прямого ответа, не выразив, скрыв при этом свои чувства и эмоциональное отношение как к обсуждаемой теме, так и к собеседнику:

(2) *Mrs. Hale: Do you think she did it?*

Mrs. Peters: (in a frightened voice) Oh, I don't know. (Glaspel S.)

Миссис Хейл: Вы думаете, она сделала это?

Миссис Питерс: Ох, я не знаю.

В примере (2) в своей ответной реплике миссис Питерс воспользовалась средством задержки прямого ответа – эмоционально-ситуативным междометием *oh*, которое в данном контексте звучит неопределенно. Сам ответ *I don't know* звучит достаточно уклончиво и неубедительно, реализуя экспрессивную иллокутивную функцию, выражающую психологическое состояние неуверенности.

В ответных репликах тактики задержки ответа выделяется ряд значимых междометий, выражающих более определенные чувства или определенное эмоциональное отношение к действию

тельности. Подчеркнем, что, выражая определенное чувство или эмоциональное отношение, значимые междометия также могут служить средством осознанной отсрочки прямого ответа.

Значимые междометия *humph, hm, er, uh* передают нерешительность и/или колебание:

(3) Tom: *You certainly won't tell him that I owe you money?*

George: *Hm – what if I told him that?* (Inchbald E.)

Том: Ты, конечно же, не скажешь ему о том, что я одолжил у тебя деньги?

Джордж: Хм, – что, если я сказал ему об этом?

Некоторое колебание Джорджа передается в его ответной реплике эмоционально-значимым междометием *hm*. Воспользовавшись тактикой задержки ответа, герой получает некоторое добавочное время для внутренних рассуждений, принятия решения о дальнейшем речевом поведении. После реализации тактики задержки ответа в ответной реплике Джорджа «всплывает» вопросительное предложение, которое может быть отнесено к тактике условия. Ответная реплика представляет собой косвенный речевой акт, реализующий комиссивную иллокутивную функцию, выражающую намерение говорящего.

В рамках ответной реплики междометия представляют собой самостоятельные слова-предложения. При реализации тактики задержки ответа междометия не вступают в связь с членами предложения, а сопровождают его. Междометное слово-предложение может быть отделено от предложения восклицательным знаком или включено в предложение, будучи отделено от него лишь запятой.

Одним из показателей того, что использование междометий в ответных репликах на поставленный вопрос может рассматриваться как уклонение от прямого ответа, является, на наш взгляд, то, что междометные предложения имеют закрепленное положение – перед другим предложением. Данная позиция удачна для реализации тактики задержки ответа. (Мы не рассматриваем междометные предложения, введенные в середину предложения или стоящие после него.)

Наряду с междометиями в качестве средства задержки ответа может выступать междометие *well*, которое, кроме того, придает речи эмоционально-экспрессивный оттенок:

(4) Jim: *What do you think?*

Tom: *Well...* (Williams T.)

Джим: Что ты думаешь об этом?

Том: Ну...

В данном примере в качестве средства задержки прямого ответа и, по сути, самим ответом выступает междометие *well*. Один из собеседников не решается сказать о том, что он думает на самом деле, и уклоняется, задерживая время прямого ответа.

В рамках авторских ремарок диалогических единств стоит отметить роль пунктуации, которая указывает на элементы, важные в эмоционально-экспрессивном отношении и участвующие в реализации тактики задержки ответа. Пунктуация выполняет функцию передачи подтекста, подсказки эмоциональной реакции. Пунктуация отражает и ритмико-мелодическое строение речи.

Так, пунктуация указывает на эмоциональные, затянутые паузы, отмеченные тире или многоточием. В этом случае можно сказать, что говорящий обрывает свою речь, не закончив предложения, заметив, что выдает какой-то секрет, или потому, что предпочитает, чтобы собеседник догадался сам. Например,

(5) Willy: *I'm out! So tell me, he gave you a warm welcome?*

Biff: *Well, it was kind of –* (Miller A.)

Вили: Я вне игры! Так скажи мне, он оказал тебе теплый прием?

Бифф: Ну, это было –

В примере (5) отец искренне интересуется тем, оказал ли его сыну должный прием работодатель. От данной встречи зависит дальнейшее благополучие Биффа. По сюжету пьесы встреча Биффа и потенциального работодателя так и не состоялась, но сын не готов признаться в этом отцу. Он решает уклониться от ответа, воспользовавшись тактикой задержки ответа, в частности междометием *well*, и максимально насыщая свои ответные реплики затянутыми паузами.

Итак, тактика задержки ответа представлена вербальными компонентами речи (лексико-грамматическими и синтаксическими средствами): эмоционально-оценочными и собственно-эмоциональными междометиями; ситуативными междометиями; значимыми междометиями, выражающими более определенные чувства или определенное эмоциональное отношение к действительности; междометием *well*; словами-предложениями.

Тактика задержки ответа представлена невербальными компонентами речи: определенными действиями и жестами, о чем свидетельствуют специальные лексемы, используемые в авторских ремарках диалогических единств.

Примечания

1. Labov W., Fanshel D. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as Conversation. New York, 1977 : 205.
2. Гнездилова (Головаш) Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : автореф. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 18 с.
3. Фурс Л. А. Оценка речевых действий человека в английском языке // Когнитивные исследования языка. Вып. 12(116). Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 265–268.
4. Гнездилова Л. Б. Тактика обобщения как способ уклонения коммуниканта от прямого ответа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 12. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13253.htm>.
5. Рябова М. Ю. Анализ грамматического строя английского языка : курс лекций по теоретической грамматике. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. С. 110.

Notes

1. Labov W., Fanshel D. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as Conversation. New York, 1977: 205.
2. Gnezdilova (Golovash) L. B. *Kommunikativnye sredstva vyrazhenija strategii ukloenija ot prjamogo otveta: avtoref. ... kand. fil. nauk* [Communicative means of expression of the evading strategy from a direct answer: abstr. of the diss. ... cand. Philology]. Kemerovo. 2008. 18 p.
3. Furs L. A. *Ocenka rechevyh dejstvij cheloveka v anglijskom jazyke* [Assessment of human speech acts in English] // *Kognitivnye issledovanija jazyka – Cognitive studies of language*. Is. 12 (116). Series: Humanities. Tambov. Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin. 2012. Pp. 265-268.
4. Gnezdilova L. B. *Taktika obobshhenija kak sposob ukloenija kommunikanta ot prjamogo otveta* [Generalizing tactics as a way of a communicant's evading a direct answer] // *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» – Scientific and methodical electronic journal "Concept"*. 2013, no. 12. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13253.htm>.
5. Ryabova M. Y. *Analiz grammaticheskogo stroja anglijskogo jazyka: kurs lekcij po teoreticheskoj grammatike* [Analysis of the grammatical structure of the English language: a course of lectures on theoretical grammar]. Kemerovo. Kuzbassvuzizdat. 2007. P. 110.

УДК 81.272

И. О. Ситникова, И. В. Загустина

Влияние феминистской критики языка на немецкоязычный академический интернет-дискурс

В статье ставится задача установить, какое влияние феминистская критика языка оказала на немецкоязычный академический интернет-дискурс. В частности, предпринята попытка проследить, как реализуется на сайтах немецких вузов принцип гендерной симметрии, который находит свое воплощение в использовании форм, альтернативных мужскому роду в генерализирующей функции. Авторами последовательно рассматриваются гендерно-симметричные формы, которые смогли закрепиться в немецкоязычном академическом интернет-дискурсе за тридцать пять лет, прошедших со времени публикации первых работ, содержащих феминистскую критику немецкого языка: полная и сокращенная сплиттинговая форма, гендерно-нейтральная лексика, безличные обозначения должностей и ведомств, формулировки, избегающие номинацию референта существительным. Наблюдения, сделанные в ходе анализа сайтов немецких вузов на предмет использования гендерно-корректных форм, иллюстрируются конкретными примерами.

This article examines how the feminist critique of language influenced the German academic internet discourse. The authors analyse how the gender symmetry is realized on the websites of the German universities, what alternatives are there for the use of generic masculine. Research on the generic masculine and its alternatives has repeatedly revealed that in German the generic masculine is more strongly associated with male persons than other types of generic. Advocates of the linguistic equality approach use the strategies of gender-neutralisation and/or gender-specification to attain their goal of creating a language system which allows for a balanced representation of the sexes. Gender-specification is a strategy used to achieve linguistic equality by making the 'invisible sex' (in most cases, women) visible in language through systematic and symmetrical marking of gender. Gender-neutralisation involves minimising or eliminating gender-specific expressions and constructions. This paper explores the use of these strategies on the websites of the German universities.

Ключевые слова и фразы: гендерная асимметрия в языке, феминистская критика языка, гендерная лингвистика, несексистское использование языка.

Keywords: gender asymmetry in language, gender linguistics, non-sexist language, feminist language critique, language reform, generic masculine.

Преобразования в немецком языке, направленные на устранение гендерной асимметрии, явились результатом активной деятельности представительниц феминистской лингвистики. Данное направление зародилось в академической среде США, а затем получило распространение в Германии. В США основу феминистской лингвистики заложила изданная в 1975 г. работа профессора Калифорнийского университета Робин Лакофф под названием «Language and Woman's Place» [1]. В Германии основными идеологами феминистской критики языка стали профессор университета г. Констанц Сента Трёмель-Плётц и занимавшая должность профессора в нескольких немецких университетах Луизе Пуш. Импульс к полемике об андроцентричности немецкого языка дали две их работы: изданная в 1982 г. книга С. Трёмель-Плётц «Frauensprache: Sprache der Veränderung, Frankfurt am Main» [2] и появившаяся двумя годами позже монография Л. Пуш «Das Deutsche als Männersprache» [3]. Идеи С. Трёмель-Плётц и Л. Пуш встретили такое резкое неприятие в академических кругах Германии, что обоим ученым пришлось оставить преподавательскую деятельность в университете. Но со временем эти идеи обрели свое воплощение в гендерно-нейтральных формах, которые сегодня являются неотъемлемой составляющей немецкоязычного дискурса.

Основным объектом критики представительниц феминистской лингвистики стал так называемый мужской род в генерализирующей функции (*generalisierendes Maskulinum*). Любое существительное мужского рода, номинирующее человека, например, по его профессиональной деятельности, может использоваться как для обозначения лица (или группы лиц в случае множественного числа) мужского пола, так и для лица или группы лиц без учета их пола. В последнем случае действует принцип включенности женского рода в мужской. Тот факт, что генерализирующим значением наделен именно мужской род, интерпретируется представительницами феминистской лингвистики как отражение в языке доминирования мужчин над женщинами и как средство укрепления мысли о естественности такого доминирования в сознании носителей языка. Посредством грамматики происходит отождествление понятий «человек» и «мужчина», а женщина рассматривается как человек второго сорта [4]. Кроме того, проведенные в разные годы исследования позволяют сделать вывод, что генерализирующая функция мужского рода является мифом: реципиенты склонны в большинстве случаев трактовать формы мужского рода как специфицирующие, т. е. элиминировать женщин из состава номинируемых существительным референтов [5].

В рамках феминистской лингвистики был разработан целый ряд гендерно-корректных альтернатив, рекомендуемых к использованию вместо мужского рода в генерализирующей функции. Перечислим основные из них:

- полная сплиттинговая (парная) форма: *alle Studentinnen und Studenten, als Student/Studentin*;
- сокращенная сплиттинговая (парная) форма:
стяжение посредством косой черты, нижнего подчеркивания или внутреннего I (Binnen-I): *ein/e Student/in, Student_innen, StudentInnen*;
- гендерно-нейтральные лексемы: *Person, Mitglied, Lehrkraft, Studierende*;
- безличные обозначения должностей и ведомств: *das Rektorat*;
- формулировки с местоимениями вместо существительных: *wer teilnimmt, kann ...; alle, die ...*;
- пассивные конструкции: *Der Antrag ist vollständig auszufüllen* (вместо **Der Antragsteller hat ... auszufüllen*);
- прямое обращение: *Sie sollten ...* (вместо **Der Antragsteller sollte ...*).

Начиная с 1980 г. данные предложения по внедрению гендерно-симметричных форм в письменную официально-деловую коммуникацию регулярно доносятся до общественности в форме так называемых «руководств по несексистскому употреблению языка» („Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs“ или „Richtlinien zu einem nichtsexistischen Sprachgebrauch“). Данные руководства не имеют законодательной силы и служат лишь рекомендацией для тех, кто в силу своей профессии имеет дело с письменным словом и стремится избежать гендерно-асимметричных формулировок.

Обязательными к использованию гендерно-корректные формы являются только в текстах правительственных и административных документов (законов, постановлений, свидетельств и т. п.). В 1987 г. в Германии была создана рабочая группа «Правовой язык» (*Rechtssprache*), в состав которой вошли министр внутренних дел, министр по делам молодежи, семьи, женщин и здравоохранения, министр труда и министр юстиции. Разработанные этой группой предписания

были одобрены Бундестагом в 1990 г. Кроме того, в соответствии с § 7 и 11 Закона о равноправии (*Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz*) работодатели обязаны использовать гендерно-симметричные формы в объявлениях о приеме на работу. В остальных сферах авторы текстов в случае необходимости выбора между мужским родом в генерализирующей функции и его гендерно-нейтральными альтернативами руководствуются исключительно своими убеждениями и привычками. В этой связи представляется интересным проследить, в какой степени смогли «прижиться» гендерно-симметричные формы в немецкоязычном академическом интернет-дискурсе за 35 лет, прошедших со времени публикации первых работ, содержащих феминистскую критику немецкого языка.

В результате анализа пятидесяти сайтов немецких вузов нами было установлено, что сегодня используется весь арсенал гендерно-корректных форм, предлагаемых в руководствах по не-сексистскому употреблению языка в качестве альтернативы мужскому роду в генерализирующей функции. Ниже мы проиллюстрируем и прокомментируем особенности их использования.

Удачный пример последовательного употребления полной сплиттинговой формы можно обнаружить на сайте Вестфальского университета им. Вильгельма:

Lehrprofil: Coaching für Professorinnen und Professoren

Da das mindestens eintägige Format unserer Kurse für viele Hochschullehrerinnen und Hochschullehrer zu umfangreich ist, und die Fragen und der Unterstützungsbedarf für die Weiterentwicklung der eigenen Lehre meist auch spezieller sind, haben wir an der WWU für die Gruppe der Professorinnen und Professoren ein weiteres Angebot: Das Coaching "Lehrprofil".

Im Umfang von ca. drei Terminen kann diese Personengruppe Ihre Lehrerfahrungen und Ihr Lehrendeln mit einem qualifizierten Coach reflektieren und weiterentwickeln. Das Angebot richtet sich insbesondere an Neuberufene, ist aber für alle Hochschullehrerinnen und Hochschullehrer offen [6].

Однако в большинстве случаев полные сплиттинговые формы используются только на стартовых страницах сайтов или в заголовках рубрик и материалов, а в последующем тексте авторы прибегают к другим формам, причем не всегда гендерно-корректным. Так, на сайте института германистики Кассельского университета полная сплиттинговая форма *Studentinnen/Studenten* встречается только в заголовке одной из рубрик, далее же, начиная с подзаголовка, трижды следует форма МРГФ *Student*. Таким образом, здесь лишь формально, на самом поверхностном уровне, отдается дань современной тенденции к соблюдению гендерной симметрии в речи.

Informationen für Studentinnen/Studenten

Moodle-Gruppe für Bachelorstudenten

Die Fachschaft hat zusammen mit Frau Brinker- von der Heyde eine **Moodle-Gruppe für die Bachelorstudenten Germanistik Haupt- und Nebenfach** eingerichtet. Die Gruppe soll vor allem dazu dienen, die Kommunikation zwischen den Studenten zu verbessern und Probleme durch gegenseitige Hilfe aus dem Weg zu räumen und so gleichzeitig die Studienberatung und die Fachschaft zu entlasten. Außerdem wird den Studenten Material für ihr Studium zur Verfügung gestellt [7].

Наряду с полными сплиттинговыми формами на сайтах немецких университетов достаточно широко распространены и сокращенные. Чаще всего в них используется графический знак «слеш». С его помощью от корня отделяется суффикс женского рода, а также – в форме единственного числа – отделяются друг от друга артикли мужского и женского рода.

– Die Technische Universität Dresden unterstützt ihre Wissenschaftler/innen mit einem leistungsfähigen Forschungsservice. Dazu zählen unser Dezernat Forschungsförderung und Transfer, die Project Scouts, die Gründungsinitiative dresden|exists und das TU Dresden Welcome Center [8].

– Angebot für Professor/innen und Koordinator/innen [9].

– Auf dem Campus studieren, forschen und lernen Menschen aus 130 Ländern – etwa 500 internationale Doktoranden/innen und mehrere hundert internationale Wissenschaftler/innen [10].

При образовании сокращенных сплиттинговых форм встречаются и менее частотные графические знаки, такие как нижнее подчеркивание, звездочка и внутреннее I:

– Im Rahmen des TUMKolleg Programmes besuchten auch in diesem Jahr im Oktober 29 **Schüler_innen** von zwei Münchner Gymnasien für einen Tag die Fakultät für Sport- und Gesundheitswissenschaften[11].

– Zur Bearbeitung gesetzlich übertragener Aufgaben und Themen sowie von Inhalten, welche im Interesse der **Student_innenschaft** liegen, kann der **Student_innenRat** Referate einrichten.

In diesen arbeitet in der Regel **ein_e Referent_in**. Die Referate für Öffentlichkeitsarbeit und Gleichstellung und Lebensweisenpolitik haben jeweils zwei **Referent_innen**, das Referat ausländischer Studierender bis zu vier [12].

– **FFT Düsseldorf sucht Praktikant*innen**

Ab sofort bis Ende des Jahres sucht das FFT Düsseldorf für mindestens acht Wochen eine*n Praktikant*in in Vollzeit [13].

– **Informationen für InteressentInnen und BewerberInnen**

Sie überlegen sich, ob Sie ein Studium an unserem Institut beginnen möchten? Wir freuen uns über Ihr Interesse! [14]

При внимательном рассмотрении приведенных выше примеров можно заметить, что сокращенная форма сплиттинга не всегда является удачной гендерно-нейтральной альтернативой. Так, в случае существительных сильного склонения прибавление к корню суффикса женского рода и его выделение посредством графических средств действительно позволяет достичь гендерной симметрии: в одной словоформе (Schüler_innen, BewerberInnen) последовательно и четко прослеживаются и мужская, и женская составляющие. Элиминируя графический знак и суффикс женского рода, реципиент получает форму мужского рода, а элиминируя только графический знак – форму женского рода. В случае же существительных слабого склонения во множественном числе (Professor/innen, Referent_innen, Praktikant*innen, InteressentInnen) мужская форма оказывается «разорванной», и как следствие неочевидной: корень отделяется от суффикса множественного числа показателем женского рода. А попытка сохранить целостность мужской формы, предпринятая, например, на сайте Рурского университета (Doktoranden/innen), противоречит важному принципу сокращенного сплиттинга: после элиминации графического знака должна оставаться грамматически корректная словоформа. Еще проблематичнее оказывается «симметричное прочтение» формы сокращенного сплиттинга в косвенных падежах единственного числа (eine*n Praktikant*in): в этом случае нарушается грамматическая корректность, так как обязательный в этих падежах суффикс мужского рода *-en* опускается в пользу показателя женского рода *-in*.

Отдельно стоит отметить целый ряд случаев одновременного использования двух графических средств в одной сокращенной сплиттинговой форме, например нижнего подчеркивания и внутреннего I или косой черты и внутреннего I, хотя никаких оснований для такого дублирования гендерных маркеров нет:

– zusätzlich für internationale **Bewerber_Innen**

• Beglaubigte Übersetzung des Studienabschlusszeugnisses sowie des Nachweises für die berufliche Praxis

• Sprachnachweis (DSH 1, oder TestDaF 3)

• Gültiger Pass in Kopie

• Für chinesische **Bewerber_Innen**: APS-Nachweis [15]

– Die Pädagogische Hochschule Weingarten führt am Mittwoch, 18.11.2015 einen Studieninformationstag /Tag der offenen Tür für Gymnasiasten/Innen und andere Studieninteressierte durch [16].

Следующий вид гендерно-корректных форм, нередко используемый на сайтах немецких вузов, – гендерно-нейтральные лексемы. Их можно считать самым оптимальным средством достижения гендерной симметрии в тексте, так как они компактны (в отличие от форм полного сплиттинга) и не нарушают грамматических норм, а также визуального восприятия текста (в отличие от форм сокращенного сплиттинга). В качестве примера можно привести лексему *Forschungsteam*, которая служит альтернативой словосочетанию *Forscherinnen und Forscher* и нередко озаглавливает страницы сайтов, на которых представлены сотрудники научных институтов. Специального упоминания заслуживает случай неоправданной «феминизации» гендерно-нейтральной лексики *Mitglied* посредством прибавления показателя женского рода, что абсолютно противоречит грамматической норме. Объяснить такое нарушение можно только бездумным стремлением соблюсти требования гендерной корректности:

MitgliederInnen des Kulturwissenschaftlichen Kollegs am Standort Bischofsvilla am Seerhein und in der Seeburg in Kreuzlingen können Bücher und sonstige Materialien aus dem Bestand der Bibliothek Konstanz bestellen [17].

В отдельную группу гендерно-нейтральных лексем можно выделить субстантивированные причастия, которые получили очень широкое распространение в немецкоязычном академическом интернет-дискурсе.

– Der Kurs hat zum Ziel, den Teilnehmenden alle notwendigen sprachlichen Kompetenzen zu vermitteln damit sie sich in den unterschiedlichen Bereichen des Faches SEPM fachkonform ausdrücken und im Rahmen von Studium und Beruf in englischer Sprache sowohl mündlich als auch schriftlich sicher bewegen können [18].

– Hier finden Sie die Lehrenden der Folkwang Universität der Künste von A – Z aus allen Bereichen: Musik, Theater, Tanz, Gestaltung und Wissenschaft [19].

Очевидно, что самым высокочастотным субстантивированным причастием на сайтах немецких вузов является лексема *Studierende*. Она так прочно вошла в языковой обиход, что нередко используется в составе композитов, например: *Studierendenasweis* [20], *Studierendenaustausch* [21], *Stidierendensekretariat* [22].

Необходимо упомянуть, что, по мнению наиболее радикально настроенных борцов за гендерную симметрию в языке, субстантивированные причастия так легко «прижились» вследствие своей псевдонейтрализации. Так, например, составители руководства по антидискриминирующему языковому поведению, изданного в Берлинском университете им. Гумбольдта, ссылаются на проведенные дискурсивные исследования и утверждают, что субстантивированные причастия ассоциируются у реципиентов с лицами мужского пола [23].

Такое средство избегания гендерной асимметрии, как отказ от номинации референта именем существительным, также имеет место на сайтах немецких вузов. Номинация референта может замещаться формулировкой от его имени или прямым обращением:

– **Wie kann ich mich bewerben?**

Um an der Justus-Liebig-Universität Gießen (JLU) studieren zu können, müssen Sie sich zunächst bewerben und gelangen dadurch in ein Zulassungsverfahren [24].

– Auf diesen Seiten findest Du Informationen über die Mitglieder und Tätigkeiten des Fachschaftsrates, sowie über die Angebote für Studierende [25].

Однако прямое обращение к реципиенту или формулировки от его имени нельзя однозначно интерпретировать как тактику создания гендерно-нейтрального текста: автор может прибегать к ним с абсолютно другими прагматическими целями, например чтобы привлечь внимание читателя, вызвать у него доверие или выразить ему особое уважение. Подтверждением этого могут служить контексты, в которых прямое обращение сочетается с МРГФ.

– So können Sie als Student der Universität Kassel online an ausgesuchten Lehrveranstaltungen der anderen Universitäten teilnehmen [26].

– Als Wissenschaftler der Universität Leipzig haben Sie verschiedene Optionen, um Ihren Projektpartnern gegenüber eine Einladung nach Leipzig auszusprechen und ihnen den Wissenschaftsstandort Leipzig vorzustellen [27].

Для полноты картины рассмотрим еще одну форму, которая может выступать в качестве альтернативы мужскому роду в генерализирующей функции – женский род в генерализирующей функции. Эту форму предложила Л. Пуш (ссылка с. 77) с тем, чтобы использовать ее в дидактических целях: таким образом можно донести до мужчин, как воспринимаются женщинами тексты, в которых лица обоих полов номинируются существительными мужского рода. Долгое время эта идея не воспринималась лингвистическим сообществом серьезно, однако в 2013 г. она получила воплощение в уставных документах сразу двух немецких университетов: Лейпцигского и Потсдамского. Совет Лейпцигского университета принял решение использовать существительные женского рода для гендерно-нейтральной номинации лиц в уставе университета, а в Потсдаме подобное нововведение затронуло устав совета университета. И теперь, например, первые два абзаца параграфа 5 устава Лейпцигского университета выглядят следующим образом:

Angehörige der Universität sind auch die Promovierenden, die keine Mitglieder der Hochschule sind sowie die durch Stipendien oder eingeworbene Drittmittel geförderten, in Forschung und Lehre tätigen Wissenschaftlerinnen, die nicht hauptberuflich tätigen Privatdozentinnen, die Habilitierten und im Ruhestand befindliche Professorinnen, die Aufgaben der Universität wahrnehmen.

Auf Antrag der Fakultät und nach Zustimmung des Senats kann die Rektorin einer Person <...> ausnahmsweise die mitgliedschaftliche Stellung einer Hochschullehrerin einräumen, solange die Person Aufgaben an der Universität Leipzig in Forschung und Lehre wahrnimmt (Grundordnung der Universität Leipzig, 2013).

Итак, на исследованных нами сайтах немецких вузов представлен весь спектр гендерно-корректных форм, разработанных в рамках феминистской критики немецкого языка. И, несмотря на то что наряду с гендерно-симметричными формами до сих пор употребляется мужской род в генерализирующей функции [28], можно утверждать, что в данный момент в немецкоязычном академическом интернет-дискурсе прослеживается четкая тенденция к соблюдению принципа гендерной симметрии, которая стала реальностью благодаря активной позиции сторонников феминистской критики языка.

Примечания

1. Lakoff R. Language and woman's place. New York : Harper & Row, – Harper colophon books; CN 389, 1975.
2. Trömel-Plötz S. Frauensprache : Sprache der Veränderung. Frankfurt/M. : Fischer Verlag, 1982.
3. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Frankfurt/M. : Suhrkamp 1984.
4. Pusch, 1990; Trömel-Plötz, 2006.
5. Braun F., Sczesny S. & Stahlberg D. 2002. Das generische Maskulinum und die Alternativen. Empirische Studien zur Wirkung generischer Personenbezeichnungen im Deutschen. *Germanistische Linguistik*, 167/168, 77–87; Heise E. 2000. Sind Frauen mitgemeint? Eine empirische Untersuchung zum Verständnis des *generischen Maskulinums und seiner Alternativen*. *Sprache & Kognition*, 19, 3–13; Irmen L. & Kaczmarek N. 2000. Beeinflusst das grammatische Geschlecht die Repräsentation von Personen in einem mentalen Modell? Ein Vergleich zwischen einer englischsprachigen und einer deutschsprachigen Stichprobe. 42. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie, Jena; Irmen L. & Köhnke A. 1996. Zur Psychologie des „generischen“ Maskulinums. *Sprache & Kognition*, 15, S. 152–166; Kusterle K. 2011. Die Macht der Sprachformen. Brandes & Apsel Verlag, Frankfurt/Main.
6. URL: <https://www.uni-muenster.de/ZHL/angebote/lehrprofil.html> (дата обращения: 20.01.2017).
7. URL: <http://www.uni-kassel.de/fb02/institute/germanistik/informationen-fuer-studentinnenstudenten.html> (дата обращения: 20.01.2017).
8. URL: <https://tu-dresden.de/forschung/services-fuer-forschende> (дата обращения: 20.01.2017).
9. URL: <https://www.tuhh.de/graduiertenakademie/unsere-adressaten/professorinnen-und-koordinatorinnen.html> (дата обращения: 20.01.2017).
10. URL: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/universitaet/profil/internationalisierung/> (дата обращения: 20.01.2017).
11. URL: <https://www.sg.tum.de/studium/studieninteressierte/> (дата обращения: 20.01.2017).
12. URL: <http://stura.uni-leipzig.de/referate> (дата обращения: 20.01.2017).
13. URL: <http://www.theater.rub.de/?p=13134> (дата обращения: 20.01.2017).
14. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/fakultaeten/wirtschafts-und-sozialwissenschaftliche-fakultaet/faecher/ifp/bewerberinnen.html> (дата обращения: 20.01.2017).
15. URL: <http://www.kh-berlin.de/studium/fachgebiete/ma-raumstrategien/bewerbung-ma-raumstrategien.html> (дата обращения: 20.01.2017).
16. URL: http://www.ph-weingarten.de/studienberatung/info_veran_infotag.php?navanchor=7410020 (дата обращения: 20.01.2017).
17. URL: <https://www.kim.uni-konstanz.de/literatur/dokumentlieferung/kulturwissenschaftliches-kolleg/> (дата обращения: 20.01.2017).
18. URL: <http://www.uv.rub.de/pvz-planung/i3v/00022200/31277522.htm> (дата обращения: 20.01.2017).
19. URL: <http://www.folkwang-uni.de/home/hochschule/personen/lehrende/> (дата обращения: 20.01.2017).
20. URL: <http://www.hilfe.uni-passau.de/campuscard/kartentypen/> (дата обращения: 20.01.2017).
21. URL: <https://www.tu-berlin.de/menue/internationales/profil/> (дата обращения: 20.01.2017).
22. URL: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/studierendensekretariat/> (дата обращения: 20.01.2017).
23. Was tun? Sprachhandeln – aber wie? W_Ortungen statt Tatenlosigkeit. Anregungen zum antidiskriminierenden Sprachhandeln. URL: <http://feministisch-sprachhandeln.org/leitfaden/kapitel7/> (дата обращения: 20.01.2017).
24. URL: <https://www.uni-giessen.de/studium/askjustus/wie> (дата обращения: 20.01.2017).
25. URL: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/fr-geschichte/> (дата обращения: 20.01.2017).
26. URL: <https://www.uni-kassel.de/fb07/institute/ibwl/personen-fachgebiete/leimeister-prof-dr-faq/winfoline.html> (дата обращения: 20.01.2017).
27. URL: <https://www.zv.uni-leipzig.de/forschung/mobilitaet-international/wissenschaftler-an-die-universitaet-leipzig.html> (дата обращения: 20.01.2017).
28. По нашим наблюдениям, в 10% проанализированного тестового материала используется исключительно мужской род в генерализирующей функции, в 35% он комбинируется с альтернативными ему гендерно-корректными формами, а в 55% текстов используются только гендерно-корректные формы.

Notes

1. Lakoff R. Language and woman's place. New York: Harper & Row, – Harper colophon books; CN 389, 1975.
2. Trömel-Plötz S. Frauensprache : Sprache der Veränderung. Frankfurt/M. Fischer Verlag, 1982.
3. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Frankfurt/M. Suhrkamp 1984.
4. Pusch, 1990; Trömel-Plötz, 2006.
5. Braun F., Sczesny S. & Stahlberg D. 2002. Das generische Maskulinum und die Alternativen. Empirische Studien zur Wirkung generischer Personenbezeichnungen im Deutschen. *Germanistische Linguistik*, 167/168, 77–87; Heise E. 2000. Sind Frauen mitgemeint? Eine empirische Untersuchung zum Verständnis des *generischen Maskulinums und seiner Alternativen*. *Sprache & Kognition*, 19, 3–13; Irmen L. & Kaczmarek N. 2000. Beeinflusst das grammatische Geschlecht die Repräsentation von Personen in einem mentalen Modell? Ein Vergleich zwischen einer englischsprachigen und einer deutschsprachigen Stichprobe. 42. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie,

- Jena; Irmen L. & Köhnke A. 1996. Zur Psychologie des „generischen“ Maskulinums. Sprache & Kognition, 15, S. 152–166; Kusterle K. 2011. Die Macht der Sprachformen. Brandes & Apsel Verlag, Frankfurt/Main.
6. Available at: <https://www.uni-muenster.de/ZHL/angebote/lehrprofil.html> (date of access: 20.01.2017).
 7. Available at: <http://www.uni-kassel.de/fb02/institute/germanistik/informationen-fuer-studentinnen-studenten.html> (date of access: 20.01.2017).
 8. Available at: <https://tu-dresden.de/forschung/services-fuer-forschende> (date of access: 20.01.2017).
 9. Available at: <https://www.tuhh.de/graduieretenakademie/unsere-adressaten/professorinnen-und-koordinatorinnen.html> (date of access: 20.01.2017).
 10. Available at: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/universitaet/profil/internationalisierung/> (date of access: 20.01.2017).
 11. Available at: <https://www.sg.tum.de/studium/studieninteressierte/> (date of access: 20.01.2017).
 12. Available at: <http://stura.uni-leipzig.de/referate> (date of access: 20.01.2017).
 13. Available at: <http://www.theater.rub.de/?p=13134> (date of access: 20.01.2017).
 14. Available at: <http://www.uni-tuebingen.de/fakultaeten/wirtschafts-und-sozialwissenschaftliche-fakultaet/faecher/ifp/bewerberinnen.html> (date of access: 20.01.2017).
 15. Available at: <http://www.kh-berlin.de/studium/fachgebiete/ma-raumstrategien/bewerbung-ma-raumstrategien.html> (date of access: 20.01.2017).
 16. Available at: http://www.ph-weingarten.de/studienberatung/info_veran_infotag.php?navanchor=7410020 (date of access: 20.01.2017).
 17. Available at: <https://www.kim.uni-konstanz.de/literatur/dokumentlieferung/kulturwissenschaftliches-kolleg/> (date of access: 20.01.2017).
 18. Available at: <http://www.uv.rub.de/pvz-planung/i3v/00022200/31277522.htm> (date of access: 20.01.2017).
 19. Available at: <http://www.folkwang-uni.de/home/hochschule/personen/lehrende/> (date of access: 20.01.2017).
 20. Available at: <http://www.hilfe.uni-passau.de/campuscard/kartentypen/> (date of access: 20.01.2017).
 21. Available at: <https://www.tu-berlin.de/menue/internationales/profil/> (date of access: 20.01.2017).
 22. Available at: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/studierendensekretariat/> (date of access: 20.01.2017).
 23. Was tun? Sprachhandeln – aber wie? W_Ortungen statt Tatenlosigkeit. Anregungen zum antidiskriminierenden Sprachhandeln. Available at: <http://feministisch-sprachhandeln.org/leitfaden/kapitel7/> (date of access: 20.01.2017).
 24. Available at: <https://www.uni-giessen.de/studium/askjustus/wie> (date of access: 20.01.2017).
 25. Available at: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/fr-geschichte/> (date of access: 20.01.2017).
 26. Available at: <https://www.uni-kassel.de/fb07/institute/ibwl/personen-fachgebiete/leimeister-prof-dr/faq/winfile.html> (date of access: 20.01.2017).
 27. Available at: <https://www.zv.uni-leipzig.de/forschung/mobilitaet-international/wissenschaftler-an-die-universitaet-leipzig.html> (date of access: 20.01.2017).
 28. According to our observations, in 10% of the analysed test material exclusively masculine in general-ismusa functions is used, in 35% it is combined with the alternative gender-correct forms, and in 55% of texts are only used for gender-correct form.

УДК [811.112.2+811.111]: 81'362

Л. Г. Попова, Ю. Н. Кулакова

Вербализация бережливости в немецком и английском языках (сопоставительный аспект)

В статье на материале данных толковых словарей и словарей синонимов английского и немецкого языков осуществляется сопоставительный анализ лексико-семантической репрезентации бережливости в немецком и английском языках. В ходе сравнительного анализа было выяснено, что в обоих языках объектах исследования бережливость представлена в виде таких значений лексем, как рассудительность, экономия, умеренность, скупость, простота, прибыльность. В немецком языке дополнительно под бережливостью понимаются: неприхотливость, распределение, сдержанность, самоотречение, нетребовательность, мелочность, а в английском – предусмотрительность, хорошая организация, запасливость, осмотрительность в расходовании, поддержка технического состояния, стесненность в средствах, благосостояние, дешевизна. Скупость в обоих языках принимается как недостаток. В немецком языке бережливость в виде мелочности также воспринимается в качестве недостатка.

This article deals with the comparative analysis of lexico-semantic representation of conceptual element "thrift" in German and English. During the analysis it was cleared up that the concept "thrift" in both languages is represented in the form of such lexical items as prudence, economy, frugality, parsimony, parsimoniousness, gain.

The meaning in both languages is quiet similar, but In German there are extra meanings as unpretentiousness, distribution, reserve, self-denial, simple tastes, and pettiness. In English – providence, good management, abstemiousness, parsimony, gain, husbandry, careful budgeting, maintenance, success and cheapness. The article can be used by translations or as practical material for lessons in lexicology of German and English.

Ключевые слова: бережливость, немецкий язык, английский язык, сопоставительный анализ, лексико-семантическая репрезентация.

Keywords: concept "thrift", German, English, conceptual element, comparative analysis, nuclear lexical items and their synonyms.

В начале нашей статьи отметим тот факт, что бережливость присутствует как в немецкой, так и в английской лингвокультуре. Роль бережливости как добродетели представлена в «прусских добродетелях», также известных как «немецкие добродетели». Этот перечень лучших человеческих качеств берет свое начало со времен лютеранства эпохи Просвещения. Рассуждая о концептосфере немецкой лингвокультуры, Т. С. Медведева, ссылаясь на мнение немецких религиозных деятелей, писателей и педагогов, делает акцент на то, что бережливость наряду с порядком, дисциплиной и трудолюбием является необходимой частью жизни немца [1]. Исследователь отмечает, что бережливость и экономия денег в немецкой лингвокультуре вызывают исключительно позитивное отношение немцев [2].

В работе Е. Ю. Бутенко, посвященной репрезентации концепта "empiricism" фразеологическими средствами языка в английской лингвокультуре, говорится о расчетливости. Лингвист дает культурно значимые характеристики концепта, иллюстрирующие особенности ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества. Под британским эмпиризмом понимается стремление к действию, к практическому, а не теоретическому смыслу; умение извлекать пользу для себя; обдуманность поступков; торжество дела, а не слова, меркантилизм. При этом называется и расчетливость; эмоциональная скованность; осторожность при совершении поступков [3].

Стоит отметить и мнение английских представителей философии по поводу бережливости. Дж. Локк в своих «Мыслях о воспитании» давал советы родителям о воспитании молодого человека, учитывая, что каждый джентльмен должен владеть основами бухгалтерии [4]. Философ-этик А. Смит, подражая Аристотелю, определил место бережливости в качестве середины между скупостью и расточительностью, объявив первую недостатком, а вторую – избытком интереса к вещам. Бережливость, а не трудолюбие, считал он, является непосредственной причиной возрастания капитала. Но капитал никогда не мог бы возрастать, если бы бережливость не сберегала и не накапливала. Он считал бережливого человека общественным благодетелем, и роль такого бережливого человека может уравновесить расточительность других, что поможет избежать критической ситуации [5]. Следует вспомнить слова Б. Франклина о том, что сбереженная копейка – это заработанная копейка (англ. a penny saved is a penny earned), и его призыв «не разбрасывай – не пожалеешь» (англ. waste not, want not), указывая на то, что бережливость – верный рецепт финансового успеха [6].

Следовательно, можно удостовериться, что бережливость занимает достойное место как в немецкой, так и английской лингвокультуре. В нашей статье предполагается осуществить сопоставительный анализ лексем немецкого и английского языка, передающих понятие бережливости с целью выделения специфики ее понимания. В ходе исследования нами была выделена в качестве основной лексемы немецкого языка лексема *die Sparsamkeit* с подключением синонимов, соответствующих данной лексеме. Это – *der Geiz* (жадность), *die Ökonomie* (экономия), *der rationelle Einsatz* (рациональное применение), *die rationelle Verwendung* (рациональное использование), *die Wirtschaftlichkeit* (хозяйствование), *die Knauserei* (скупость), *die Genauigkeit* (точность), *die Einfachheit* (простота), *die Knappheit* (ограниченность), *die Nüchternheit* (здравый смысл), *die Schlichtheit* (простота), *die Schmucklosigkeit* (отсутствие убранства); *die Kargheit* (скряжничество), *die Knauserigkeit* (мелочность), *die Pfennigfucherei* (скряжничество), *einen Igel in der Tasche haben* (разг. иметь ежа в кармане), *die Einteilung* (распределение), *die Besitzgier* (желание обладать), *Einsparung* (накопления), *die Häuslichkeit* (домовитость), *die Maßhaltung* (соблюдение меры), *die Profitgier* (жажда выгоды), *die Rentabilität* (прибыльность), *die Schäbigkeit* (мелочность). В английском языке в качестве наиболее подходящей была выбрана лексема "thrift". К числу синонимов этой лексемы относятся: *providence* (предусмотрительность), *prudence* (благоразумие), *thriftiness* (запасливость), *canniness* (осмотрительность), *good management* (хорошая организация), *husbandry* (бережное отношение), *careful budgeting* (осмотрительное расходование средств), *economizing* (экономия), *saving* (сбережение), *scrimping* (экономия), *abstemiousness* (воздержанность), *parsimony* (скряжничество), *penny-pinching* (мелочная экономия), *miserliness* (скопидомство), *economy* (экономия), *austerity* (самоограничение), *stinginess* (скупердяйство),

frugality (умеренность), thriftiness (запасливость), skimping (скупость), carefulness (аккуратность), parsimoniousness (простота), conservation (сбережение), maintenance (поддержка технического состояния), extreme care in spending money (осмотрительность в расходовании средств), reluctance to spend money unnecessarily (нежелание расходовать средства без нужды), tightness (стесненность в средствах), niggardliness (скупость), closeness (скупость), tightfistedness (прижимистость), meanness (скаредность), miserliness (скупость), sparing (резервирование), success (благополучие), prosperity (преуспевание), gain (прибыль), profit (выгода), thriftiness (запасливость), austerity (крайняя экономия), cheapness (дешевизна), tight wad (скряга). В ходе исследования нами были рассмотрены данные толковых словарей и словарей синонимов немецкого и английского языков [7].

В обоих сопоставляемых языках отмечается присутствие одинаковых значений, представляющих бережливость. А именно:

Рассудительность: *prudence* (благоразумие), *die Nüchternheit* (рассудительность, здравый смысл).

Экономия: *thriftiness* (запасливость), *economizing* (экономия), *saving* (сбережение), *scrimping* (экономия), *economy* (экономия), *penny-pinching* (мелочная экономия), *austerity* (крайняя экономия), *die Wirtschaftlichkeit* (хозяйственность), *die Ökonomie* (экономность), *die Einsparung* (экономия), *die Haushaltung* (хозяйственность).

Умеренность: *abstemiousness* (воздержанность), *austerity* (самоограничение), *frugality* (умеренность), *die Zurückhaltung* (сдержанность), *die Enthaltensamkeit* (воздержание), *die Mäßigung* (умеренность), *die Abstinenz* (абстиненция), *die Knappheit* (малочисленность), *die Beschränkung* (ограничение), *die Maßhaltung* (умеренность).

Скупость: *parsimony* (скряжничество), *miserliness* (скопидомство), *stinginess* (скупердяйство), *skimping* (скупость), *niggardliness* (скупость), *closeness* (скупость), *tightfistedness* (прижимистость), *meanness* (скаредность), *miserliness* (скупость), *der Geiz* (жадность), *die Kargheit* (скаредность), *die Geldgier* (сребролюбие), *die Schäbigkeit* (скупость), *die Knickerei* (скаредность).

Простота: *parsimoniousness* (простота), *die Einfachheit* (простота), *die Schlichtheit* (простота), *die Schmucklosigkeit* (строгость).

Прибыльность: *gain* (прибыль), *profit* (выгода), *die Effizienz* (эффективность), *die Rationierung* (рациональность), *die Rentabilität* (прибыльность).

Следовательно, в английском и немецком языке под бережливостью понимаются:

- рассудительность,
- экономия,
- умеренность,
- скупость,
- простота,
- прибыльность.

В немецком языке в отличие от английского языка бережливость представлена следующими значениями лексем:

Неприхотливость: *die Anspruchslosigkeit* (непритязательность), *die Genügsamkeit* (неприхотливость).

Распределение: *die Einteilung* (распределение), *genaues Rechnen* (точный расчет).

Сдержанность: *die Zurückhaltung* (сдержанность), *die Enthaltensamkeit* (воздержание), *die Mäßigung* (умеренность), *die Abstinenz* (абстиненция), *die Knappheit* (малочисленность), *die Beschränkung* (ограничение), *die Maßhaltung* (умеренность).

Самоотречение: *die Entsagung* (самоотречение), *die Askese* (аскеза).

Нетребовательность: *die Bedürfnislosigkeit* (нетребовательность), *die Disziplin* (дисциплина), *die Bescheidenheit* (скромность).

Желание обладать: *die Habgier* (желание обладать), *die Habsucht* (любопытствие).

Мелочность: *die Kleinlichkeit* (мелочность), *die Knauserei* (мелочность).

Итак, в немецком языке бережливость – это

- неприхотливость,
- распределение,
- сдержанность,
- самоотречение,
- нетребовательность,
- мелочность.

В английском языке бережливость репрезентирована следующими значениями лексем:

Предусмотрительность: *providence* (предусмотрительность).

Хорошая организация: *good management* (хорошая организация).

Запасливость: *husbandry* (бережное отношение), *thriftiness* (запасливость), *sparing* (резервирование), *thriftiness* (запасливость).

Осмотрительность в расходовании: *careful budgeting* (осмотрительное расходование средств), *canniness* (осмотрительность), *conservation* (сбережение), *extreme care in spending money* (осмотрительность в расходовании средств), *reluctance to spend money unnecessarily* (нежелание расходовать средства без нужды).

Поддержка технического состояния: *maintenance* (поддержка технического состояния).

Стесненность в средствах: *tightness* (стесненность в средствах).

Благосостояние: *success* (благосостояние), *prosperity* (преуспевание).

Дешевизна: *cheapness* (дешевизна).

Таким образом, в английском языке в состав бережливости входят:

- предусмотрительность,
- хорошая организация,
- запасливость,
- осмотрительность в расходовании,
- поддержка технического состояния,
- стесненность в средствах,
- благосостояние,
- дешевизна.

Определив сходства и различия в лексико-семантической репрезентации бережливости в английском и немецком языке, можно сделать вывод о том, что бережливость рассматривается и как добродетель, и как недостаток. В большей мере бережливость считается добродетелью. Лишь скупость в обоих языках принимается как недостаток. В немецком языке бережливость в виде мелочности тоже воспринимается в качестве недостатка.

Примечания

1. *Медведева Т. С.* Ключевые концепты немецкой лингвокультуры : монография / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева; под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 160 с.

2. *Медведева Т. С.* К вопросу о сопоставлении лингвокультурных концептов // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2009. № 1. С. 120–132.

3. *Бутенко Е. Ю.* Репрезентация концепта “*empiricism*” фразеологическими средствами языка в английской лингвокультуре // Филологические науки Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2(61). С. 61–64.

4. *Локк Д.* Мысли о воспитании. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/10.php (дата обращения 11.05.2015).

5. *Michael D. Chan.* Aristotle and Hamilton on commerce and statesmanship. Missouri : University of Missouri Press, 2006. 248 p.

6. Английские идиомы/ URL: <http://www.phrases.org.uk/meanings/a-penny-saved-is-a-penny-earned.html>(дата обращения 15.11.2016).

7. Collins Thesaurus of the English Language – Complete and Unabridged 2nd Edition. 2002 Harper Collins Publishers 1995, 2002. URL: <http://www.thefreedictionary.com/thrift> (дата обращения 25.08.2016); Словарь английского языка. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/thrift> (дата обращения 10.07.2016); Словарь немецкого языка DUDEN. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Sparsamkeit> (дата обращения 16.08.2016); Словарь синонимов немецкого языка. URL: <http://www.synonyme.de/sparsam/> (дата обращения 15.08.2016).

Notes

1. *Medvedeva T. S.* *Ključevye koncepty nemeckoj lingvokul'tury* [Key concepts in German culture : monograph] / T. S. Medvedeva, M. V., Oparin, D. I. Medvedeva; edited by the T. I. Zelenina. Izhevsk. Publishing house "Udmurtia University". 2011. 160 p.

2. *Medvedeva T. S.* *K voprosu o sopostavlenii lingvokul'turnyh konceptov* [To the question about the mapping of linguistic concepts] // Herald of Udmurt University. Ser. "History and Philology" – *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. «Istoriya i filologiya»*. 2009, no.1, pp.120-132.

3. *Butenko E. Ju.* *Reprezentacija koncepta "empiricism" frazeologičeskimi sredstvami jazyka v anglijskoj lingvokul'ture* [The representation of the concept of “*empiricism*” phraseological means of language in English linguistic culture] // Philological Sciences theory and practice – *Filologičeskie nauki Voprosy teorii i praktiki* 2016, no. 7-2 (61), pp. 61–64.

4. *Lokk D.* *Mysli o vospitanii* [Thoughts on education] Available at : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/10.php

5. *Michael D. Chan.* Aristotle and Hamilton on commerce and statesmanship. Missouri. University of Missouri Press, 2006. 248 p.

6. English idioms. Available at:<http://www.phrases.org.uk/meanings/a-penny-saved-is-a-penny-earned.html>

7. Collins Thesaurus of the English Language – Complete and Unabridged 2nd Edition. 2002 © HarperCollins Publishers 1995, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com/thrift> (date of access 25.08.2016). Oxford dictionary Available at: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/thrift> (date of access 10.07.2016). DUDEN Wörterbuch Available at: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Sparsamkeit> (date of access 16.08.2016). Synonyme der deutschen Sprache Available at: <http://www.synonyme.de/sparsam/> (date of access 15.08.2016).

УДК 316.613.4=[112.2:512.19]

А. Ш. Меметова

Номенклатура эмоций в крымскотатарском и немецком языках

В настоящей статье анализируется номенклатура эмоций в двух неродственных языках – крымскотатарском и немецком. В статье перечисляются различные классификации эмоций, представленные в психологии, а также делается попытка сопоставления названий эмоций в количественном и качественном отношении. Основная классификация эмоций, разделяющая их на базовые и периферийные, находит свое отражение в сопоставляемых языках: немецком и крымскотатарском. Базовые номинации эмоций выступают в функции метаязыка: с их помощью даются определения вторичным номинантам эмоций, т. е. основные номинации эмоций имеют статус гиперонима по отношению к вторичным номинациям эмоций. Базовые эмоции представлены большим количеством номинаций в обоих языках. Эмоции комплексны, они, подобно молекуле, состоят из множества атомов.

In the present article the nomenclature of emotions in two unrelated languages – Crimean Tatar and German is analyzed. This article lists the different classifications of emotions presented in psychology and an attempt is made comparing the names of emotions in quantitative and qualitative terms. The main classification of emotions, dividing them into basic and peripherals is reflected in the comparable languages: German and Crimean Tatar. Basic category of emotions act meta-language function: they can give definitions nominees secondary emotions, it means the main category of emotions have spook status with respect to the secondary categories of emotions. Basic emotions are represented by a large number of nominations in both languages. Emotions are complex, they, like molecule composed of a plurality of atoms.

Ключевые слова: эмоция, номенклатура, базовые эмоции, вторичные эмоции, страх, печаль, гнев, радость, доминанта, синонимический ряд.

Keywords: emotion, nomenclature, base emotion, secondary emotion, fear, grief, anger, joy, keynote, synonymic row.

В процессе восприятия окружающей действительности человек так или иначе проявляет свое отношение к окружающим явлениям и предметам. Такое отношение имеет субъективный характер и выражается эмоциями. Эмоции – «психические процессы, протекающие в форме переживаний и отражающие личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека» [1].

Ученые, тесно занимающиеся изучением эмоционально-чувственной сферы человека, говорят о «размытости формирующих ее сегментов» [2]. По их мнению, «чистых» эмоций в природе не бывает, и они тесно сплетены друг с другом» [3]. Эмоции очень сложны по составу и содержат в себе множество оттенков. В работе Н. А. Красавского термин «эмоция» используется как собирательное понятие в связи с отсутствием единого понимания и четкого терминологического разграничения в употреблении родственных терминов «эмоция», «чувство», «ощущение», «аффект».

В настоящей статье ставится цель охарактеризовать номинации эмоций в крымскотатарском и немецком языках и дать их семантическую классификацию. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач: 1) выявить названия эмоций в исследуемых языках; 2) сопоставить номенклатуру эмоций в крымскотатарском и немецком языках в количественном и качественном отношении.

Объектом исследования послужили номинации эмоций, извлеченные из двух переводных словарей – Русско-крымскотатарского, крымскотатарско-русского словаря С. М. Усеинова [4] и Большого современного немецко-русского, русско-немецкого словаря С. Д. Романова [5] в следующем количестве: 112 номинаций эмоций в крымскотатарском языке, 128 названий эмоций в немецком языке. При анализе языкового материала применены методы наблюдения и описания.

Сопоставление номенклатуры эмоций в неродственных языках, крымскотатарском и немецком, производится впервые, что определяет актуальность и новизну исследования. Научной основой данного исследования послужили труды таких ученых, как В. И. Шаховский [6], Л. Г. Бабенко [7], Е. М. Вольф [8] и др.

Как известно, в психологии существуют различные классификации эмоций. Одной из часто используемых классификаций является разделение эмоций на **базовые** (основные) и **вторичные** (периферийные). К базовым эмоциям относятся радость, страх, печаль и гнев, которые в сопоставляемых языках передаются следующими единицами:

радость 'чувство удовольствия, удовлетворения' [9] – кр.тат. *кэуванч* и нем. *die Freude*;

страх 'состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.; боязнь' [10] – кр.тат. *кэоркэу* и нем. *die Angst*;

печаль 'чувство грусти и скорби, душевной горечи' [11] – кр.тат. *гэам* и нем. *die Trauer*;

гнев 'чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, озлобления' [12] – кр.тат. *гэазан* и нем. *der Zorn*.

Все остальные эмоции считаются периферийными. Основная часть их номинаций распределяется по синонимическим рядам, лишь незначительное количество является единичными номинациями вторичных эмоций. Номинации, входящие в синонимические ряды, в настоящем исследовании являются идеографическими синонимами и различаются по степени интенсивности признака. Ср., например, номинации и их содержание базовых эмоций *гнев* кр.тат. *гэазан* и нем. *der Zorn*, квалифицируемых в качестве доминанты, и вторичных эмоций *ярость* ('сильный гнев, бешенство' [13]) – кр.тат. *иддет* и нем. *die Wut*; *бешенство* ('крайняя степень раздражения, гнева, неистовство, ярость' [14]) – кр.тат. *кэутурув* и нем. *die Raserei*; *раздражение* ('состояние возбуждения, взволнованности; чувство острого недовольства, досады, злости' [15]) – кр.тат. *кэозгэалув* и нем. *die Aufgebrachtheit*. Ср. также: базовые эмоции *радость* – кр.тат. *кэуванч* и нем. *die Freude* в качестве доминанты и вторичные эмоции *восторг* ('сильный подъем радостных чувств, восхищение' [16]) – кр.тат. *айранлыкэ* и нем. *die Begeisterung*; *счастье* ('состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо' [17]) – кр.тат. *бахт, сеадет, талий, икэбаль, ферах, огэур* и нем. *das Glück*.

В некоторых случаях вторичные эмоции выражают комплексное значение, абсолютно отличающееся от значения базовых эмоций; например, *гордость* ('чувство собственного достоинства, самоуважения; чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-л.' [18]) – кр.тат. *гэурур, мугэурлыкэ, ифтхар, кибир* и нем. *der Stolz, der Hochmut*; *удивление* ('состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-л. необычного, неожиданного, странного, непонятного, изумление' [19]) – кр.тат. *тааджип, айрет, айран* и нем. *das Erstaunen, die Verwunderung*; *волнение* ('нервное возбуждение, сильное беспокойство, вызванное чем-л. (страхом, радостью, ожиданием и т. п.)' [20]) – кр.тат. *зеджан, джошма* и нем. *die Aufregung, die Aufgeregtheit, die Erregung*.

Существуют иные классификации эмоций, в том числе по знаку – **положительные** (*удовольствие* 'чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний' [21] – кр.тат. *мемнюнетлик* и нем. *die Annehmlichkeit*; *восхищение* 'высшая степень удовлетворения, удовольствия от чего-либо, восторг' [22] – кр.тат. *айранлыкэ* и нем. *die Bewunderung*); **отрицательные** (*отвращение* 'крайне неприятное чувство, вызываемое кем-л., чем-л.' [23] – кр.тат. *игренюв* и нем. *die Abneigung*; *презрение* 'чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-л., чему-л.' [24] – кр.тат. *нефрет* и нем. *die Verachtung*; *зависть* 'чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого' [25] – кр.тат. *пахыллыкэ* и нем. *der Neid*);

по степени мобилизации организма – **стенические**, активизирующие организм и поднимающие настроение (*восторг* 'сильный подъем радостных чувств, восхищение' [26] – кр.тат. *айранлыкэ* и нем. *die Begeisterung*; *интерес* 'внимание, любопытство, проявляемое к кому-л., чему-л., преимущественная направленность мысли на какой-л. объект' [27] – кр.тат. *меракэ* и нем. *das Interesse*), и **астенические**, расслабляющие человека и подавляющие активность организма (*стыд* 'чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения' [28] – кр.тат. *утанув* и нем. *die Scham*; *тоска* 'тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога; скука, уныние, царящие где-либо, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему' [29] – кр.тат. *асрет* и нем. *die Sehnsucht*; *горе* 'душевное страдание, глубокая печаль, скорбь' [30] – кр.тат. *кульфат* и нем. *das Elend*).

Встречается разделение эмоций по направленности – направленные на самого себя, например, (*страдание* 'физическая или нравственная боль, мука, мучение' [31] – кр.тат. *азан* и нем. *das Leiden*; *смущение* 'чувство и состояние замешательства, неловкости, испытываемое кем-л.' [32] – кр.тат. *утанув* и нем. *die Scham*), и имеющие направленность на других людей (лю-

бовь 'чувство глубокой привязанности к кому-л., чему-л.' [33] – кр.тат. *sevgi* и нем. *die Liebe*; *ненависть* 'чувство сильнейшей вражды, неприязни' [34] – кр.тат. *gъarez* и нем. *der Hass*).

Как видно из приведенных выше примеров, количество названий базовых эмоций в обоих языках равно. Соотношение количества названий периферийных эмоций в крымскотатарском и немецком языках следующее: волнение – 2/6, восторг – 3/12, гордость – 4/2, зависть – 4/1, жалость – 5/4, интерес – 1/1, любовь – 5/1, любопытство – 1/5, ненависть – 2/1, отвращение – 3/3, презрение – 1/1, раздражение – 2/3, ревность – 1/3, страдание – 5/2, смущение – 5/2, счастье – 8/5, тоска – 4/8, удивление – 5/2, удовольствие – 8/9, ярость – 4/2. Подсчет приведенных данных показал, что и в пределах классификации по знаку количество названий эмоций совпадает в обоих языках: соответственно положительных – 39/40, отрицательных – 21/22. Численность названий стенических/астенических эмоций в исследуемых языках различается: соответственно стенических – 40/49, астенических – 27/21. Количество номинаций эмоций по направленности в сопоставляемых языках следующее: 46/56 – направленные на себя, 22/16 – направленные на других.

Классификации эмоций, которые легли в основу данной работы, позволили выявить соответствия крымскотатарских названий эмоций в немецком языке и сопоставить их в количественном и качественном отношениях.

Приведённые выше данные говорят о примерно одинаковой значимости названий эмоций и значительном месте данной номенклатуры в лексике сопоставляемых языков. Полученные результаты не могут быть интерпретированы в плане релевантности тех или иных видов эмоций в культуре сопоставляемых языков. Думается, однако, что намеченная в данной работе проблема в дальнейшем может стать предметом специального анализа номинаций эмоций в обоих языках в лингвокультурологическом аспекте.

Примечания

1. Маклаков А. Г. Общая психология : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2008. С. 394.
2. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. Волгоград : Перемена, 2001. С. 34.
3. Там же.
4. Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь. Симферополь : Изд. дом «Тезис», 2014. 640 с.
5. Романов С. Д. Большой современный немецко-русский, русско-немецкий словарь. Донецк : БАО, 2004. 639 с.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
7. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Урал, 1989. 184 с.
8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1987. Т. 3. С. 581.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 283.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1987. Т. 3. С. 117.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 320.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 784.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 89.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1987. Т. 3. С. 605.
16. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 217.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 320.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 332.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 467.
20. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 205.
21. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 469.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 218.
23. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 2. С. 670.
24. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1987. Т. 3. С. 376.
25. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 503.
26. Там же. С. 217.
27. Там же. С. 672.
28. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 296.
29. Там же. С. 389.
30. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. С. 333.
31. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. С. 280.
32. Там же. С. 160.
33. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985. Т. 2. С. 209.
34. Там же. С. 456.

Notes

1. Maklakov A. G. *Obshchaya psihologiya : uchebnik dlya vuzov* [General Psychology: A Textbook for high schools] SPb. Piter. 2008. P. 394.
2. Krasavskij N. A. *EHmocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah : monografiya* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures: Monograph] Volgograd. Peremena. 2001. P. 34
3. Ibid.
4. Useinov S. M. *Russko#krymskotatarskij, krymskotatarsko#russkij slovar'* [Russian-Crimean Tatar / Crimean Tatar-Russian dictionary] Simferopol. Publishing House "Thesis". 2014. 640 p.
5. Romanov S. D. *Bol'shoj sovremennij nemecko#russkij, russko#nemeckij slovar'* [Large modern German-Russian / Russia-German dictionary] Donetsk. BAO. 2004. 639 P.
6. SHahovskij V. I. *Lingvisticheskaya teoriya ehmocij* [Linguistic theory of emotions] M. Gnosis. 2008. 416 p.
7. Babenko L. G. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya ehmocij v russkom yazyke* [Lexical means of designations of emotions in the Russian language] Sverdlovsk. Ural. 1989. 184 p.
8. Vol'f E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics estimation] M. Nauka. 1985. 228 p.
9. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1987. Vol. 3. P. 581.
10. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz. 1988 Vol. 4. P. 283.
11. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1987. Vol. 3. P. 117.
12. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 320.
13. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 4. P. 784.
14. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 89.
15. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1987. Vol. 3. P. 605.
16. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 217.
17. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 4. P. 320.
18. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 332.
19. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 4. P. 467.
20. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 205.
21. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 4. P. 469.
22. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 218.
23. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 2. P. 670.
24. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1987. Vol. 3. P. 376.
25. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 1. P. 503.
26. Ibid. P. 217.
27. Ibid. P. 672.
28. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 4. P. 296.
29. Ibid. P. 389.
30. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 1. P. 333.
31. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1988. Vol. 4. P. 280.
32. Ibid. P. 160.
33. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.*- Russian dictionary in four volumes / ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. M. Rus. yaz.1985. Vol. 2. P. 209.
34. Ibid. P. 456.

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Общество без будущего (критика техноутопий)

Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб. : Алетея, 2016. 300 с. – новая публикация В. А. Кутырёва, что всегда заметное явление в российской интеллектуальной жизни. Его труды отличает сплав высокого гуманизма и фундаментальных знаний профессионального философа, яркий художественный стиль, делающие каждую его книгу привлекательной для широкой аудитории. «Унесённые прогрессом» выделяется ещё и острой сатирой идеализации техники.

Привычно Владимир Александрович предостерегает читателя от деградации в новое, критикуя постмодернизм/трансмодерн, и раскрывает смысл истории как традицию человека. Конец истории усматривается ещё у Парменида и Канта, положивших начало когнитизации реальности. Если отвлечься от трагической диалектики истории, то обосновывается вполне здравая мысль – не все, что технически возможно, следует воплощать в жизнь.

Философия сопротивления консервативного романтизма проста и изящна – поставь жизнь выше поисков её смысла. В провозглашении глубинной экологии как заботы о предметном макромире автор в лучших традициях русской литературы и православия превозносит Человека и мудрость повседневности.

Gone with the progress: eschatology of life. – Spb. : Aletheia, 2016. – 310 p. – is a new book by V.A. Kutyrev which is always a significant news in in Russian intellectual life. His works are distinguished by a high alloy of humanism and erudition, lengthy professional criticism, colorful art style, all that is needed to make every new book an event. The last publication is special due to it's aphoristic venomous satire of thecho ideals.

Customarily Vladimir warns the reader against degradation in a new, criticizing postmodernism / transmodern and reveals the meaning of history as a human tradition. The end of history is seen already in Parmenides and Kant, that ushered knowledge based understanding of reality. Apart from the tragic dialectic of history, Kutyrev proves quite a sensible idea – not everything that is technically possible, should be put into practice.

Kutyrev's philosophy of conservative romantic resistance is simple and elegant – put the life above the quest of meaning. The proclamation of deep ecology as care about the things around us and wisdom of day-to-day life is done in the best traditions of Russian literature and Orthodoxy.

Ключевые слова: традиция, техноутопизм, технореализм.

Keywords: tradition, tradition, techotopia, techorealism.

Данная статья представляет собой обзор идей последней книги Владимира Александровича Кутырёва «Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире» (СПб. : Алетея, 2016). Автор – известный нижегородский философ, защищающий традиционную культуру как пристанище экзистенциальных смыслов, иммунную систему общества. Он – сторонник управляемого прогресса и устойчивого общественного развития. В каждой своей книге он выражает тревогу за будущее человечества в саркастически-образной и, вместе с тем, высоко эрудированной философской форме.

«Унесённые прогрессом» выделяется своей афористичностью. Автор отсылает нас к трудам «Афоризмы житейской мудрости» Артура Шопенгауэра, «Злая мудрость. Афоризмы и изречения» Фридриха Ницше, «Опавшие листья» Василия Розанова.

Ядовитая социальная критика антиномий современной цивилизации: бесконечное соревнование медицины с противоестественным образом жизни, производство кентавров (ГМО), мигранты-завоеватели в Европе, раблезианское столкновение холодильника и унитаза, жизни и современных скоростей – всё это есть в афоризмах самого читаемого и узнаваемого выпускника МГУ, ещё при жизни попавшего в Википедию.

В колкой манере автор поднимает множество антропологических и социокультурных проблем, выделим некоторые.

1. Традиционно В. А. Кутырёв берёт под обстрел технологические горизонты развития современной цивилизации. Да, трансгуманизм следует разоблачать как химеру, однако техника и технологии – это то, без чего многомиллиардное человечество не выживет, они есть его необходимость и вырванное усилием миллионов учёных достижение. Собственно, Кутырёв занимает срединную позицию, он – за контролируемое развитие техники и технологий. Необходимо лишь

очищать науку от ненаучных фантазий, техноутопий, иррациональных нарративов, мифологизации и гиперболизации роли науки в обществе, в ущерб иным формам мировоззрения (обыденной, мифу, религии, философии и пр.).

Мыльный пузырь техноутопий периодически лопаются под давлением социальной истории. Так, благие намерения концепций Сен-Симона, Фурье и Маркса были разорваны в клочья диктаторскими режимами XX в. Новый силиконовый технократизм отличается вера в неограниченную писи-демократию, прозрачное общество и свободный интернет-рынок.

Увлечение техноутопиями свойственно и современной российской политике, что выражается в вере в экономический прорыв через инновации, искоренение бедности и иного социального зла благодаря технологическому росту.

Книги Кутырёва возвращают нас к традиционной экономической реальности вместо постдефицитной силиконовой экономики, ожидающей дешёвого воспроизводства всех вещей – от носков и машин до продуктов и домов с помощью 3D принтеров и фрактальных самовоспроизводящих устройств. Надежды цифрового изобилия – это разновидность вечного двигателя. Идея экономически достаточной единой 10-часовой трудовой недели, проведённой за программированием и починкой роботов, весьма схожа с коммунистической утопией будущего технократического общества изобилия, где от каждого берётся по способностям, а даётся по потребностям. Кутырёв прав, что пропагандистов псевдонаучных идей нужно пропесочивать, будь то инноваторы, сторонники Н+, технократы или политики, заявляющие, что халявный Интернет для бомжей решит социальные проблемы.

В своей прошлой книге «Последнее целование. Человек как традиция» В. А. Кутырёв разнёс технократический романтизм Вернадского и Циолковского. Представления о ноосфере как научном рае, где будут горы хлеба и бездны могущества, оказались поверхностны и несбыточны. Согласен с автором, что никакие действительные тенденции эту счастливую надежду не подтверждают. Напротив, наблюдается достижение технических пределов в космосе, а это означает переориентацию инженерной мысли с экстерналистской программы на интерналистскую по энергосбережению и устойчивому развитию на Земле.

В «Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире» Кутырёв указывает на экологический предел, который заключается в том, что «прометеевское отношение к миру превысило возможности жизни на Земле» (с. 28). Орудийная мощь человека достигла тоже предела в некоторых областях. В США с 1970-х на борьбу с раком было брошено более \$ 100 млрд. Свёрнутая программа космических шаттлов оценивается под \$ 200 млрд. До сих пор, несмотря на колоссальные затраты инвесторов, не достигнута цель создания полноценной замены невозможных энергетических ресурсов. В инноватике застой: из 10 инвестиций экономическую прибыль приносят только три. Появились идеи, что инвестиции вообще не нуждаются в выгоде, это просто самореализация спонсора ради великого технологического прорыва человечества. С экономической точки зрения об этом говорит М. Л. Хазин, указывая на кризисы перепроизводства, розничного кредитования. Каждая НТР имеет свой предел, определяемый объёмами экономики. Иначе говоря, сверхзвуковой самолёт «Конкорд» был обречён, потому что в мире не было достаточно пассажиров, которые готовы были платить \$ 5000 за билет из Лондона в Нью Йорк.

Книги В. А. Кутырёва чрезвычайно нужны сегодня для гуманистического и гуманитарного образования, противостоящего наивному технократизму. Оценивать экономику по количеству компьютеров на душу населения и доступности Интернета, а эволюцию человечества укладывать в путь от прокариотов до персонального компьютера – это бестолковщина.

В России чрезвычайно востребована программа сбалансированного подхода к хозяйствованию и инновациям. Гонка за водой на Марсе не должна перевешивать заботу о собственных водных и лесных ресурсах. Особенно в условиях дефицита бюджета. Необходим технореализм вместо технопрогрессивизма, представляющего из себя ассорти из дарвинизма, коммунизма и дигитализма.

Должно произойти здоровое переосмысление установок на безграничное покорение природы, инновации ради инноваций, свойственные советскому пути развитию и некоторым российским технократам. Так, диафильм «2017 год», выпущенный в 60-х гг. XX в., называл следующие инновации к столетию Октябрьской революции: роботы-повара, междугороднее метро в вечной мерзлоте, атомные поезда через Берингов пролив, подземные скоростные машины-кроты для добычи энергии, неограниченная мезонная энергия, поворот Енисея и Оби на Каспийское море, управление погодой, города под землей, фотонные ракеты к далёким звёздам, точечные ядерные взрывы для улучшения ландшафта. Из всех названных технических новинок, описанных в 45 слайдах, сегодня действует только видеосвязь. Впрочем, все социальные тенденции описаны

точно – войны; нуклеарные семьи, где ребёнок редко видит занятых родителей; еда быстрого приготовления. К счастью, не сбылась и мечта переделать природу для мира и счастья на земле.

2. Автор диагностирует метафизическое нездоровье современного общества: жизнь в одиночестве, самоотрицание человека, аннигиляция общения, агрессия химии против жизни, культура наблюдения, а не культура участия, пошлость имиджевой красоты, ремифологизация общества (инопланетяне, экстрасенсы), торжество антидепрессантов и химической стимуляции жизни. Грустно, что мы теряем чувство жизни, становясь биороботами. Смена ценностных ориентаций сводится к тому, что станцию свободы мы проехали и переходим под знамя безопасности: «...вместо “Свобода, равенство, братство” – “Контроль, права человека, коммуникации”» (с. 92). Новый социальный продукт – хронические терпилы. Толерантность к болезням, социальной несправедливости.

Мир стоит перед угрозой господства сплошной гламурности. Нет равенства – ни в бане, ни на кладбище. Они тоже стали местами потребления и несут отпечаток социального статуса.

Эстетический сдвиг: народ перестал петь и плясать, экология песни ушла. Мелос правил в старой России, когда пели в деревнях и музицировали в военных училищах: «Тщетно хожу по району даже под Новый год: тишина, увертываюсь от машин, и стреляют петарды» (с. 288). Сейчас даже на свадьбах играют соло на смартфонах.

3. Формализация образования, его сведение к мониторингу и отчётности, превращение образования в услугу, перманентное его реформирование: «Студенты теперь клиенты. Студенты. Как их воспитывать – ведь клиент всегда прав?» (с. 128). При этом сохраняется декларативно-менторский стиль академиков. Доказательством истины здесь является сам человек, его статус. Отсюда заповедь для современного педагога: учи тому, чего не знаешь. ПТУ на информационном уровне – таков теперь идеал университетов. Вопрос Понтия Пилата «что есть истина» представляется не только трудным, как раньше, но ненужным, неправомерным, принципиально неразрешимым в обществе перепроизводства знаний, дискурсов, «литерасофии».

Технократы в российском образовании уже победили! Менеджмент качества образования – чистая кибернетика, которая проверяет воспитанность и образованность студента входами, выходами, процессами и количественным методом их подсчёта.

4. Брендовый перенос высокого уровня японской техники и производства, особенно автомашин на бережливую японскую еду, придуманную из скудости – ферментированный рис, сброженные соевые бобы, прибрежная мелочь в виде моллюсков, водорослей: «Кривимся, но жуём суши. Модно. Потом идём и заказываем что-то нормальное». Это вкус «знаков», моды и симулякров, побеждающих, обманывающих даже такие коренные чувства людей, как вкус» (с. 134).

5. Ставится проблема сущности новых революций. Определение их как цветных, оранжевых, бархатных и пр. является очередным симулякром, призраком. По сути – это либеральные, буржуазно-прогрессистские революции. «Их задачей является переход от основанных на принципе служения и закрытых моралью и религией культур к открытой, основанной на принципе самореализации и рациональности рыночной цивилизации. Конец истории как конец духовной истории человечества» (с. 126).

6. Столкновение культур с цивилизацией называется как причина «международного терроризма». Это безумный ответ умирающих культур на сумасшедшее поведение побеждающего глобализма. Суть которого –эффективность и универсальный свободный рынок (с. 126).

7. Отчуждение от харизмы языка через супервайзеров литературных мерчендайзеров: переезды – на трансферы, высокий – на топовый, Деда Мороза – на Санта Клауса. Креаклы – новые креативные симулякры. Кутырёв от любви к родному языку призывает к экологии мата (ругаться на родном языке, а не факами).

За двести лет произошло общее форматирование смыслов, что видно, если сравнить старые фотографии и современные, старые фамилии (Кузнецов, Скоробогатов) и современные (Медофф, Билан, Аллегрова, Смайл). Последний европейский тренд – насаждение безотцовщины, обращение только по имени.

8. К началу XXI в. на одного человека вещей и благ приходилось в 100 раз больше, чем он имел к началу века XX. Не говоря уже о тысячелетиях доиндустриальной истории: «Безумные технологии, вплоть до “интимных”, и избыток всего, пресыщение... Как все это изобилие правильно распределить и ограничить – вот проблема» (с. 11). Однако общество изобилия богато всем, кроме детей, т. е. будущих поколений людей. Если одна раса сходит с дистанции, её место займёт другая, у кого еще остались желания и воля к продолжению себя, кто ещё способен получать удовольствие от самой жизни, а не от информации о ней.

Напоследок, немного философской клюквы от Кутырёва, эссенция афоризмов для тех, кто ещё сомневается, читать ли книгу.

– К XXII веку замолчим. Всё будет делаться искусственно. Будут рекламировать: «Сделано без человека».

– Рукописи не горят. Они тонут в волнах бушующего информационного моря.

– В аптеке конца XXI века. Отдел эвтаназии. Богатый выбор средств. По крайней мере, трёх групп: смерть мгновенная, смерть – угасание; смерть радостная (с улыбкой). Самые дорогие сна-добья в последней группе. Ещё бы, ведь это значит «умереть от счастья».

– В будущем будут хоронить в ритуальных машинах, под шум мотора, прямо на ходу, это логическое продолжение современной тенденции хоронить «по-тихому». Автоматизация смерти идёт вслед за автоматизацией жизни.

В качестве критики следует указать на то, что автор уже много лет борется с фантомами технократии. Он сам справедливо указывает на пределы технического развития, которое ограничено природными, общественными и временными факторами. Многие заявленные технологии уже канули в лету (евгеника, космические челноки, холодный ядерный синтез, крионика), однако появляются новые – мемплексология, генная иммортология. Возможно, стоит сосредоточить внимание на разоблачении новых псевдонаук?

А. С. Тимощук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОЛКОВ Юрий Константинович – профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, г. Арзамас, просп. Ленина, 101, корп. 3.

E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

ГНЕЗДИЛОВА Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева. 650000 г. Кемерово, ул. Весенняя, 28.

E-mail: larisa.gnezdilova@yandex.ru

ДОРОЖКИН Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, 7.

E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна – старший научный сотрудник Института Африки РАН, доцент кафедры африканистики и арабистики, Российский университет дружбы народов. 123001, Москва ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: ns_inafr@mail.ru

ЗАГУСТИНА Ирина Валерьевна – аспирант кафедры немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 191186, наб. реки Мойки 48, г. Санкт-Петербург.

E-mail: irink_91@mail.ru.

КЛЕКОВКИН Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: d-klekovkin@mail.ru

КОРНЕВ Георгий Павлович – профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, г. Арзамас, просп. Ленина, 101, корп. 3.

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

КОРОТКИХ Юлия Сергеевна – студентка факультета славянской филологии и журналистики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 295007, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4.

E-mail: juliakorotkikh23@gmail.com.

КУЛАКОВА Юлия Николаевна – аспирант кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5б.

E-mail: julja-lja-lja@mail.ru

МАСЛОВА Анна Геннадьевна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: ag.maslova@mail.ru

МЕМЕТОВА Айше Шамильевна – преподаватель кафедры немецкой филологии, аспирант кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет. 295015, г. Симферополь, ул. Севастопольская, пер. Учебный, 8.

E-mail: aishe.memetova@mail.ru

Сведения об авторах

ПЕРЕВЕРЗЕВА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма. 105122, г. Москва, Сиреневый бульвар, 4.

E-mail: natalja.pereverseva@rambler.ru

ПОПОВА Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет. 105064, г. Москва, Малый Казенный переулок, 5б.

E-mail: larageorg5@gmail.com

СЕГАЛ Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4.

E-mail: natasha-segal@mail.ru.

СЕМЕНЕНКО Наталия Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Старооскольский филиал. 309502, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, 18.

E-mail: semenenko@bsu.edu.ru

СИМОНОВ Максим Анатольевич – аспирант кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств, Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: Simonov.Maksim@urfu.ru

СИТНИКОВА Ирина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 191186, наб. реки Мойки 48, г. Санкт-Петербург.

E-mail: i.o.sitnikova@herzen.spb.ru.

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России. 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

ФУКАЛОВ Антон Вячеславович – аспирант кафедры философии, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: antos.filosof@mail.ru

ЧЕБЫШЕВ Филипп Анатольевич – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: feliswork@yandex.ru

ШИБАНОВА Анна Николаевна – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: shibanova.ann2014@yandex.ru

ШИБАРШИНА Светлана Викторовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, 7.

E-mail: svet.shib@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VOLKOV Yury Konstantinovich – professor of the Department of jurisprudence, philosophy and social disciplines, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 101/3 Lenin Ave., 607220, Arzamas.

E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

GNEZDILOVA Larisa Borisovna – candidate of philological sciences, associate professor of Department of foreign languages, Kuzbass State Technical University n. a. T. F. Gorbachev. 28 Vesennaya str., 650000, Kemerovo.

E-mail: larisa.gnezdilova@yandex.ru

DOROZHNIK Alexandr Mikhailovich – doctor of philosophical sciences, professor, professor of the Department of philosophy, Nizhny Novgorod State University n. a. N. Lobachevsky. Room 201, 7 Universitetskiy lane, 603000, Nizhny Novgorod.

E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

ZHERLITSINA Natalia Aleksandrovna – senior researcher, Institute of African studies, Associate professor of African studies and Arabic studies, Russian University of Friendship of Peoples. 30/1 Spiridonovka str., 123001, Moscow.

E-mail: ns_inafr@mail.ru

ZAGUSTINA Irina Valerievna – postgraduate student of the Department of German philology, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 48 Moika river embankment, 191186, St. Petersburg.

E-mail: irink_91@mail.ru.

KLEKOVKIN Dmitry Anatolyevich – postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: d-klekovkin@mail.ru

KORNEV Georgi Pavlovich – professor jurisprudence, philosophy and social disciplines Department, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 101/3 Lenin Ave., 607220, Arzamas.

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

KOROTKIH Yuliya Sergeevna, a student of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 295007, Simferopol, Vernadsky Ave., 4.

E-mail: juliakorotkikh23@gmail.com.

KULAKOVA Julia Nikolaevna – postgraduate student of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow City Pedagogical University. 56 Maliy Kazenniy lane, 105064, Moscow.

E-mail: julja-lja-lja@mail.ru

MASLOVA Anna Gennad'evna – professor of the Department of Russian and foreign literature and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: ag.maslova@mail.ru

MEMETOVA Aishe Shamiljevna – lecturer of the Department of German philology, postgraduate student of the Department of Crimean Tatar and Turkish linguistics, Crimean Engineering and Pedagogical University. 8 Uchebny lane, Sevastopolskaja str., 295015, Simferopol, Republic of Crimea.

E-mail: aishe.memetova@mail.ru

PEREVERZEVA Natalja Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism. 4 Sirenevyy Blv. 105122, Moscow.

E-mail: natalja.pereverseva@rambler.ru

Informatin about authors

POPOVA Larisa Georgievna – doctor of philological sciences, professor of the Department of Germanic studies and linguistics, Moscow State Pedagogical University. 105064, 56 Malyi Kazenniy Lane, Moscow.

E-mail: larageorg5@gmail.com

SEGAL Natalia Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of Russian, Slavic and General Linguistics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadsky Ave., 295007, Simferopol, Republic of Crimea.

E-mail: natasha-segal@mail.ru.

SEMENENKO Natalia Nikolajevna – doctor of philological sciences, professor of the Department of Philology, Stary Oskol branch of Belgorod State National Research University. 18 Solnechnyj microdistrict, 309502, Stary Oskol.

E-mail: semenenko@bsu.edu.ru

SIMONOV Maxim Anatol'evich – postgraduate student of the Department of history of Russia of Institute of the Humanities and Arts, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. 19 Mira str., 620002, Russia, Ekaterinburg.

E-mail: Simonov.Maksim@urfu.ru

SITNIKOVA Irina Olegovna – candidate of philological sciences, associate professor of German philology, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 48 Moika river embankment, 191186, St. Petersburg.

E-mail: i.o.sitnikova@herzen.spb.ru.

TIMOSHCHUK Alexey Stanislavovich – doctor of philosophical sciences, professor of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines, Vladimir Institute of Law the Federal Service for the Execution of Sentences of Russia. 67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., 600020, Vladimir.

FUKALOV Anton Vyacheslavovich – postgraduate student of Department of philosophy, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: antos.filosof@mail.ru

CHEBYSHEV Philip Anatolyevich – postgraduate student, Department of Russian language, culture, language and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: feliswork@yandex.ru

SHIBANOVA Anna Nikolaevna – postgraduate student, Department of Russian language, culture, language and methods of teaching, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: shibanova.ann2014@yandex.ru

SHIBARSHINA Svetlana Viktorovna – candidate of philosophical sciences, senior lecturer of philosophy Department, Nizhny Novgorod State University. N. Lobachevsky. 603000, Nizhniy Novgorod, University pereulok, building 7.

E-mail: svet.shib@gmail.com

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 2 (2017)

Подписано в печать 28.02.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1000. Заказ № 4419.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36